

МАРК ЛЕВИ

Не такая, как все

роман

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

Марк Леви
Не такая, как все

Marc Levy

Une Fille Comme Elle

© Illustrations de Pauline Leveque

© Editions Robert Laffont, S.A.S., Paris, Versilio, Paris, 2018

© Antoine Varglas Studio, фотография автора

© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Тебе, моя давняя сообщница

Моим детям, не перестающим меня восхищать

Мой дневник, день за днем

День, когда у меня остановились часы

Сначала этот запах, как во время фейерверка, и беспросветная ночная тьма, когда угасает последний сноп огней.

Помню, как разлепила веки и увидела глаза отца: в его взгляде смешались ярость и слезы. Потом заметила, что родители стоят вместе, рядом — картина настолько неправдоподобная, что я было решила, что мне это пригрезилось из-за морфия.

Медсестра измеряла мне давление. Иногда вечером, когда я засыпаю, передо мной возникает ее лицо. Моей улыбкой часто восхищались, друзья говорили, что именно она придает мне очарование. А вот такой улыбки, как у Мэгги, во всем свете не сыскать. Те, кто встречает Мэгги за стенами больницы, видят в ней только женщину с пышными формами, но те, кто с ней знаком, как я, знают, что в этом массивном теле прячется большое сердце. И пусть никто мне впредь не говорит, что только изящество прекрасно.

Джулиус стоял, прислонившись к двери, и смотрел на меня: его серьезный взгляд напугал меня, он это понял, и лицо его смягчилось. Я рада была бы пошутить, сказать что-нибудь веселое, чтобы они расслабились. Например, спросить, выиграла ли я забег, папу это позабавило бы, хотя, может, и нет... Но я не могла издать ни звука — вот отчего мне по-настоящему было страшно! Мэгги меня успокаивала: мне в горло вставили трубку, так что нельзя ни говорить, ни даже глотать. Не успела я прийти в сознание, как меня торопились снова усыпить. Желание рассмеить отца пропало.

Хлоя

Близился вечер, наступало самое напряженное время. Дипак совершил уже три ездки. Сначала поднял на восьмой этаж мистера Уильямса, обозревателя телеканала «Фокс Ньюс». Потом отвез вниз мистера Грумлата, бухгалтера, чья контора располагалась на втором этаже. Теперь он вез на седьмой этаж золотистого ретривера супругов-французов по фамилии Леклер. Их домработница забирала пса на площадке перед лифтом и давала Дипаку десятидолларовую купюру для ожидавшего в вестибюле парня, который выгуливал пса. Дипак взглянул на часы: сейчас его вызовет миссис Коллинз. Вдова упорно запирала свою дверь на три замка, хотя никто не мог бы проникнуть в дом незамеченным. Что ж, угождать причудам жильцов дома № 12 по Пятой авеню — неотъемлемая часть его обязанностей, более того, его рабочий день обычно из этого и состоит.

Дипак помог миссис Коллинз вытащить ключ из замочной скважины и проводил ее на первый этаж, потом заторопился на второй. У лифта его ждала мисс Хлоя, она улыбнулась ему навстречу. Кажется, она так и родилась с улыбкой на губах. Оказавшись в лифте, она спросила, как прошел день, и Дипак ответил:

— То на подъеме, то на спуске, мисс.

Остановить кабину точно на уровне этажа — непростое искусство. Дипак делал это с закрытыми глазами, но транспортировка мисс Хлои со второго этажа, где у нее был кабинет, на девятый, где она жила, требовала особого внимания.

— Мисс собирается вечером выходить? — осведомился он.

В этом вопросе не было ни капли бестактности: если мисс Хлое понадобится помощь его ночного сменщика, того надо предупредить.

— Нет, я приму теплую ванну и лягу. Мой отец дома?

— Вы узнаете это, когда подниметесь к себе, — бесстрастно ответил Дипак.

Он исповедовал две религии: индуизм и деликатность. За тридцать девять лет, что он трудился лифтером в богатом доме на Пятой авеню, он еще ни разу никому не сообщил о приходах и уходах своих работодателей, даже их близким — особенно им.

Дом № 12 по Пятой авеню представлял собой девятиэтажную каменную громадину. На каждом этаже размещалась одна квартира, только на втором — две конторы. Совершая в среднем пять ездов за день на каждый этаж, Дипак, с учетом внушительной высоты потолочных перекрытий, преодолевал 594 километра в год. С начала своей карьеры он проделал путь в 22 572 километра. Во внутреннем кармане его сюртука хранилась драгоценность — блокнот, в котором были зарегистрированы все его подъемы и спуски: так пилоты ведут учет часов, проведенных в полете.

Через год, пять месяцев и три недели он накопит уже 23 448 километров, что равно высоте горы Нандадеви, помноженной на три тысячи. Это будет подвиг, рекорд, мечта всей его жизни. Всем известно, что «Богиня радости» — высочайшая из всех гор, целиком расположенных на территории Индии.

Лифт Дипака полностью управлялся вручную: настоящий антиквариат, во всем Нью-Йорке осталось всего пятьдесят три такие кабины, приводимые в действие при помощи рычага. Для жильцов дома этот лифт служил напоминанием об ушедшем в прошлое тонком искусстве жизни.

Дипак был хранителем вымирающего ремесла, только сам он не знал, как к этому относиться: грустить или, наоборот, гордиться собой.

Каждое утро ровно в 6:15 он входил в дом № 12 по Пятой авеню через черный ход, спускался по лестнице в подвал и направлялся к своему шкафчику в подсобке. Там он снимал свои слишком просторные штаны и линялую майку и облачался в белую рубашку, фланелевые брюки и сюртук, на лацкане которого красовался вышитый золотой нитью адрес дома. Он приглаживал свои тонкие

волосы, водружал на голову фуражку и смотрелся в маленькое зеркало на двери шкафчика, после чего отправлялся сменять Риверу.

Следующие полчаса он посвящал важному делу — надраивал кабину. Сначала он тер мягкой тряпочкой лакированные деревянные стены, потом священнодействовал с медной ручкой. Войти в его лифт — все равно что занять место в вагоне «Восточного экспресса» или — если задрать голову и полюбоваться фреской в стиле Возрождения на потолке — вознестись на небеса в царском саркофаге.

Современный лифт обходился бы владельцам гораздо дешевле. Но как верно оценить приветствие, почтительное внимание? Сколько стоит терпение человека, который деликатно гасит конфликты соседей, какова реальная значимость того, кто озаряет ваше утро учтивым словом, сообщает о погоде, помнит дни рождения, приглядывает в ваше отсутствие за квартирой, самым своим присутствием поднимает вам настроение, особенно когда впереди одинокая ночь? Лифтер — гораздо больше чем профессия, скорее это жреческий сан.

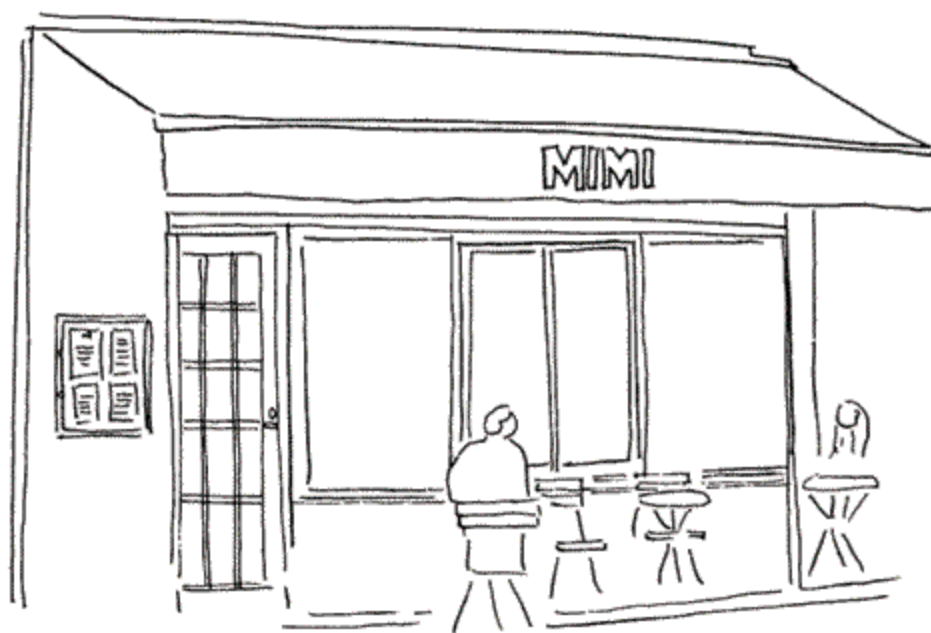
Вот уже тридцать девять лет все дни Дипака походили один на другой. Часы после утренней суматохи и до приближения вечера он проводил за своей конторкой в вестибюле. Встретив посетителя и заперев за ним дверь, он вел его в лифт. Кроме того, он принимал посылки и дважды в день протирал большое зеркало в вестибюле и стеклянные панели кованой двери. В 18:15 Дипак передавал бразды правления королевством своему сменщику Ривере. Потом спускался в подвал, снимал белую рубашку, фланелевые брюки и сюртук, клал на полку фуражку, снова надевал повседневную одежду, зачесывал назад волосы, бросал взгляд в зеркало и брел к станции метро.

«Вашингтон-сквер» — немногочисленная станция, поэтому Дипаку всегда удавалось сесть, чтобы вскоре, на станции «34-я улица», вежливо уступить место первой же вошедшей в вагон даме. На «42-й улице» место освобождалось, и Дипак снова садился, разворачивал газету и изучал новости до самой своей остановки — «116-я улица». Затем шел пешком семьсот метров до своего дома. Таков был его неизменный утренний и вечерний маршрут — и под летним солнцем, и под осенним дождем, и в снегопад, обрушивавшийся с зимних небес.

В 19:30 он здоровался с женой и ужинал вместе с ней. За тридцать девять лет Лали и Дипак изменили этому правилу один-единственный раз. Лали было тогда двадцать шесть, у нее начались родовые схватки, и чуть живой от страха Дипак, сидя с ней рядом в фургоне «скорой помощи», сжимал ее руку. Тот день должен был стать чудеснейшим в их жизни, но он завершился трагедией, и они никогда об этом не заговаривали.

Каждый второй четверг Лали и Дипак устраивали романтический ужин в одном ресторанчике в Эль Баррио — Испанском, или Восточном, Гарлеме.

Дипак любил свое размеренное существование не меньше, чем жену. Но однажды вечером, в тот самый момент, когда он сидел за стол, эта размеренность была нарушена.

Самолет «Эйр Индия» приземлился в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Санджай встал, снял с багажной полки свою сумку и поспешил в рукав, радуясь тому, что первым выходит из самолета. Почти бегом промчался по коридорам и выскочил в большой зал перед самыми кабинками иммиграционной службы. Один из чиновников принялся весьма нелюбезно допрашивать его о причинах приезда в Нью-Йорк. Санджай объяснил, что прибыл сюда учиться, и предъявил приглашение своей тетушки, поручившейся за его платежеспособность. Вместо того чтобы изучить бумагу, чиновник стал рассматривать самого Санджая. Это был ответственный момент: неприглянувшегося иностранного гостя запросто могли препроводить в помещение для допросов, а потом отправить восвояси. Но Санджаю повезло: чиновник шлепнул ему в паспорт штамп, что-то пробубнил насчет необходимости соблюдать срок пребывания на американской земле и велел идти дальше. Санджай забрал с транспортера свой чемодан, миновал таможню и зашагал к условленному месту встречи — туда, где водители лимузинов ожидали своих пассажиров. Один из них держал в руках табличку с его именем. Забрав у Санджая багаж, он отвел его к машине.

Черная «Тойота Краун» мчалась по шоссе 495, довольно свободному в этот поздний час. Долгий перелет давал о себе знать: Санджая разморило на мягком сиденье. Водитель, правда, мешал ему дремать своей болтовней, к тому же хотелось полюбоваться вырисовывавшимися вдали небоскребами Манхэттена.

— По делам или отдохнуть? — любопытствовал водитель.

— Хочу совместить приятное с полезным, — ответил Санджай.

— Через тоннель или по мосту?

Вопрос водителя напомнил Санджаю, что Манхэттен — остров, на который можно попасть разными путями. Он решил, что вид с моста

Куинсборо стоит того, чтобы сделать ради него небольшой крюк.

— Из Индии? — спросил его водитель.

— Да, из Мумбаи.

— Может, тоже станешь шофером, как я. Так поступает большинство прибывающих сюда индийцев. Сначала «Желтое такси», для тех, кто похитрее, — «Uber». А для немногих избранных — вот такой лимузин.

Санджай посмотрел на личную карточку водителя, прикрепленную к крышке бардачка. Рядом с фотографией водителя было написано его имя, Мариус Зобонья, номер лицензии 8451.

— Разве поляки не работают в Нью-Йорке врачами, учителями, инженерами?

Мариус поскреб подбородок и задумчиво произнес:

— Не знаю таких. Правда, физиотерапевт моей жены — словак.

— Приятное известие, очень обнадеживающее. Терпеть не могу крутить баранку!

У водителя пропало желание болтать. Санджай вынул из кармана телефон и проверил сообщения. Программа его пребывания в Нью-Йорке выглядела насыщенной. Первым делом следовало исполнить семейный долг. Традиции требовали начать с благодарности тетке, любезно приславшей ему приглашение с рекомендательным письмом. Это было с ее стороны тем более любезно, что он никогда в жизни ее не видел.

— Мы далеко от Гарлема? — спросил он водителя.

— Гарлем большой. Тебе какой — Восточный, Западный?

Санджай полез за письмом и прочел адрес на конверте:

— Двести двадцать пятая Восточная, Сто восемнадцатая улица.

— Пятнадцать минут — и мы там, — пообещал водитель.

— Отлично, едем туда. И уже оттуда — в «Плазу».

Автомобиль выехал на скоростную трассу, идущую вдоль Ист-Ривер и Гарлем-Ривер, и вскоре затормозил перед домом из красного кирпича, построенным в семидесятые годы.

— Ты уверен, что это здесь?

— Да. А что?

— Просто Испанский Гарлем — пуэрто-риканский район.

— А вдруг моя тетка — индианка из Пуэрто-Рико? — отозвался со смехом Санджай.

— Мне подождать?

— Будь так добр. Я ненадолго.

На всякий случай Санджай забрал из багажника свои вещи.

Лали поставила на стол кастрюльку, сняла крышку — и в столовой запахло так, что у Санджая потекли слюнки. Дипак, вернувшись с работы, удивился, увидев жену в сари, которого она никогда не надевала. Еще больше его удивило то, что она приготовила его любимое блюдо, потому что оно появлялось на столе только в праздники. Наверное, его жена уступила наконец доводам рассудка. Почему они так редко доставляют себе маленькие радости? За едой Дипак принялся пересказывать последние новости: он любил обстоятельно излагать все, что прочитал в метро. Но Лали слушала его рассеянно.

— Кажется, я забыла сообщить тебе: мне звонили из Мумбаи, — сказала она, подкладывая ему добавки.

— Из Мумбаи? — переспросил Дипак.

— Да, наш племянник.

— Который из них? У нас наберется десятка два племянников и племянниц, и никого из них мы не знаем.

— Это сын моего брата.

— Вот оно что! — Дипак зевнул, его уже клонило в сон. — У него все хорошо?

— Брат двадцать лет как умер.

— Я спрашиваю не про него, а про племянника.

— Скоро сам у него спросишь.

Дипак отложил вилку.

— В каком смысле «скоро»?

— Слышимость была неважная, — лаконично объяснила Лали. — Я так поняла, что он хочет прилететь в Нью-Йорк. Ему нужна семья, которая бы его приняла.

— При чем тут мы?

— Дипак, с тех пор как мы покинули Мумбаи, ты мне все уши прожужжал своими воспоминаниями о красотах Индии. Иногда у меня создается впечатление, что она застыла во времени, как эстамп. Ну а теперь Индия пожалует к тебе сама. Разве это не повод для радости?

— Ко мне пожалует не Индия, а твой племянник. Что ты о нем знаешь? Вдруг он неуживчивый? Раз ему нужна крыша над головой, значит, он явится сюда с пустыми карманами.

— Мы тоже такими были, когда сюда приехали.

— Но мы были полны решимости трудиться, а не ютиться по чужим углам.

— Подумаешь, неделя-другая! Это еще не конец света.

— В моем возрасте несколько недель — возможно, все, что мне осталось.

— Перестань, смешно слушать! Если уж на то пошло, днем тебя все равно не бывает дома. Я с радостью покажу ему город. Не станешь же ты лишать меня этого удовольствия?

— Где он будет спать?

Лали указала глазами на дальний угол коридора.

— И речи быть не может! — возмутился Дипак.

Он отложил салфетку, пересек гостиную и распахнул дверь голубой спальни. Он сам выкрасил ее в такой цвет тридцать лет назад. Когда он разбирал колыбельку, которую смастерил своими руками, он испытал самую жгучую в своей жизни боль. С тех пор он заходил в эту комнату всего раз в год, чтобы, сев на оставленный у окна табурет, молча помолиться.

Сейчас, увидев, как жена преобразила эту комнату, Дипак горестно вздохнул.

Лали подошла к нему сзади и обняла.

— Дыхание молодости пойдет нам на пользу.

— И когда должен появиться этот твой племянник? — спросил Дипак.

Не успел он договорить, как зазвонил домофон.

Дожидааясь гостя на лестничной площадке, Лали поправляла свое сари и высокий пучок, закрепленный светлым роговым гребнем.

Санджай вышел из лифта. На нем были джинсы, белая рубашка, элегантный пиджак и изящные спортивные туфли.

— Я представляла тебя не таким, — призналась смущенная тетушка. — Располагайся, чувствуй себя как дома.

— Это ни к чему, — раздался у нее за спиной ворчливый голос мужа. — Я пока угощу чаем нашего гостя, а ты ступай переоденься.

— Не слушай этого старого брюзгу, — отмахнулась Лали. — Дипак издевается над моим нарядом, но ведь я не знала, что за человек постучится в нашу дверь. Наша семья была такой консервативной!

— Индия сильно изменилась. Вы меня ждали?

— Конечно, еще как! Ты очень на него похож! — сказала Лали со вздохом, вглядываясь в его лицо. — Так и вижу брата, с которым в последний раз говорила сорок лет назад!

— Не мучай его своими допотопными историями, он, наверное, сильно устал, — вмешался Дипак, подталкивая гостя в сторону столовой.

Вернувшись уже не в сари, а в блузке и брюках, Лали застала мужчин за столом. Они перебрасывались редкими фразами, разговор явно не клеился. Она подала печенье, спросила племянника, хорошо ли он долетел, и стала перечислять достопримечательности, которые мечтает ему показать. Говорить приходилось за двоих: муж не блистал красноречием. Санджай не мог дожидаться, когда сможет уйти, не показавшись невежливым. Увидев, как он борется с зевотой, Дипак ввернул, что всем уже пора отдыхать.

— Твоя комната готова, — сообщила Лали.

— Моя комната? — удивился Санджай.

Взяв племянника за руку, она повела его в голубую спальню. Санджай осторожно заглянул в дверь.

Раскладной диван с бархатной обивкой и грубыми спинками Лали застелила оранжевыми простынями, подушек было две, в наволочках в цветочек, одеяло она сама сшила из разноцветных лоскутов. Перенесенный из прихожей столик был превращен в прикроватный, на нем красовался глиняный горшок с бумажными цветами.

— Надеюсь, тебе здесь понравится. Я так счастлива принимать тебя у нас в гостях!

Санджай покосился на часы: стрелки показывали 19:15. Мысль о том, что придется отказаться от апартаментов в «Плазе» с видом на Центральный парк ради комнатухи площадью шесть квадратных метров в Испанском Гарлеме, приводила его в ужас, и он лихорадочно придумывал отговорку, чтобы вырваться из западни, не обидев тетушку. Ничего не придумав, этот раб благопристойности позвонил водителю и хрипло сообщил, что больше не нуждается в его услугах. И всю ночь ворочался и слушал надсадный скрип пружин раскладного дивана, с тоской представляя себе широкую гостиничную кровать.

В доме № 12 по Пятой авеню Хлоя отперла дверь своей просторной квартиры. Положив ключи на столик у двери, двинулась по коридору — настоящей галерее своей жизни: все стены в нем были увешаны фотографиями. Некоторые из них ей нравились, например та, где был запечатлен ее отец в тридцать лет: густая шевелюра, лицо волевое, как у Индианы Джонса. Ее лицейские подружки обмирали от одного его вида. Кое-какие снимки она люто ненавидела: на одном из них ей вручали медаль после забега в Сан-Франциско, а мать стояла рядом с совершенно счастливым видом, хотя уже назавтра она собрала вещички и упорхнула. Некоторые фотографии вызвали ностальгические чувства, к примеру снимок собаки, члена семьи, — тогда ее родители еще были семьей...

Из-под двери библиотеки пробивался свет. Молча войдя туда, она уставилась на отца. Его шевелюра была по-прежнему густой, но из рыжеватой стала пепельной. Профессор Бронштейн увлеченно проверял студенческие работы.

— Как прошел день? — осведомилась она.

— Преподавать кейнсианство стаду прыщавых студентов не так тоскливо, как может показаться. Как там твой кастинг? — поинтересовался он, не поднимая глаз. — Все позади?

— Все будет ясно через несколько дней: либо меня вызовут на вторую пробу, либо я получу сотое письмо с объяснениями, почему им не подхожу.

— Ты не ужинаешь с Шопенгауэром?

Хлоя взглянула на отца и быстро попятилась к двери.

— Ты не прочь посидеть в ресторане с дочерью? Я буду готова через полчаса.

— Двадцать минут! — крикнул он ей вслед.

— За это время только наполнится ванна! Когда удосужишься починить сантехнику, я смогу собираться гораздо быстрее, — донеслось до него из коридора.

Профессор Бронштейн выдвинул ящик письменного стола, порылся в нем, нашел старую смету и при виде запрошенной суммы в который раз загрустил. Вернув смету на место, он вернулся к своему неблагодарному труду и не поднимал головы, пока Хлоя снова не постучала в дверь спустя довольно долгое время.

— Я вызвала мистера Риверу, пойдем скорее.

Профессор Бронштейн натянул пиджак и нагнал дочь на лестничной площадке. Решетка лифта уже была открыта. Хлоя оказалась в кабине первой, отец протиснулся следом.

— А Дипак говорил, что вы проведете вечер дома, — протянул ночной лифтер виноватым тоном.

— Планы изменились, — радостно откликнулась Хлоя.

Ривера взялся за свою рукоятку, и кабина поехала вниз.

На первом этаже он отодвинул решетку и посторонился, пропуская Хлою.

Снаружи их встретили синее ночное небо и приятная прохлада.

— Куда пойдем? Напротив, в «Клодетт»? — предложил профессор.

— Нельзя бесконечно злоупотреблять их щедростью, рано или поздно долг придется вернуть.

— Бесконечно нельзя, но еще немножко можно. И потом, у меня есть для тебя радостное известие: сегодня я расплатился с бакалейщиком.

— Лучше поужинаем у Мими, я приглашаю.

— Ты ездила просить денег к своей мамаше? — спросил Бронштейн, хмурясь.

— Не совсем. Я действительно нанесла ей визит, была у нас такая договоренность, но она была занята, собирала чемоданы. Жиголо везет ее в Мексику — вернее, это она его туда везет. Желая загладить вину, она достала из сумочки несколько бумажек и велела мне купить на них наряды.

— Почему бы тебе и вправду так не поступить?

— Что бы я ни надела, ей все не по вкусу. Зато у нас с тобой одинаковый вкус: мы оба обожаем французскую кухню! — И она помчалась вперед по тротуару.

— Полегче, я всего лишь пешеход! — взмолился Бронштейн. — И перестань называть Родриго жиголо, они живут вместе уже пятнадцать лет.

— Он моложе ее на двадцать лет, и она его содержит.

Миновав Вашингтон-сквер-парк, они заторопились по Салливан-стрит. Бронштейн первым вошел в заведение Мими, где радушная хозяйка громко сообщила, что их столик готов — притом что дюжина посетителей ждала своей очереди у барной стойки... Завсегдатаи имели право на особое обращение. Профессор опустился на банкетку, а Хлоя, улучив момент — официант убирал стул, освобождая место для ее инвалидного кресла, — обратилась к паре, пялившейся на нее:

— Модель «Karman S115», ограниченный выпуск. Настоятельно рекомендую! Чрезвычайно удобно, легко собирается. — И она повернулась к отцу.

— Я возьму ньокки по-парижски, — сообщил тот с вымученной улыбкой. — А ты?

Она заказала луковый суп и два бокала бордо.

— И кто же из вас отменил свидание — ты или он? — спросил Бронштейн.

— Ты это о чем?

— Сегодня утром ты меня предупредила, что вернешься поздно. Я слышал, как ты долго рылась в своем платяном шкафу.

— Намечался девичник, но прослушивание так меня утомило, что...

— Хлоя, я тебя умоляю!

— У Джулиуса работы выше крыши, я попросту опередила события.

— Когда преподаватель философии носит фамилию Шопенгауэр, он обязан быть особенно суровым, — съязвил отец.

— Давай сменим тему, папа.

— Что с той женщиной, которой ты занималась? Если я не ошибаюсь, сожитель относился к ней как неодушевленному предмету? Ты мне недавно объясняла, что поведение этого субъекта причиняет ей боль, но, как ни парадоксально, оно делает ее счастливой.

— Я объясняла не так, во всяком случае не совсем так. У нее что-то вроде стокгольмского синдрома: так мало самоуважения, что она чувствует себя обязанной ему даже за ту кроху любви, которую от него получает.

— Ты посоветовала ей уйти от него к другому, более достойному ее человеку?

— Моя роль сводится к тому, чтобы выслушать пациента и помочь ему осознать его собственные переживания.

— Но ты нашла выход из ее проблемы?

— Я над этим работаю. Я учу ее требовательности, и она делает немалые успехи. Если ты на что-то намекаешь, то лучше не виляй, говори прямо.

— Просто ты не должна быть менее требовательной, чем другие.

— Так ты меняешь тему? Ставлю тебе диагноз: синдром ревнивого папаши.

— Возможно, ты права. Если бы я мог посоветоваться с тобой до того, как от нас ушла твоя мать... Но тебе тогда было всего

тринадцать лет! — Профессор вздохнул. — Не пойму, зачем тебе носиться по кастингам, раз ты вполне преуспеваешь в деле, которым занимаешься?

— Затем, что моя карьера психотерапевта еще только начинается, у меня всего три пациентки, и в карманах у нас с тобой шаром покати.

— Наполнение наших карманов — не твоя забота. Если все получится, то я скоро подпишу контракт на серию лекций и приведу в порядок наши финансы.

— Но тебе придется уезжать далеко и тратить уйму сил. Пора мне зарабатывать самой.

— Нам придется переехать. Эта квартира нам не по средствам, она требует огромных трат, нам это не по силам.

— В этой квартире я дважды возвращалась к жизни: сначала после нашего отъезда из Коннектикута, потом после случившегося со мной несчастья. А главное, я хочу, чтобы ты в ней состарился.

— Боюсь, я уже в процессе...

— Тебе всего пятьдесят семь. Глядя на нас, люди принимают нас за влюбленную пару.

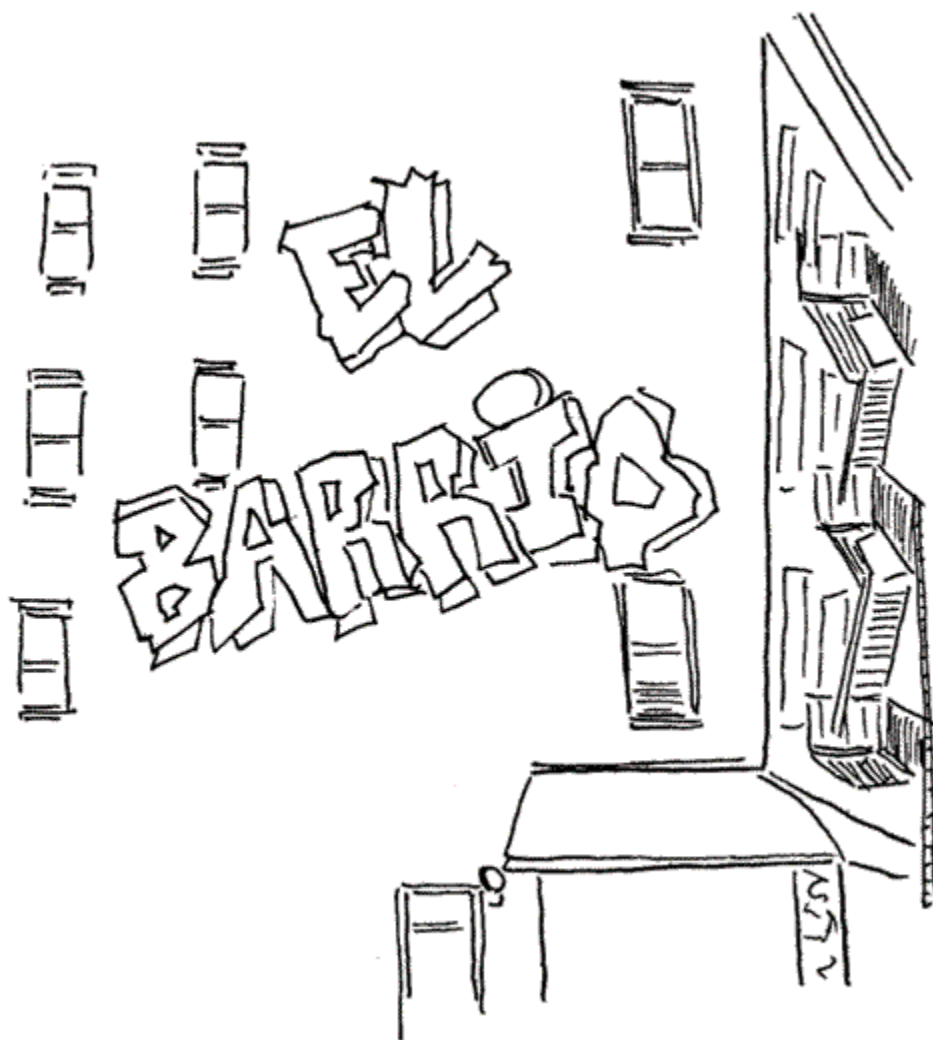
— Какие еще люди?

— Хотя бы те, что сидят у меня за спиной.

— С чего ты взяла, что они на нас смотрят?

— Чувствую — и все.

Совместные вечера Хлои и ее отца часто завершались простой игрой, доставлявшей им обоим немало удовольствия. Они молча глядели друг на друга, и каждый старался отгадать, о чем думает другой, используя как подсказку мимику или движения головы. Это их занятие почти всегда замечали соседи по ресторану. Редкий случай, когда Хлое нравилось вызывать любопытство: в кои-то веки интерес вызывала она сама, а не ее инвалидное кресло.

Шторы из органзы с цветочками почти не защищали от света, и Санджая разбудили первые же проблески утра. Сначала он не сообразил, где находится, но преобладавшие в комнате розовый и голубой цвета быстро развеяли его недоумение. Он накрыл голову подушкой и снова уснул. Спустя несколько часов вскочил с постели, поспешно оделся, схватил свой ноутбук и, не позаботившись причесаться, выскочил из комнаты.

Лали ждала его за кухонным столом.

— Куда хочешь сначала — в Метрополитен-музей или в Музей Гуггенхайма? Может, ты предпочтешь начать с прогулки по Чайнатауну, Маленькой Италии, Нолите, Сохо? Выбор за тобой.

— Где тут ванная? — выдавил он.

Лали не сумела скрыть разочарование.

— Не забудь про завтрак, — сказала она приказным тоном.

Санджай плюхнулся на табурет, который Лали подвинула ему ногой.

— Хорошо, — уступил он, — только быстро, я очень тороплюсь.

— Можно поинтересоваться, что у тебя за работа? — спросила она, заливая молоком хлопья в его миске.

— Хай-тек.

— Что еще за хай-тек?

— Мы придумываем новые технологии, облегчаем людям жизнь.

— Тогда придумай мне племянника, который хоть немного развеет скуку моей повседневной жизни! С которым можно гулять, который расскажет мне о моей родине, о моей родне, с которой я так давно не разговаривала!

Санджай вскочил и неожиданно для себя самого чмокнул тетку в лоб.

— Обещаю! — заявил он, тронутый этим неожиданным признанием. — Все это будет! А сейчас мне надо бежать, работа не ждет.

— Тогда ноги в руки — и вперед! Я уже привыкла, что ты живешь у нас. И смотри, без глупостей: пока ты в Нью-Йорке, не может быть речи, чтобы ты ночевал где-то еще. Только у меня! Иначе — страшная обида! Ты же не рискнешь обидеть близкую родственницу, правда?

Вскоре Санджай выскочил из теткиной квартиры, оставив там свой чемодан: выбора у него не было.

Он открывал для себя Испанский Гарлем прекрасным весенним днем. Броские витрины, густые толпы людей на тротуарах, улицы, забитые отчаянно гудящими машинами... В этом хаосе не хватало разве что рикш. Провести двадцать часов в воздухе, чтобы угодить в Мумбаи по-пуэрторикански?.. Последней каплей стал звонок в «Плазу», чтобы отменить бронирование. После этого он обреченно нырнул в метро.

С тех пор как его тетушка распрощалась с родиной, в Индии многое изменилось, но некоторые традиции остались неизменными, в том числе почитание старших.

Санджай вышел на станции «4-я улица», понимая, что опаздывает на встречу. Шагая вдоль решетки Вашингтон-сквер-парка, он услышал мелодию. Вместо того чтобы обогнуть парк, он пошел через него напрямик, словно ребенок, замороженный дудочкой Гамельнского крысолова. На одной из аллей парка расположился трубач. Волшебные звуки его инструмента плыли среди ветвей американских тополей, норвежских кленов, китайских вязов и северных катальп. Вокруг музыканта собралось десятка два слушателей. Зачарованный Санджай опустился тут же на скамейку и замер.

— Это будет наша мелодия, надо ее запомнить, — раздался рядом с ним негромкий женский голос.

Он удивленно повернул голову.

— Начало знакомства всегда сопровождается музыкой, — игриво продолжила незнакомка, сияя улыбкой. — Шутка, конечно. Вы были так поглощены музыкой, что меня это тронуло.

— Мой отец божественно играл на кларнете. Его любимой вещью был как раз «Маленький цветок» Беше, под нее я засыпал почти каждый день...

— Тоскуете по родине?

— Пока рано. Я здесь совсем недавно.

— Прибыли издалека?

— Из Испанского Гарлема. Это в получасе отсюда.

— Один-один. Счет сравнялся, — весело проговорила она.

— Вообще-то я из Мумбаи, а вы?

— Я живу на углу этой улицы.

— Часто бываете в этом парке?

— Почти каждое утро.

— Значит, у меня еще будет прекрасная возможность вас увидеть. А сейчас мне надо бежать.

— У вас есть имя? — спросила она.

— Да.

— Очень приятно, Да. А меня зовут Хлоя.

Санджай улыбнулся, помахал ей рукой и убежал.

Здание, где работал Сэм, возвышалось на углу Западной 4-й улицы и Макдугал, к югу парка. Санджай представился дежурной, та попросила его подождать.

— А ты все такой же! — воскликнул Санджай при виде друга.

— Ты тоже, по-прежнему поражаешь пунктуальностью. Разве в «Плазе» тебя не разбудили? У них нет такой услуги?

— Я сменил отель, — беспечно ответил Санджай. — Ну что, приступаем?

Сэм и Санджай познакомились пятнадцать лет назад, когда учились в Оксфорде: Санджай постигал там премудрости информатики, Сэм

— экономики. Сэму Англия казалась более причудливым местом, чем Санджаю.

Вернувшись в Индию, Санджай создал преуспевающее предприятие. Сэм в Нью-Йорке руководил работой с клиентами в брокерской фирме.

Их дружба не угасла благодаря электронной почте. Они регулярно обменивались новостями, и, когда Санджай решил обратиться за средствами к американским источникам, чтобы придать новый импульс своим проектам, он, естественно, обратился к Сэму. Сам он терпеть не мог разговоры о деньгах, что для бизнесмена было существенным недостатком.

Утро ушло на составление досье, которое предстояло подать на рассмотрение инвесторам. В цифрах будущее выглядело заманчиво, однако Сэм счел, что Санджай излагает материал слишком сбивчиво, и все время заставлял его возвращаться к началу.

— Ты все запутываешь и постоянно отклоняешься от темы. Наши доверители должны разглядеть в тебе долговременного партнера, а не просто создателя приложения, пусть даже гениального. Индия пробуждает у них мечты.

— Хочешь, чтобы для экзотики я надел тюрбан и раскатисто произносил «р»?

— Да уж это было бы получше, чем твои джинсы и мятая рубашка! В Америке головастых программистов пруд пруди, а вот мысль о сотнях тысяч пользователей твоей социальной сети в одном только регионе Мумбаи вызовет у финансистов обильное слюноотделение.

— Так, может, тебе перед ними и выступить? Похоже, ты лучше меня знаешь, что можно говорить, а что — нет.

Сэм внимательно посмотрел на друга. Санджай происходил из состоятельного индийского рода, а родители Сэма были простыми коммерсантами из Висконсина, которым потребовалось десять лет, чтобы выплатить кредит за его учебу.

Сейчас, добившись успеха, он доказал бы своему боссу, что способен справляться с крупными проектами, и, возможно, — чем черт не шутит! — заслужил бы место ассоциированного партнера, а это уже шанс по-настоящему изменить жизнь.

Будучи прагматиком, он и не думал завидовать Санджаю, наоборот, друг его восхищал. Он собирался использовать авторитет семьи друга для привлечения клиентов, несмотря на то что сам Санджай по достаточно веским причинам этого не желал.

— Почему бы и не выступить? — произнес Сэм. — На факультете я был сильнее тебя в устных выступлениях.

— Если бы языком обучения был хинди, ты запел бы по-другому!

— Это еще бабушка надвое сказала! Ступай, прогуляйся; когда вернешься, я ознакомлю тебя с презентацией твоего проекта, тогда и скажешь, кто из нас более убедителен.

— Когда мне вернуться, чтобы оценить твоё творение?

— Через часок: мне этого хватит! — заверил его Сэм.

Выйдя на улицу, Санджай очутился перед оградой парка. Трубача след простыл, от его «Маленького цветка» осталось одно воспоминание. Санджай позвонил тетушке и пригласил ее пообедать с ним.

Через полчаса он встретил Лали у фонтана в Вашингтон-сквер-парке.

— Меня тянет на изысканную кухню, сама выбери лучший здешний ресторан. Я угощаю, — сказал Санджай.

— Чего ради сорить деньгами? Я приволокла целую корзину вкусной снеди.

Наблюдая, как она расстилает на траве бумажную скатерку и выкладывает на нее картонные тарелки и пластмассовые приборы, Санджай гадал, чем так прогневал саму Судьбу.

— Как странно — встретиться в этом парке! — произнесла Лали со вздохом.

— Ничего странного, здесь рядом работает мой партнер.

— Мой партнер тоже трудится поблизости.

— Каким был в детстве мой отец?

— Очень сдержанным, всегда наблюдал за другими. Ты на него похож. Не отрицай, ты вчера весь вечер не отрываясь смотрел на

Дипака, только вряд ли что-то разглядел. Он сидел насупленный, а ведь за этой мрачной миной прячется человек, полный сюрпризов. Он до сих пор не перестает меня удивлять.

— Чем он занимается?

— Ты учинил мне допрос, а о себе помалкиваешь! Он водитель.

— Такси?

— Лифта! — прыснула Лали. — Всю жизнь провел в кабине, еще более древней, чем он сам.

— Как вы познакомились?

— В парке Шиваджи. Я обожала ходить на крикетные матчи, каждое воскресное утро туда убегала. Ненадолго обретала свободу. Если бы мой отец узнал, что я хожу плазеть на парней на стадионе, мне бы не поздоровилось. Дипак был неподражаемым забивающим. В конце концов он обратил внимание на девушку, сидевшую в одиночестве. Я в молодости была хорошенькой! Как-то раз — счет был еще равный — Дипак засмотрелся на меня и пропустил свой бросок. Все страшно удивились: его как огня боялись боулеры из команды соперников. Да, удивились все, кроме меня. После матча он поднялся на трибуну и сел двумя рядами ниже меня, чтобы никто не заподозрил, что мы проявляем интерес друг к другу. Он сказал, что из-за меня подвергся серьезному унижению и что у меня есть только один способ оправдаться — снова с ним увидеться. В следующее воскресенье я пришла опять, только в тот раз мы вышли из парка и стали прохаживаться вдоль залива Махим. Потом мы сидели у подножия храма перед молотом. Разговорились — и никак не могли остановиться. Скоро сорок лет, как мы вместе, и, когда он утром уходит, я начинаю по нему скучать, да так сильно, что порой иду гулять сюда, в Центральный парк. Он работает в начале Пятой авеню, в доме номер двенадцать. — Для пущей наглядности она показала пальцем на арку посреди парка. — Но он терпеть не может, когда я беспокою его на службе. Этот проклятый дом — его царство.

Лали умолкла и внимательно посмотрела на племянника.

— Ты похож на меня, а не на моего брата. Я вижу это по твоему взгляду.

— Что же ты там видишь? — насмешливо спросил Санджай.

— Гордость и мечты.

— Мне пора идти работать.

— Возвращаешься в свой хай-тек? — спросила она.

— Так называется не конкретное место, а все мое царство. Сегодня вечером не ждите меня к ужину, я буду занят. Когда приду, постараюсь не шуметь.

— Я все равно услышу. Хорошенько повеселись, а завтра или когда-нибудь еще мы с тобой обязательно побываем в моих любимых местах.

Санджай проводил тетю до станции метро. Возвращаясь в офис Сэма, он увидел зеленый козырек дома № 12 по Пятой авеню.

Холл рассказывает историю дома, истории его жильцов — незнакомых друг с другом людей, неведомо почему поселившихся рядом. Лестничные клетки помнят главные моменты их жизни — рождения, браки, разводы, кончины, — но толстые стены буржуазных домов надежно хранят их заветные тайны.

Холл, куда зашел Санджай, был обит дубовыми панелями. Огромная люстра с хрустальными подвесками озаряла изысканную роскошь, отражалась в мраморе пола в виде звезды с длинными лучами. Все здесь было тщательно продумано, на всем лежал отпечаток неповторимости. Бакелитовый телефон, стоявший на крышке конторки, был позаимствован из былых времен: когда-то по нему вызывали привратника, но древний аппарат уже давно лишился голоса. Рядом лежала открытая черная тетрадь с тщательно выведенными именами посетителей. За конторкой дремал сам Дипак. Звук открывающейся двери не вывел его из сладкого забытья.

Санджай кашлянул, Дипак вздрогнул.

— Чем я могу вам помочь? — вежливо осведомился он, поправляя на носу очки. Разглядев вошедшего, он нахмурился: — Что ты здесь делаешь?

— Пришел полюбоваться местом, о котором уже наслышан от тети.

— Ты никогда не бывал в приличном многоквартирном доме? Наверное, ты живешь в трущобах Дхарави?

— Мне захотелось увидеть знаменитый лифт...

— Что тебе о нем наплела Лали?

— Лифт, судя по всему, великолепен. Управляться с ним способен только подлинный мастер.

— Так и есть, — согласился Дипак, поддавшись на лесть.

Он огляделся, удостоверился, что они одни, взял фуражку и водрузил ее себе на голову. Санджай не мог не признать, что в этом щегольском облачении супруг его тети очень похож на капитана океанского лайнера или командира воздушного судна.

— Что ж, — проворчал Дипак, — в такой час визитеры вряд ли нагрянут, так что иди за мной, устрою тебе экскурсию, только соблюдай осторожность. Понял?

Санджай кивнул. У него было чувство, будто ему позволили посетить музей после закрытия. Дипак отодвинул решетку лифта и пригласил племянника в кабину. Со значением положив руку на рукоять, он взял небольшую паузу, словно подчеркивая важность предстоящего путешествия.

— Слушай! — приказал он. — Здесь у каждого звука свой смысл.

Санджай услышал, как бежит ток по проводам, как оживает электромотор, как вздыхает, начиная подъем, выдавшая виды кабина.

— Ты понял? — спросил его Дипак. — Звучит целая партитура. Каждый межэтажный пролет играет собственную ноту, и я узнаю их все с закрытыми глазами, они подсказывают, где я нахожусь, определяют секунду, когда мне надо опустить этот рычаг, чтобы мягко остановить кабину.

Лифт остановился на пятом этаже. Дипак посмотрел на спутника, ожидая бурного восторга. Казалось, для него все это имеет огромное значение, и Санджай сделал вид, что глубоко потрясен.

— Спуск еще прекраснее, он требует дополнительной сноровки, потому что противовес тяжелее нас, понимаешь?

Санджай важно кивнул. Но едва кабина тронулась с места, у Дипака зазвонил мобильный. Он потянул за рукоятку, и кабина замерла.

— Мы сломались? — спросил Санджай.

— Помолчи, я думаю. Меня вызывают на девятый этаж. — И он снова тронул рукоятку.

В этот раз кабина поднималась быстрее, чем раньше.

— Как я погляжу, вы можете регулировать скорость?

— Это, наверное, мистер Бронштейн, хотя час неурочный. Стой у меня за спиной и помалкивай. Если он с тобой поздоровается, ответь, изобрази посетителя.

На девятом этаже лифт ждала девушка в инвалидном кресле. Она развернулась спиной к кабине, чтобы было удобнее въезжать.

— Добрый день, мисс, — вежливо поприветствовал ее Дипак.

— Добрый день, Дипак. Собственно, мы с вами уже дважды здоровались сегодня, — отозвалась она, заезжая в кабину задним ходом.

Санджай вжался в стену кабины у нее за спиной.

— Вы не остановитесь, чтобы высадить этого господина? — спросила она, когда они поравнялись со вторым этажом.

У Дипака не было времени оправдываться: они уже приехали на первый. Он отодвинул решетку и в последний момент отстранил Санджая, бросившегося помогать Хлое выехать из лифта, после чего поспешил в холл и отворил перед ней дверь.

— Такси, мисс?

— Да, будьте так любезны, — ответила она.

Внезапно ход событий резко ускорился. Появился курьер с пакетом, одновременно на конторке раздалось три звонка. Дипак попросил парня подождать, чем вызвал у того сильное неудовольствие.

— Три звонка — это мистер Моррисон, — проворчал Дипак. — Нет уж, сначала я усажу вас в такси.

— А кто займется моей посылкой? — возмутился курьер, выскакивая следом за ним на тротуар.

Хлоя отобрала у него пакет, положила себе на колени и расписалась в квитанции.

— Это для Леклеров, — прочла она. — Любопытно, что здесь?

Дипак выразительно посмотрел на племянника, застывшего под козырьком. Тот, подойдя к Хлое, взял у нее пакет.

— Я положу это на конторку. Или вы хотите сперва взглянуть, что внутри?

Он зашел в дом и почти сразу вернулся. Дипак стоял посреди мостовой со свистком в зубах и вытянув руку — ловил такси. Мимо уже проехали три желтые машины с зажженным фонарем на крыше.

— Не хочу вмешиваться не в свое дело, — обратился к нему Санджай, — но звонки не умолкают.

— Поднимитесь за Моррисоном, Дипак, я справлюсь сама, — сказала Хлоя.

— А я займусь такси, — предложил Санджай, подойдя к дяде.

— Только учти, ей подойдет не любое, — шепнул ему Дипак, — а только с отодвигающейся дверцей.

— Я понял. Не знаю, кто такой этот Моррисон, но ждать он явно не любит.

Поколебавшись, Дипак вернулся в дом, оставив Санджая наедине с Хлоей.

— Все хорошо? — обратился он к ней.

— Почему нет? — холодно ответила она вопросом на вопрос.

— Просто так. Мне показалось или вы что-то сказали?

— Мне надо было выехать раньше, теперь я опаздываю.

— Важная встреча?

— Еще какая... надеюсь.

Он выскочил на мостовую и остановил такси — не той модели, о которой говорил ему дядя.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы бросаетесь под колеса проезжающего транспорта, — сказала ему Хлоя, подъезжая. — Не хочу быть неблагодарной, но, боюсь, в эту машину мне не погрузиться.

— Вы говорили, что опаздываете?

Не дожидаясь ответа, Санджай наклонился, взял ее на руки и аккуратно усадил на заднее сиденье. Потом сложил кресло, засунул его в багажник и захлопнул ее дверцу.

— Вот так! — сказал он, очень довольный собой.

Хлоя внимательно смотрела на него.

— Можно задать вам один вопрос?

— Конечно! — Он подошел вплотную к машине.

— Как мне быть, когда меня доставят на место?

Санджай застыл в растерянности.

— Во сколько у вас встреча?

— Через пятнадцать минут. Успею доехать, если не будет пробок, а вот дальше...

Санджай посмотрел на часы, обошел машину и уселся рядом с Хлоей.

— Поехали! — приказал он.

— Куда мы едем? — насторожилась Хлоя.

— Туда, куда нужно вам.

— Угол Парк-авеню и Двадцать восьмой улицы.

— Мне в ту же сторону, — сказал он, и такси тронулось с места.

Оба молчали. Хлоя отвернулась к своему окну, Санджай — к своему.

— Нет причин смущаться, — проговорил он. — Я помогу вам выйти, а потом...

— Я вспоминала свою недавнюю шутку в парке. Надеюсь, вы правильно истолковали мои слова. Прошу меня простить, я не подумала, что в таком огромном городе мы можем повстречаться снова, да еще в тот же день. Как вы попали ко мне в лифт?

— Катался вверх-вниз.

— Это ваше любимое развлечение?

— Что у вас за важная встреча? Если вопрос нескромный, можете не отвечать.

— Я еду на кастинг. Мечтаю получить роль. А у вас что за дело на Двадцать восьмой?

— Тоже подобие кастинга — встреча с инвесторами.

— Вы трудитесь в сфере финансов?

— Вы хотите сниматься в кино или на телевидении?

— Вот не знала, что мы так похожи на индусов!

— Мы?..

— Я еврейка. Неверующая, но еврейка.

— И чем же мы, по-вашему, похожи?

— Манерой отвечать вопросом на вопрос.

— Разве нельзя быть индийским евреем?

— С этим я, пожалуй, соглашусь.

Машина затормозила у тротуара.

— Минута в минуту! Я подробно объясню вам, чем занимаюсь, если нам снова доведется встретиться, — сказал Санджай, вылезая.

Он открыл багажник, разложил кресло и усадил в него Хлою.

— Зачем нам встречаться?

— Удачи вам с ролью! — сказал он и снова сел в такси.

Она проводила взглядом машину, развернувшуюся на перекрестке и уехавшую обратно, в направлении Нижнего Манхэттена.

Всю дорогу у Санджая вибрировал мобильный, но он не решался отвечать на звонки. Видимо, Сэм был вне себя от нетерпения.

Санджай ничем не мог оправдать свое очередное опоздание, как и объяснить, почему у него такой блаженный вид. Сэм принял его холодно. Прослушав заготовленное другом выступление, Санджай счел его недостаточно поэтичным, но постеснялся высказать свое мнение.

Решение было принято: назавтра Сэм представит проект одному из самых крупных клиентов, Санджай будет только присутствовать.

После ужина в Чайна-тауне Сэм предложил отвезти Санджая в отель.

— Благодарю за любезное предложение, но я ночую в Испанском Гарлеме, — ответил Санджай.

— Что ты забыл в Испанском Гарлеме? — встревожился Сэм.

Санджай объяснил, что по недоразумению ему пришлось остановиться у тетушки.

— Почему ты не попросил приглашение у меня?

— Я и так тебя достаточно загрузил.

— Ты больной, что ли? Пожертвовать комфортом шикарных апартаментов, круглосуточным обслуживанием, завтраками прямо в постель в «Плазе» и поселиться у чужих людей — это даже не безрассудство, а прямо-таки самоотречение.

— Они мне не чужие, — возразил Санджай, садясь в такси.

Пружины раскладного диванчика изрядно намяли Санджаю спину. Он встал и раздвинул занавески. Шум и оживление на улицах Испанского Гарлема снова вернули его в Мумбаи. Веря в приметы и знамения, он не мог отделаться от мысли, что не просто так он очутился в этой комнатухе с видом на пуэрто-риканскую бакалейную лавчонку, у тетки, которую раньше в глаза не видел. Он, принявший решение сбежать от родни!

Разрыв произошел в тот день, когда его отец скорпостижно скончался в разгар семейной трапезы. Едва он отошел в мир иной, как дядья Санджая уже заспорили о будущем отеля «Мумбаи Пэлас». Тогда он и дал себе слово никогда не быть похожим на них. Он молча слушал, как они в уклончивых выражениях обсуждали наследство и новое распределение ролей в правлении компании. Потом, не выдержав, он ушел, чтобы погоревать в одиночестве у тела отца, который многому его научил, но с которым сам он почти ничем не успел поделиться. Дядья постановили, что мать не сможет растить сына в одиночку, и решили взять сироту под свое покровительство. Тогда Санджай и поклялся от них сбежать.

Его детство и юность были суровыми, ни пансионы, ни череду наставников он не вспоминал добрым словом. Он с нетерпением ждал каникул и встречи с матерью. Потом его отослали еще дальше, в Оксфорд; вернувшись из Англии, он окончательно порвал связи с

родней. Однажды он случайно встретил школьного приятеля. И они заговорили о девушках. Негласные правила позволяли только невинные встречи. Решение, кому кого любить, принимала семья.

И тогда Санджаю пришла в голову идея. У них отнимают беспечность юности? Значит, нужно найти средство, чтобы получить от нее максимум удовольствия. Какое средство? Интернет-приложение, которое позволяло бы знакомиться и встречаться, не полагаясь на волю случая, расширить выбор, пока что ограниченный кругом семейных и профессиональных связей. Придуманная им социальная сеть быстро обогнала по степени продвинутости американские аналоги. Первая же версия его программы быстро привлекла тысячи пользователей, и с тех пор их количество только росло. Санджаю потребовались вложения в совершенствование пользовательского интерфейса, в наем персонала, аренду помещений и связь, позволяющую привлекать все больше народу. Он получил в наследство состояние отца, хотя большая его часть была вложена в акции отеля «Мумбаи Пэлас», треть из которых принадлежала ему. Успех приложения превзошел все ожидания. Уже через год после запуска у интернет-платформы были сотни тысяч пользователей. И теперь их число приближалось к миллиону.

В «Дейли Ньюс» появилась статья, посвященная этому успешному проекту, но ее автор поднял тему, взбудоражившую общественное мнение в Индии: созданная Санджаем социальная сеть неизбежно угрожала традиционным обычаям. Не наступит ли предел терпению, не вспыхнет ли возмущение, и если да, то как скоро? Статья не осталась незамеченной, из-за нее Санджай разругался со своими дядьями. Только мать приняла его сторону, хотя мало что понимала в занятиях сына. Он был счастлив, а для нее только это имело значение.

Потом она всерьез разболелась, и он, как-то раз сидя у ее изголовья, стал листать семейный альбом. Его взгляд задержался на незнакомом лице. Мать объяснила, что молодая женщина на фотографии — сестра его отца, тетя, с которой он никогда не встречался, потому что она бросила родных, вышла замуж за какого-то неудачника и уехала с ним в Штаты.

Мать выздоровела, и Санджай с головой погрузился в свои дела. Растущий бизнес требовал притока финансов. Индийские банки не

спешили давать кредиты по этическим соображениям: бизнес Санджая неустанно подвергался нападкам консервативной прессы. Потому он и надумал попытать счастья там, где его конкуренты процветали... Запрос визы, письмо к незнакомой тетушке, недоразумение — и вот его бока подвергаются немилосердным атакам пружин на раскладном диване.

Санджай задернул занавеску. Ему не терпелось узнать, каким будет следующее знамение...

— Не спится? — поинтересовалась Лали, приоткрыв дверь и заглядывая к нему в комнату. — Представляешь, мне тоже! Бессонница замучила. Не знаю, недуг это или благословение: чем меньше спишь, тем больше видишь, согласен?

— У врачей другое мнение.

— Ты не проголодался? Хочешь, что-нибудь разогрею? Идем, Дипак спит, не бойся. — Она покосилась на свою спальню. — Даже если начнется землетрясение, оно его вряд ли разбудит.

Санджай сел за кухонный стол, Лали достала блюдо с бебинкой и отрезала два толстых куска. Кухня наполнилась запахом миндаля и кокоса.

— А с тобой-то что? Тоже бессонница или разница часовых поясов?

— Ни то ни другое, просто мысли.

— У тебя неприятности? Деньги нужны? — спросила Лали.

— Ничего подобного! С чего ты взяла?

— Знаю я твоих дядьев! Когда умер мой отец, они лишили меня моей части наследства. У меня было, правда, подозрение, что принадлежавшие ему обветшавшие хоромы стоили гроши, но это дело принципа, понимаешь? — С этими словами она достала из сумки кошелек.

— Пожалуйста, убери, я прекрасно справлюсь сам.

— В одиночку ничего не добьешься. Те, кто считает иначе, излишне самоуверенны.

— А твой муж? Он в своем лифте один-одинешенек.

— Дипак работает вместе с коллегой, каждый вечер заступающим в ночную смену. Я мирилась со всеми его причудами, даже с самыми бессмысленными, предоставила ему полную свободу. У меня было к нему единственное требование: чтобы спал у меня под боком.

— Вы вправду уехали из Индии ради того, чтобы жить вместе?

— Не знаю, как там с этим сейчас, но в наше время браки устраивали родители, а молодые даже пикнуть не могли. Но у меня не такой характер, чтобы повиноваться. Дипак не принадлежал к нашей касте, но мы полюбили друг друга и решили: будь что будет, но мы не позволим старым хрычам решать за нас. Мы, конечно, не в полной мере понимали, что значит «будь что будет». Нам пришлось бежать из Мумбаи, иначе твой дед или кто-нибудь из твоих дядьев прикончил бы Дипака.

— Папа ни за что такого не допустил бы!

— Он встал на сторону мужчин, для меня это стало страшным предательством. Сначала твой отец был единственным моим сообщником из троих моих братьев. Он мог бы выступить в мою защиту, бросить вызов архаичным правилам нашего семейства, где царило лицемерие, но он этого не сделал. Хотя напрасно я тебе такое про него рассказываю, это нехорошо...

Была уже глубокая ночь. Санджай и Лали наконец расстались, но ни ему, ни ей так и не удалось уснуть.

В доме № 12 по Пятой авеню все давно спали, кроме миссис Коллинз, у которой прозвонил будильник. Милая немолодая дама, занимавшая квартиру на шестом этаже, надела халат и вышла в гостиную. Там она накрыла черным шелковым платком клетку с попугаем, потом отправилась в кухню, чтобы отпереть служебную дверь. Дальше ее путь лежал в ванную, где она наругалась перед зеркалом щеки, побрызгалась духами. Снова растянувшись на кровати и укрывшись, она стала листать журнал, чтобы скрасить ожидание.

День, когда я вышла из больницы

Сначала я пользовалась деревянной доской. Клала ее как мостик между кроватью и сиденьем кресла и переползала по ней с кровати в

кресло. Этому фокусу меня научила Мэгги. Я была не первой ее пациенткой, к тому же она умела так замечательно объяснять разные невеселые вещи, что я даже не успевала испугаться. Она заверила меня, что в конце концов я смогу обходиться без доски — при условии, что натренирую мышцы рук. Столько лет заниматься бегом, накачать железобетонные икры и лодыжки — чтобы, оставшись без них, опять начать с нуля, с плеч и затылка...

Однажды утром доктор Малдер сказал мне, что больше у него нет причин держать меня в больнице. Он сообщил об этом с грустным видом, и я решила, что он предпочел бы, чтобы я полежала еще. Я успела слегка в него влюбиться, к тому же милосердная Мэгги выдала мне последнюю таблетку окси^[1], вот я и предложила ему выписаться отсюда вместе со мной. Он посмеялся, похлопал меня по плечу и признался, что гордится мной. А потом велел собираться, потому что внизу меня уже ждут. Кто меня ждет? Увидите, ответил он с загадочной улыбкой — из-за этой его улыбки я была готова хоть сейчас выскочить за него замуж.

Я ничего не поняла, в тот момент у меня в голове была единственная мысль: наглядеться на него, пропитаться его запахом, пока еще оставалась возможность. Меня ждало теперь совсем другое будущее: без доктора Малдера — и все же с ним.

Сидя в кресле, которое вез мой отец, я поехала по коридору. Сиделки, медсестры, технический персонал, дежурные врачи — все показывали большой палец, провожали меня аплодисментами, поздравляли. Вот чудачки! Это я должна была выражать им свое восхищение и обнимать их. Мне хотелось сказать, что здесь, познакомившись с ними, я узнала, что такое человечность: раньше я имела о ней лишь смутное представление, а теперь она дала мне силы превозмочь боль. Но на этом сюрпризы не закончились: очутившись в больничном холле, я остолбенела.

Журналисты, операторы, камеры со вспышками, полицейские, защищавшие меня, и добрая сотня совершенно незнакомых людей, съехавшихся со всего города, чтобы меня поприветствовать, — вот кто меня поджидал! Я разревелась, как кающаяся Мария Магдалина, потрясенная всем этим вниманием. В машине я еще немного

поплакала, поняв, что меня поздравляли не с тем, что я почти достигла финишной черты, а с тем, что вообще выжила.

После кастинга Хлое захотелось прогуляться по Мэдисон-авеню. Почему бы, собственно, не побаловать новым платьицем или маечкой свою матушку или, еще лучше, себя любимую? Она проехала вдоль витрин, побывала в двух магазинах и раздумала делать покупки. Воздух был пропитан весенними ароматами, от которых делалось светло на душе, на тротуаре было почти свободно, кастинг прошел многообещающе — так к чему лишние расходы? Она обогнула Мэдисон-парк. С севера на юг Пятая авеню идет под уклон, поэтому для возвращения ей не пришлось прибегать к дополнительным транспортным средствам.

Увидев ее под зеленым козырьком дома, Дипак бросился открывать дверь и провожать ее к лифту.

— В офис или домой? — спросил он, взявшись за ручку лифта.

— Домой, пожалуйста.

Кабина поползла вверх.

— Я получила роль, Дипак. Запись начнется на следующей неделе, — сообщила Хлоя на втором этаже.

— Поздравляю! Хорошая роль? — спросил он на третьем.

— Главное — я обожаю эту книгу.

— Тогда я должен побыстрее ее прочесть, хотя нет, лучше подожду и послушаю, — ответил он на четвертом.

— Тот мужчина в лифте... — заговорила Хлоя на пятом этаже. — Это был клиент мистера Грумлата?

— Столько посетителей, всех не упомнишь...

Шестой этаж они миновали молча.

— Попробуйте вспомнить: он взял пакет для Леклеров и поймал для меня такси.

До седьмого этажа Дипак делал вид, будто напрягает память.

— Я как-то не обратил внимания... Да, вроде бы вежливый молодой человек, услужливый...

— Мне показалось, он индеец.

Дипак остановил кабину на девятом этаже и отодвинул решетку.

— У меня принцип: никогда не задавать вопросов людям, поднимающимся в моем лифте, особенно об их происхождении: это было бы с моей стороны слишком неучтиво.

Он учтиво попрощался с Хлоей и поехал вниз.

Сэм положил трубку. Он насторожился: босс вызывал его к себе, не поинтересовавшись, занят ли он. Ничего хорошего такая срочность не предвещала. Сэм ломал голову, в чем причина, какой он мог допустить прокол. Раздумывать было некогда: Джеральд, секретарь босса, постучал в стеклянную перегородку и щелкнул ногтем по наручным часам. Все было ясно. Сэм схватил блокнот и карандаш и на ватных ногах поплелся коридору.

Мистер Уорд говорил по телефону. Он не предложил Сэму сесть, хуже того, отвернулся к окну, выходящему на Вашингтон-сквер-парк. Сэм слушал, как он рассыпается в извинениях и обещает собеседнику принять строгие меры. Только положив трубку, Уорд развернул кресло и уставился на Сэма.

— Явились! — вскричал он.

«Не к добру все это», — подумал Сэм.

— Вы хотели меня видеть?

— Вы совсем потеряли голову?

— Нет, — возразил Сэм, трогая свою макушку.

— Не советую шутить! Иногда вы меня смешите, но только не сегодня.

— Что стряслось сегодня? — робко осведомился Сэм.

— Что за оборванца мы представили сегодня утром одному из крупнейших наших доверителей?

Кусочки пазла встали на свои места: Сэм представил себе, как Санджай, одетый кое-как, с рассеянным лицом, неприлично опоздав, является на встречу с предполагаемым инвестором.

— Это привлекательное предложение, сулящее высокую прибыль.

— Сайт знакомств в Индии? А почему тогда не стриптиз-клуб в Бангладеш, раз уж на то пошло?

— Это совсем не то, что вы думаете... — промямлил Сэм.

— Лично я ничего не думаю! Мне важно одно: то, что понял наш клиент. «Дорогой Уорд, если я вкладываю деньги, причем немалые, в вашу консалтинговую фирму, то только потому, что я убежден: у нас с вами общие ценности, и среди них на первом месте — нравственность, которой я привержен не меньше, чем моим капиталовложениям...» Ну и так далее. Избавляю вас от подробностей этого тяжелого разговора. Ограничусь тем, что касается непосредственно вас. «Не желаю больше видеть этого вашего клоуна!» Довольно с вас краткого резюме, полная версия продлилась добрые четверть часа. Надеюсь, вам понятна точка зрения моего друга.

— Понятнее не бывает, — отрезал Сэм.

— Исполняйте! — распорядился Уорд, указав пальцем на дверь.

Сэм пулей вылетел из кабинета босса и столкнулся с Джеральдом, не скрывавшим удовлетворения.

— Как я погляжу, кое-кого тут погладили против шерсти, — проворковал он.

— Ты — сама элегантность! Ради таких шикарных брендовых шмоток стоило потратиться!

— Элегантность — мое внутреннее состояние, — парировал обиженный Джеральд.

— Ты успешно его скрываешь, старина.

Еще миг — и Джеральд сжевал бы от досады свой галстук, но Сэму не было дела до душевных мук секретаря. Слишком долго он терпел оплеухи от начальства. По утрам он отправлялся на работу скрипя зубами, по вечерам возвращался домой, кипя от ярости. Теперь чаша его терпения наполнилась до краев.

Своевременно пришла на ум индийская поговорка, которую любил повторять в Оксфорде Санджай: «Чтобы сосуд переполнился, нужно несчетное количество капель».

— Я все думаю: это действительно поговорка или цитата из прочитанного? — пробормотал Сэм. Джеральд, конечно, ничего не понял.

Так или иначе, сосуд был уже полон, и Сэм решил пойти ва-банк — не потому, что был прирожденным игроком, а из чувства оскорбленной гордости. Оттолкнув Джеральда, не дававшего ему пройти, он снова ворвался в кабинет Уорда.

— Один вопрос. Когда ваш друг вкладывает деньги в оружейную компанию или на завтра после выборов — в химический консорциум, известный как один из крупнейших загрязнителей окружающей среды, он тоже испытывает нравственные страдания? Можете не предлагать мне сесть, я постою.

С этими словами Сэм плюхнулся в кресло напротив онемевшего босса.

— Вы знаете, что такое инь и ян, орел и решка, так что поймете, куда я клоню. Как вам известно, двое клоунов, изобретшие ноутбук, без которого вы шагу ступить не можете, начинали в гараже, мастера что-то из бракованных деталей, найденных в мусорных баках «Локхида». Кем они были — старьевщиками или гениями? Позвольте, я расскажу вам кое-что о том, кого вы обозвали оборванцем, — кстати, даже среди этой публики встречаются симпатичные ребята. Санджай — выходец из семьи, превосходящей богатством нашу фирму, дом, где он жил, смахивал на дворец. Ему было двенадцать лет, когда умер его отец. Его опекунами стали дядюшки. Когда ему исполнилось восемнадцать, его отправили в Оксфорд, там мы и познакомились. Вернувшись в Индию, Санджай сделал два открытия. Первое относилось к отцовскому завещанию. Вследствие каких-то замшелых семейных правил он мог вступить в права наследования только в возрасте тридцати лет. Само наследство — это гостиничный комплекс в самом центре Мумбаи. Второе, что открыл, вернее, осознал Санджай, — это жесткость, если не сказать жестокость, его дядьев, преследовавших единственную цель: не подпускать его к управлению отелем-дворцом, который они, в сущности, присвоили. Они были

полны решимости продлить опекунство и после его совершеннолетия. Они все так устроили, чтобы распоряжаться его жизнью по собственному усмотрению. Несколько лет после возвращения из Оксфорда Санджай мог бы ходить послушным барашком и ждать, пока ему достанется законное богатство, но вместо этого он ушел, хлопнув дверью. Вам может показаться, что это просто храбрый поступок, не имевший особых последствий, но, когда остаешься без гроша, без крыши над головой, вдобавок на улицах Мумбаи, — это нечто совсем другое. Вы отчасти правы, сравнивая его с бродягой: он и вправду какое-то время ночевал под открытым небом. Но мой друг — борец, достойный и гордый человек. Он стал работать, нашел приличное жилье и, главное, не потерял свою неутолимую жажду знаний. Ему все на свете интересно, он не пасует перед испытаниями. Кажется, это восхищает меня в нем больше всего. Работая официантом в баре, он встретил бывшего одноклассника. Тот поделился своей безумной идеей, Санджай ее развил, проект вырос в бизнес — отличный бизнес! И вот теперь возникает простой вопрос: сколько таких, как ваш важный клиент, равнодушно прошли мимо того самого гаража, где двое оболтусов, с виду хиппи, возились с бракованными деталями, и теперь кусают локти оттого, что тогда не остановились? Санджай вернул себе долю в «Мумбаи Пэлас», и ее вполне достаточно, чтобы обойтись без нас, но он не хочет идти наперекор своим родственникам. Если бы мне выпала хотя бы четверть от того, что пережил он, я бы только и думал, как бы им напакостить. Но он не такой: в Индии превыше всего уважение к старшим. На мой взгляд, соблюдение этого кодекса чести смахивает на тяжелую форму мазохизма. Обратите внимание, это похоже на наши с вами многолетние отношения. Ну а теперь карты на стол: вы залянете в гараж или проществуете мимо? Если второе, то я уже сегодня вечером освобождаю свой кабинет.

Мистер Уорд пристально и с любопытством смотрел на Сэма. Потом снова развернулся на кресле к окну, повернувшись к своему подчиненному спиной.

— Принесите мне снова досье проекта, так и быть, изучу его еще разок.

— Смысла нет, за это я получаю у вас зарплату.

— Вы так в него верите, что готовы рискнуть карьерой? Учтите, если ничего не получится, то я вас не пощажу, шуму будет на весь Манхэттен, а это значит, что вас больше никуда на порог не...

— А если получится, и даже более того, если я открою вам ворота индийского рынка, то вы должны понимать, что простым поощрением не отделаетесь.

Уорд резко обернулся и посмотрел Сэму прямо в глаза:

— Марш отсюда, пока я не передумал!

Сэм поведал Санджаю о своем успешном разговоре с боссом, скрыв некоторые подробности. Когда такой влиятельный человек, как Уорд, соглашается рассмотреть проект, это важный первый шаг, который следует отпраздновать.

— Ты можешь хоть раз прийти вовремя, нормально одетым? — взмолился Сэм.

— Десять минут — еще не опоздание.

— Вчера ты припозднился на целых два часа!

— Согласен, но вчера у меня имелась уважительная причина: пришлось сделать крюк, чтобы проводить одну женщину на очень важную встречу.

— Можно подумать, наша была не такой важной! Что за женщина? Я ее знаю?

— Нет. Как и я, впрочем.

Сэм вытаращил глаза:

— Так и есть, у тебя с головой беда!

— Если бы ты ее увидел, то не стал бы так говорить, — укоризненно заметил Санджай.

— Что в ней такого особенного? — вскричал Сэм.

Но Санджай зашагал прочь, не удосужившись ответить.

Проходя мимо дома, где работал его дядя, он задрал голову, высматривая окна девятого этажа и гадая, досталась ли его попутчице желанная роль. Пожелав ей удачи, он побрел дальше. На Юнион-

сквер, оглушенный нестройной какофонией автомобильных гудков, он отказался от намерения взять такси и спустился в подземку.

Он вышел в Испанском Гарлеме, где не было ни жилых домов с каменной резьбой, ни зеленых козырьков над входом, не говоря уж о ливрейных портье. Незатейливые постройки из красного и белого кирпича соседствовали с многоэтажными жилыми комплексами, где квартиры стоили дешево. Крепкие запахи, кричащие краски, обшарпанные фасады, выбоины в асфальте, замусоренные тротуары, мешанина языков — все это складывалось в пестрый пейзаж, напоминавший улицы его юности.

Вернувшись в квартиру, он застал Лали на диване в гостиной за вязаньем. Отчаянно гримасничая, она пыталась не дать очкам сползти на кончик носа. Дипак тем временем накрывал на стол в кухне.

— Поужинаешь с нами? — обратился он к Санджаю, не здороваясь.

— Что, если я приглашу вас обоих в ресторан?

— Насколько я знаю, сегодня не четверг, — ответил Дипак.

— Отличная мысль! — вмешалась Лали. — Куда пойдем? Так хочется разнообразия! — Она выразительно покосилась на мужа.

— Лично я голосую за американскую еду, — заявил Санджай.

Дипак обреченно вздохнул и стал убирать посуду обратно в буфет. Сняв с вешалки у двери свой плащ, он замер в ожидании. Лали отложила вязанье и подмигнула племяннику.

— Это близко, в трех кварталах отсюда, — сообщил Дипак, возглавив шествие.

На перекрестке Лали вышла на мостовую, не обращая внимания на красный сигнал светофора. Дипак остался на тротуаре и удержал за воротник племянника.

— Как все прошло с мисс Хлоей?

— Я посадил ее в такси. А что?

— Ничего, просто... она спрашивала меня про тебя.

— О чем она спрашивала?

— Это тебя не касается.

— Почему не касается?

— Мой лифт — как исповедальня: я свято храню профессиональную тайну.

Зажегся зеленый, и Дипак зашагал вперед как ни в чем не бывало. Немного погодя он задержался перед разноцветной витриной ресторана «Los Camaradas».

— В этом квартале преобладает пуэрто-риканская кухня, — предупредил он и толкнул дверь.

В доме № 12 по Пятой авеню Ривера включил под крышкой конторки радиоприемник, поймал трансляцию хоккейного матча и погрузился в чтение полицейского романа. Ночь принадлежала ему.

Бронштейны давно вернулись домой.

Уильямсам в квартиру № 7 доставили два ужина: китайский для мужа, сочинявшего у себя в кабинете очередную колонку, и итальянский для жены, рисовавшей у себя в мастерской. Риверу это навело на мысль, что ксенофобия не мешает им наслаждаться чужеземной кухней.

Мистер и миссис Леклер смотрели телевизор у себя в малой гостиной. Когда кабина лифта проезжала мимо их этажа, был слышен звук телевизора: супруги всегда делали звук громче, когда занимались любовью.

Хаякава покинули город в самом начале весны и вернутся только осенью: у них дом в Кармеле, в Калифорнии.

Моррисон, владелец квартиры № 3, был в театре — в опере или на спектакле, куда отправлялся каждый вечер; после представления он неизменно ужинал в «Бильбоке» и возвращался мертвецки пьяным к 23 часам.

Зелдоффы вообще не выходили из дому, разве что на вечернюю службу в церкви по большим праздникам. Миссис Зелдофф читала вслух книгу о жизни мормонов, супруг слушал ее, томясь от скуки.

Что до Грумлата, то он давно покинул свой офис на втором этаже. Они с Риверой почти никогда не пересекались, разве что в первой половине апреля, когда бухгалтер работал допоздна. Он шутя называл это время своим высоким сезоном: его клиентам необходимо было

отправить налоговые декларации до 15 апреля. Напряженным периодом был также декабрь — месяц рождественских подарков.

В 11 вечера Ривера отложил свой детектив, уверенный, что разгадал интригу, и помог Моррисону добраться до квартиры — непростое дело, учитывая состояние, в котором, как всегда, вернулся домой этот пьянчуга. Пришлось провожать его в спальню, помогать разуться, укладывать в постель. И торопиться обратно на рабочее место.

В полночь Ривера запер входную дверь на засов, положил в карман служебный мобильный телефон, по которому жильцы могли вызвать его в любой момент, и поспешил на служебную лестницу. Тяжело дыша, он поднялся на шестой этаж и, вытирая лоб, осторожно проскользнул в оставленную незапертой служебную дверь.

Мадам Коллинз ждала его в кухне, с бокалом бордо в руке.

— Ты голоден? — спросила она. — Уверена, ты не успел поужинать.

— Съел сэндвич, уходя из дому, но не отказался бы от стакана воды, — ответил он, целуя ее в лоб. — Ох уж эти лестницы, как у меня болят от них ноги!

Миссис Коллинз налила большой стакан воды, села к нему на колени, положила голову на плечо.

— Идем в постель, — прошептала она. — Я тебя заждаюсь.

Ривера разделся в ванной, где его ждала новая, выстиранная и выглаженная пижама, сложенная на мраморной раковине. Надев пижаму, он нырнул в постель, к миссис Коллинз.

— Какая чудесная! — похвалил он пижаму. — Ты это напрасно...

— Я заглянула в «Барниз». Не сомневалась, что тебе подойдет.

— Можно подумать, что ее сшили по мерке, — восхитился Ривера, любуясь сначала одной штаниной, потом другой.

Он залез под одеяло, поставил будильник на пять утра и выключил ночник.

— Как она? — спросила шепотом миссис Коллинз.

— Спокойна, почти в хорошем настроении. Врачи опять изменили ей дозировку. Меня она приняла за маляра, красящего коридор, и

похвалила за работу. Помнит, что когда-то любила голубой цвет.

— А твоя книга? Ты догадался, кто преступник?

— То ли медсестра, то ли горничная. Не исключено, что они сообщницы. Завтра все узнаю.

Ривера прильнул к миссис Коллинз, закрыл глаза и уснул.

Иногда Хлоя просыпалась среди ночи от фантомных болей в ногах. Но в этот раз не они мешали ей уснуть. Сидя в постели, она репетировала текст, сопровождая реплики персонажей романа оживленными жестами и мимикой.

Вернувшись к началу главы, она попробовала говорить басом, изображая голос Антона, молодого конюха, который по сюжету попытается отравить девушку, к которой равнодушен. Хлоя даже выпятила грудь, как молодой петушок. Когда девушка оседлала лошадь и помчалась галопом, Хлоя захлопнула книгу и бросила ее на кровать. Откинув одеяло, она перелезла в кресло и подъехала к окну. Улицы за окном розовели: приближался рассвет. Мужчина выгуливал собачку, женщина прошла мимо него и ускорила шаг. Такси высадило парочку в вечерних нарядах...

Хлоя со вздохом задернула штору. Ее взгляд упал на книгу. Теперь Хлоя — актриса-невидимка, артистка, пытающаяся продолжить карьеру, но по-другому.

Она отправилась в кухню заварить чай.

Шум закипающего чайника не смог заглушить донесшийся со служебной лестницы истошный крик. Задвижка на служебной двери располагалась слишком высоко, ей было до нее не дотянуться. Хлоя попробовала приподняться, опираясь на руку, — бесполезно. Осталось прижаться щекой к двери и напярчь слух. Она услышала жалобный стон, потом все стихло.

Она отъехала назад, развернула кресло, выключила газ, выехала в коридор и забарабанила в дверь отцовской спальни. Бронштейн вскочил с кровати и предстал перед дочерью заспанный и растрепанный.

— Что случилось? — испуганно пролепетал он.

— Быстрее за мной, пожалуйста!

В кухне она объяснила, что слышала, как кто-то упал на лестнице.

Бронштейн поспешил вниз. Спустившись на четыре этажа, он крикнул дочери, чтобы вызвала подмогу.

— Что произошло? — крикнула она в ответ, злясь на свое бессилие.

— Быстрее звони! Я спущусь и открою.

Она метнулась в свою спальню, схватила мобильный и набрала 911. Потом вернулась на свой наблюдательный пост и широко раздвинула шторы.

Ее отец дежурил на тротуаре. Пронзительно завывла сирена, к дому подъехала «скорая помощь». Двое санитаров бросились следом за Бронштейном к черному ходу.

Хлоя в нетерпении колесила между окном спальни и кухней.

Внизу появились санитары с носилками, на которых лежал мужчина с кислородной маской на лице. Носилки погрузили в «скорую».

Хлоя встречала отца у двери квартиры, но он вошел с другой стороны.

— На лифте теперь не подняться, — объяснил он, с трудом переводя дух. — Ривера в очень плохом состоянии.

Мой перевязочный день

Доктор Малдер спросил, хочу ли я посмотреть на свои колени. Он объяснил, что одни пациенты с ампутированными конечностями изъявляют такое желание, другие — нет. Я заколебалась и ответила, что с меня хватит одного колена.

Я знала, чего лишилась, но не представляла, насколько велик ущерб. Там, где полагалось находиться моим икрам, было нечто напоминающее лунный пейзаж. Меня парализовало от ужаса. Джулиус предпочел выйти. Мэгги положила мне на лоб компресс, папа смылся к Джулиусу в коридор — наверное, чтобы оставить меня в женском обществе или чтобы я не видела его слез.

Потом Мэгги сообщила, что моими лучшими друзьями на несколько дней — но не дольше — станут сильные обезболивающие. Мне ни в коем случае нельзя было к ним привыкать. Меня глубоко трогала доброта людей, которые за мной ухаживали. Мэгги стала звать меня «каплей меда» — наверное, из-за нынешнего вида моих коленей. Когда доктор сантиметр за сантиметром снимал бинты, он все время спрашивал, не больно ли мне. Признаться, от их сострадания мне становилось легче. Вот бы забрать их обоих с собой... Но до возвращения домой было еще далеко.

Я стискивала руку Мэгги мертвой хваткой — как я ей только пальцы не раздавила! — а она знай себе твердила, что я молодец, что она мною гордится. Но когда Малдер снял последние бинты, боль стала такой чудовищной, что меня стошнило всем тем, что я съела на завтрак; Джулиус вернулся в палату, и Мэгги сунула ему тазик с моей рвотой: так романтично, правда? Дальше я ничего не помню; Мэгги сказала, что я достаточно настрадалась, и она, не дожидаясь указаний Малдера, поспешила меня усыпить: добавила снотворного в мою капельницу, и я, получив в вену спасительную дозу, забылась.

Когда я снова открыла глаза, Джулиус по-прежнему был рядом. Я осведомилась, долго ли спала, — как будто это что-то значило. На самом деле мне было важно узнать, сколько времени он пробыл со мной. Он внимательно на меня посмотрел и сказал с несвойственной ему дрожью в голосе, что мне, наверное, неплохо бы вымыть голову. Потом он зарыдал, и теперь уже мне пришлось его утешать. Джулиус все время повторял, что просит прощения — за что, хотелось бы знать? Я твердила, что отчаиваться нет причин, что он ни в чем не виноват. Но он не унимался: мол, ничего бы не произошло, если бы плюнул на свою работу и мы поехали бы в Италию. Я возразила, что в Италии меня вообще могли бы раздавить в лепешку, ведь итальянцы — известные лихачи, тогда он запричитал, что лучше бы оказался там со мной. Интересно, что это изменило бы? Разве мог он очутиться на моем месте?.. Почему наши близкие испытывают потребность винить себя, когда с нами случается что-то ужасное? Наверное, так они справляются с горем, осваиваются с мыслью, что дальнейшая жизнь уже не будет прежней. Одно дело — раньше, другое — потом. Думая о том, что будет потом, я, глядя на Джулиуса, напредила ему, что он ничего

мне не должен. Он спросил, не возражаю ли я, чтобы он вымыл мне голову — под надзором Мэгги, конечно. Наверное, мои волосы сохранили запах «14:50». Я не придумала названия тому, что произошло, поэтому решила: пусть это будет «14:50» — тот миг, когда у меня остановились часы.

В 6:15 утра Дипак вошел в здание через черный ход, спустился в подвал за униформой и приготовился к выполнению своих обязанностей. Начало рабочего дня ничем не отличалось от обычного, чего нельзя было сказать о продолжении: в холле царила суматоха, Леклеры, Уильямсы и Зелдоффы совещались с Бронштейном, Моррисон дремал, привалившись к стене, миссис Коллинз в лихорадочном состоянии расхаживала взад-вперед, не хватало одной только мисс Хлои. Видя всеобщее возбуждение, Дипак сперва лишился дара речи, но представшая его взору загадка вернула его к реальности. Кто собрал всю эту публику внизу, учитывая отсутствие его сменщика?

Бронштейн первым заметил появление Дипака и с убитым видом шагнул к нему.

— Мой дорогой Дипак, я страшно огорчен. Случилось несчастье: мистер Ривера упал со служебной лестницы.

— Как он оказался на служебной лестнице в пять утра? — вскричал Уильямс.

— В данный момент это не главное, для нас гораздо важнее узнать о его состоянии, — напомнила мадам Леклер, щеголявшая перед соседями в легком неглиже.

— Что говорят в отделении неотложной помощи? — спросила миссис Уильямс, торопясь на выручку своему супругу.

— Там молчат. У бедняги открытый перелом правой ноги, правда, потеря крови минимальная. Он оглушен, но в сознании. Я с ним разговаривал, его ответы были вполне разумны, — уточнил профессор.

— Будем надеяться, что по этой части ему ничего не грозит, — изрек со вздохом Зелдофф, украдкой поглядывая на декольте мадам Леклер.

— Наверняка при поступлении в больницу ему сделали томограмму мозга, — подхватила его жена и привела мужа в чувство, пнув его в лодыжку.

— Куда его отвезли? — бесстрастно осведомился Дипак.

— Я попросил доставить его в медицинский центр «Бет», один тамошний врач — мой друг, — ответил Бронштейн.

— Полагаю, всем вам хочется как можно быстрее разойтись по своим квартирам, но для этого придется сделать две ездки, поэтому давайте разделимся на две группы, — скомандовал Дипак, словно капитан терпящего бедствие корабля.

Последовала перекличка пассажиров: Зелдоффы, спящий стоя Моррисон — живая загадка, миссис Коллинз... Поискав ее взглядом, Дипак увидел, что она стоит за его конторкой и копается в ящике. Закрыв его, она стала что-то высматривать у себя под ногами.

— Чем я могу вам помочь? — шепнул ей Дипак.

Миссис Коллинз нашла то, что искала, — книжку карманного формата, которую незаметно сунула себе в карман.

— Можете на меня рассчитывать, — успокоил он ее. — Будьте так любезны, пройдите в лифт и по пути разбудите мистера Моррисона. Я буду вам бесконечно признателен...

Накатав сотню метров по вертикали и потратив на это несколько минут, Дипак, оставшись один в кабине лифта, откинул раскладное сиденье, сел и стиснул ладонями виски. Первым делом надо было предупредить жену, что вечером он задержится. Жильцам потребуются его помощь при возвращении домой в конце дня; а потом он поедет в больницу. Кто будет нести службу ночью? Сколько времени жильцы согласятся в его отсутствие ходить по лестнице? Пока что у него не было ответа на этот ключевой вопрос, но грудь сжимало тяжкое предчувствие.

Жизнь возобновила почти нормальное течение. Дипак исполнял свои привычные обязанности. Подняв на нужный этаж горничную Леклеров, он спустил вниз их золотистого ретривера, чтобы передать его парню, выгуливающему собак. В девять часов в холле появился мистер Грумлат.

— Странный у вас нынче вид, — бросил он лифтеру, входя в кабину.

На счастье, контора бухгалтера располагалась на втором этаже, так что отвечать Дипаку не пришлось.

В десять часов его услуги понадобились Уильямсу. Когда Дипак ехал на восьмой этаж, ему позвонил Зелдофф. Останавливать кабину не было необходимости, потому что люди, желающие спускаться вниз, терпеть не могут подниматься вверх, так что он решил подобрать Зелдоффа на обратном пути. Зелдофф и Уильямс поздоровались во второй раз за день.

— Нет, серьезно, что занесло его на лестницу в пять часов утра? — пробормотал себе под нос обозреватель «Фокс Ньюс», никогда не упускавший возможности кого-нибудь в чем-нибудь заподозрить.

— Представить себе не могу, — отозвался со вздохом Зелдофф, у которого вообще были проблемы с воображением, оно разыгрывалось только в присутствии соседки-француженки с седьмого этажа.

Дипак чувствовал их взгляды на своих плечах или, быть может, на своей фуражке... Обращаться к ним он поостерегся, только пожелал всего доброго, отодвигая решетку. На тротуаре мужчины разошлись в разные стороны.

Немного погодя настал черед Леклеров, всегда покидавших дом вместе.

Миссис Уильямс работала на дому, миссис Зелдофф вообще не работала, миссис Коллинз по утрам никогда никуда не ходила, Моррисон не высовывал носа на улицу до трех дня, отсыпаясь после вечерней попойки, горничная Леклеров выходила за покупками только в обеденное время, выключив в полдень пылесос. Иными словами, Дипак мог посвятить кое-какое время себе.

Он устроился за своей конторкой, открыл старый телефонный справочник и набрал номер больницы.

Это утро было не похоже ни на одно другое. Произошло то, чего не случалось очень давно, настолько давно, что Дипак уже не мог припомнить дату последнего происшествия подобного рода: ожил бакелитовый телефон. Дипак долго взирал на него в изумлении, прежде чем снять трубку.

— Вы что-нибудь про него знаете? — услышал он дрожащий голос миссис Коллинз.

— Я звонил в больницу, мэм. Он все еще в операционной, но опасности для жизни нет.

В трубке прошелестел вздох облегчения.

— Разделяю ваши чувства, мэм, — молвил Дипак. — перезвоните мне сюда между половиной третьего и тремя часами дня, когда в холле будет спокойно, — прошептал он и осторожно положил трубку.

Тут завибрировал его мобильный. Мисс Хлоя, больше некому. Когда монтировали лифт, никто не позаботился о людях в инвалидных креслах и кнопка вызова оказалась на недосягаемой для них высоте.

Дипак поехал за ней. Она ждала его на своем девятом этаже.

— Я подумала: нужно, чтобы кто-то был с ним рядом, когда он придет в себя, — сказала Хлоя, когда они спускались.

— Так чутко с вашей стороны, мисс!

— Это я слышала, как он упал. Я была в кухне, когда...

Это утро решительно не походило ни на одно другое. Дипак, на время забыв о своей легендарной невозмутимости, перебил Хлою.

— Это котельная, — стал объяснять он вполголоса. — Котел включается в пять утра, пар поднимается по трубам. На четвертом этаже они проложены слишком близко к стене и вибрируют, адски шумят, можно подумать, что кто-то колотит молотком. Приходится подниматься и стучать кулаком по стене, от этого шум прекращается. Тогда-то он, должно быть, и оступился, и...

— Очень может быть. Но зачем вы мне это рассказываете?

— На случай, если поинтересуется мистер Уильямс.

Он проводил ее на улицу, подозвал такси и помог ей в него погрузиться.

— Не тревожьтесь, перелом ноги — это не страшно, — сказала она, придерживав дверцу.

— Не смею возражать, особенно вам, но в его возрасте это не пустяк, — произнес со вздохом Дипак.

— Я позвоню, когда будут новости.

Дипак поблагодарил ее за равнодушие и вернулся в дом. Он был потрясен, хотя ни за что в этом не признался бы.

Хлоя смотрела на Ривера, спавшего спиной к окну. Когда она очутилась в таком же незавидном положении, ее вниманием — лишь только к ней стали возвращаться силы — завладел клен за окном. Он подсказывал ей, что меняются времена года: зимой ветки были голы, весной на них набухали почки, а потом распускались и пахли цветы, летом шумела густая листва, осень заявляла о себе оттенками желтого.

Вошла медсестра, чтобы проверить капельницу и записать давление пациента. Хлоя спросила, каковы у него перспективы. Сестра не могла сказать определенно, будет ли его нога работать нормально, как раньше. После ее ухода Хлоя впала в панику.

— Все будет хорошо! — стала она уговаривать вслух не то спящего Ривера, не то саму себя.

Ривера приоткрыл глаза и снова зажмурился, сморщившись от боли. Хлоя хотела тут же сбежать, но пересилила себя и осталась. Она уже собиралась позвонить отцу и попросить его забрать ее домой, как вдруг в дверях появилась женщина.

На ней были твидовая юбка, белая блузка и джемпер. Немного постояв, она подошла к койке и расправила складку на простыне.

— Уже двадцать лет он часть моей жизни, а я его почти не знаю. Странно, правда?

— Я совершенно не в курсе... — пролепетала Хлоя.

— Мой муж рассказывает о нем, как о родном брате, с которым видится только утром и вечером.

— Я ему не родственница, — призналась Хлоя.

— Я знаю, кто вы, — произнесла Лали, опускаясь на табурет. — Он очень вас ценит и уважает. Я говорю о моем муже. Мистер Ривера, думаю, относится к вам так же. Утро и вечер не могут менять плюс на минус, как вы считаете?

— Вы — миссис Дипак?

— Наша фамилия Санджари, Дипак — это его имя. Хотя «миссис Дипак» звучит необычно. Вас он называет «мисс Хлоя». Я могу вас сменить, возвращайтесь домой, вы совсем бледная.

Хлоя не ответила. Лали встала и вывезла ее в коридор.

— Меня больницы тоже пугают, — сказала она, толкая кресло к лифту. — Как насчет того, чтобы выпить вместе чаю?

— С удовольствием!

Когда они покинули больницу, Хлоя сказала, что хочет ехать сама:

— Вы уж извините, но я не люблю, когда кто-то везет мое кресло. Такое впечатление, будто меня выгуливают.

— Еще минуту назад вы не жаловались, так что, с вашего позволения, я вас еще немного повожу, тем более что придется пройтись, если можно так выразиться...

— Куда вы меня везете? — поинтересовалась Хлоя.

— Здесь неподалеку, в паре кварталов отсюда, есть одно местечко с великолепной выпечкой. По пути туда и обратно мы сожжем лишние калории.

— Много сожжешь, сидя в кресле...

Чайный салон назывался забавно — «Chikalicious». Это развеселило Хлою, как веселила ее Лали, своими добродушно-властными манерами напоминавшая ей Мэри Поппинс.

— Почему вы так на меня смотрите? — спросила Лали, уплетая ромовую бабу.

— Как я на вас смотрю?

— Надеюсь, вас не смущает мой волчий аппетит? Во-первых, я не обедала, а во-вторых, ничуть не стесняюсь быть сладкоежкой.

— Дело совсем не в этом.

— Вы представляли меня совершенно не такой?

— Я вас вообще никак не представляла. Дипак не отличается словоохотливостью.

— Муж знал вас девочкой, он возит вас в лифте утром и вечером, останавливает для вас такси каждый раз, когда это вам необходимо — и в дождь, и в ветер, носит ваши пакеты, день за днем справляется, как

у вас дела, — а вы не находите иного объяснения тому, что ничего не знаете о его жизни, кроме его молчаливости? Вот у меня соседи по этажу — кубинцы, у них трое детей и два внука, над нами живут пуэрториканцы, она учительница, он электрик. В нашем доме восемьдесят квартир, и я со всеми знакома.

— Раз так, то у меня припасен для вас сюрприз. Знали бы вы, сколько времени я провела затворницей, в четырех стенах, наблюдая за прохожими на улице, а точнее, за моими соседями! Могу кое о чем вам поведать. Например, что Зелдоффы — несносные ханжи: если перегорит лампочка, они молятся, чтобы ее кто-нибудь заменил; если у них закрипит дверь, они молятся, чтобы Дипак смазал петли, все обо всем молятся, а сами палец о палец не ударят. Моррисон — элегантный алкоголик, любопытный пьяница, ни в чем ничего не смыслящий, тот еще тип. Леклеры, французская пара, давно поселившаяся в Нью-Йорке, живут словно в коконе. Они мне нравятся, у них художественная галерея в Челси. Души друг в друге не чают. Как голубки, причем ни капли не целомудренные... Декольте мадам Леклер не оставляет равнодушным беднягу Зелдоффа, да и моего папочку, признаться, тоже, но я помалкиваю... Миссис Коллинз — веселая вдовушка, по крайней мере с виду, и всегда очень мила. Была у нее болонка, которая тьякала с утра до вечера. Когда болонки не стало, миссис Зелдофф умоляла миссис Коллинз, чтобы та дала ей пожить в тишине, но эстафету подхватил попугай миссис Коллинз. Что до Уильямсов... О, Уильямсы относятся к себе так серьезно, как никто другой. Уильямс — экономический обозреватель «Фокс Ньюс», которому положено знать все про всех. Мой отец, правда, утверждает, что он болван, уверенный, что вся жизнь сводится к экономике. Папа знает, что говорит, ведь он профессор экономики в Нью-Йоркском университете. Что касается миссис Уильямс, то это особа редкой изворотливости. Ушлая, каких мало! Когда мы вместе с ней едем в лифте, я словно невзначай наезжаю колесом ей на ногу, так эта лицемерка делает вид, будто ничего не случилось!

— А вы та еще штучка! — усмехнулась Лали. — Раз вы не притронулись к этому пирожному, я его у вас конфискую. Сами-то вы кто? Я не такая деликатная, как мой муженек, скорее наоборот!

— Я была актрисой. Училась в студии Стеллы Адлер, потом исполняла второстепенные роли, пока не получила главную в сериале.

— А теперь?

— Теперь я записываю аудиокниги.

— Работаете на общественных началах?

— Нет, кое-что зарабатываю. Не много, но все-таки...

— Раз ваш труд оплачивается, то почему вы сказали, что были актрисой? Мне кажется, вы и сейчас актриса.

— Я не из тех, у кого просят автограф.

— Вот я портниха, и что, думаете, я раздаю автографы?

Лали изящно вытерла салфеткой уголки губ. Женщины молча рассматривали друг друга.

— Муж вернется поздно, усталый, а на рассвете снова отправится на службу, причем, возможно, даже раньше обычного. Если бы я ему позволила, он поставил бы у вас в подвале раскладушку, чтобы в отсутствие Риверы ваши вечера не превратились в хаос. У моего мужа чувство долга доведено до абсурда. Меня тревожит наше будущее.

— Собственники здания быстро найдут Ривере замену. Уверена, мистер Грумлат уже этим озаботился. Скоро все будет в порядке. Не беспокойтесь, я прослежу.

— Проследите лучше за тем, чтобы этот Грумлат не уговорил ваших соседей сделать другой выбор. Времена меняются, это в порядке вещей, но, если это распространится и на ваш дом и если мой муж не сможет и дальше совершать подвиги, он этого не переживет.

— Какие подвиги?

— Вы смеетесь надо мной? Ладно, об этом в другой раз, я должна возвращаться. Не говорите ему, что мы встречались. Жизнь Дипака проходит в холле и в кабине лифта, он любит свой замкнутый мирок.

Позволив Хлое расплатиться, Лали ушла, не позаботившись о том, чтобы помочь ей остановить подходящее такси.

— Что ты подразумеваешь под словом «источник»? — спросил Санджай.

— Твою родную Индию.

— Они связались с моим банком в Мумбаи?

— Если бы только это...

Санджай все еще не понимал, что происходит, поэтому Сэму пришлось сознаться:

— У меня не было выбора. Ты прибыл издалека с амбициозным проектом — как тут обойтись без рекомендаций? Был бы ты американцем или хотя бы европейцем, еще куда ни шло, но ты...

— Но я из третьего мира, из страны разбойников и трущоб — это ты хотел сказать? Между прочим, Индия — страна посовременнее вашей, причем во всем, кроме высокомерия — тут вы нас обошли! — возмутился Санджай.

— Вот только ее богатства находятся в руках малочисленной элиты!

— У вас, что ли, по-другому? Успеха не добиться без хорошей родословной! Во что вы превратили свою американскую мечту?

— Кто сказал, что не добиться? Опомнись, Санджай, будь реалистом, несколько недель на сбор такой суммы — это не просто.

— Я ставил тебе одно-единственное условие: не посвящать в наши дела мою семью. Надеюсь, это больше не повторится, я на тебя рассчитываю. Вопрос закрыт.

— Если честно, то не совсем, — проворчал Сэм. — Твои дядюшки создают препятствия на каждом шагу. «Бродяга, гостиничная крыса, жалкий фантазер...» Не буду продолжать.

— Они наплели все это про меня? Выходит, они по-прежнему хотят войны...

— Тебе нужно отплатить им той же монетой. Если их ядовитые речи дойдут до здешних финансистов, ничего хорошего нам это не сулит. Сейчас я задам тебе один вопрос. Ты имеешь право послать меня куда подальше, даже порвать со мной, но у меня нет выхода.

— Интересуешься, не правда ли все это?

Сэм взял со стола папку.

— Все, подаю в отставку! Пропади все пропадом! Если хочешь знать, так даже лучше. Думаешь, ты один поставил на этот проект все, что у тебя есть? Что, по-твоему, будет со мной, если мой босс узнает, что я подсовываю самым нашим крупным клиентам субъекта, которому доверяю только на том основании, что мы с ним неплохо проводили время в Англии и что у него ума палата?

— А еще он с виду типичный индус, — с горечью добавил Санджай.

— В общем, очень странный тип, — подхватил ему в тон Сэм. — Кстати, дорогой Сэм, где остановился ваш друг в Нью-Йорке? Ах, в Гарлеме, у дяди и тети, с которыми раньше не был знаком. Это его машина с водителем припаркована вон там, в переулке? Нет? Ах, он ездит на метро? Понятно... А почему он опоздал на встречу с одним из главных наших доверителей?

— Мне следовало приехать на слоне. Предрассудки — твари живучие. — Санджай подошел к окну. — Дядюшки не желают признавать, что мне принадлежит треть отеля, к тому же я не намерен им подчиняться. То, что я сам по себе, вне семьи, — плевков им в лицо. Они спят и видят, чтобы я потерпел поражение и ползал перед ними на брюхе, прося пощады. Но мне плевать на толщину кошелька. Я хочу преуспеть и посрамить их. Сам решай, хочешь ли ты мне в этом помочь.

Сэм задумчиво грыз кончик карандаша.

— Какой он, твой дворец?

— Отель как отель: четыреста комнат, в разной степени роскошных, конференц-центр, бассейн, спа, три ресторана, вычурное, на мой вкус, оформление...

— Ничего себе! Хорошее расположение?

— Лучше не придумаешь.

— И давно он вам принадлежит?

— Это как посмотреть... Мой дед приобретал квартиру за квартирой в комплексе зданий в самом центре Бомбея. Когда он умер, мой отец и двое его братьев выселили жильцов и организовали масштабные работы. Так родился отель «Мумбаи Пэлас».

— На сколько примерно все это потянет?

— Трудно сказать. Надо вычесть из цены самой недвижимости расходы на содержание отеля... Все равно останется куча денег.

— И их треть принадлежит тебе?

— Куда ты клонишь?

— Ты получил в наследство дворец, по сравнению с которым «Марк» и «Карлайл» — ветхие халупы с претензией на роскошь. Сам посуди, это очень странно: ты летел сюда семнадцать часов, чтобы раскрутить иностранных вкладчиков на пару десятков миллионов, хотя эту сумму тебе ссудил бы любой индийский банк.

— Причина — мое нежелание влезать в долги. Если бы пришлось заложить часть моих акций в обеспечение займа, мне пришлось бы оправдываться перед своей семейкой.

— Ладно, — вздохнул Сэм, — я тебе доверяю. Я потушу пожар и успокою босса. Но ты дашь мне карт-бланш. И еще одно условие: если мне удастся получить необходимые деньги, ты возьмешь меня с собой.

— Куда тебя взять?

— В Индию! В этот твой рай новых технологий и органических молочных продуктов! Если благодаря моим усилиям твоя контора станет важнейшим игроком на рынке, я готов довольствоваться скромными комиссионными. Плюс пост финансового директора, служебное жилье и опционы на акции!

Санджай насмешливо взглянул на друга. Тот не только мог гениально разработать концепцию, но и умел мастерски вести деловые переговоры.

— Согласен. За исключением служебного жилья, — ответил Санджай, пожимая Сэму руку.

Выходя из офиса Сэма, Санджай задавался вопросом, как поступил бы на его месте отец: стал бы его союзником или отказался от братоубийственной войны? Размышляя об этом, он прогуливался по аллеям Вашингтон-сквер-парка.

На лужайках парка расположились студенты Нью-Йоркского университета, чуть подальше малышня облепила горки детского городка, шахматисты с невозмутимым видом делали коварные ходы, у фонтана танцовщица репетировала сложные па. На этой пестрой картине недоставало только молодой женщины, на встречу с которой так надеялся Санджай.

Хлоя разглядывала единственное длинное платье в своем гардеробе — прошлогодний подарок от матери, преподнесенный по случаю благотворительного бала, на который та притащила дочь чуть ли не силой. Экс-миссис Бронштейн не пропускала ни одного светского раута, стремясь обратить внимание высшего общества на несравненный талант скульптора, с которым она теперь жила, и вызвать интерес к нему у правильных людей. Этим вечером Хлоя собиралась надеть это платье, чтобы порадовать Джулиуса: тот обожал Бетт Мидлер, которая участвовала в новой бродвейской постановке мюзикла «Хэлло, Долли!».

Хлоя редко выбиралась в театр, а если уж решалась, то проникала в зал в последний момент, когда там уже гас свет, чтобы не перегораживать своим креслом проход. Но на сей раз она не собиралась прятаться. Во-первых, с таким роскошным мужчиной, как Джулиус, не грех и покрасоваться, а во-вторых, она не исключала, что встретит там знакомых.

Орудую шестом, которым она доставала вещи с верхних ярусов шкафа, Хлоя ловко разложила платье на кровати.

— Что творится в наших отношениях? — бормотала она по пути в ванную.

Она накрашилась, скрыв излишнюю бледность, удлинила и загнула ресницы, а потом задумалась, выбирая губную помаду.

Внезапно реальность предстала перед ней во всей неприглядности. Она с досадой переместилась в гостиную и позвонила Джулиусу.

— Ты готова? — спросил он. — Я беру такси и заезжаю за тобой.

Хлоя не ответила.

— Если захочешь, — продолжал он, — можем после спектакля поужинать в твоём любимом китайском ресторане, он недалеко от театра «Шуберт», можно дойти пешком.

Хлоя упорно молчала, и Джулиус встревожился:

— Что-то не так?

Да, все было не так.

Она сообщила ему о несчастье, случившемся с Риверой.

— Бедняга, какое невезение! Надеюсь, ничего серьезного?

— Говорю же, перелом ноги.

— Ему наложат гипс, скоро нога срастется, и он снова забегает, как молоденький. Отлично понимаю твоё огорчение, но нельзя же взваливать на свои плечи все горести мира!

— Перелом бедренной кости не тянет, конечно, на беду мирового масштаба, — сухо заметила она. — В данном случае я забочусь о себе. Ривера — наш ночной лифтер.

— Ну и что? — не понял Джулиус.

— А то, что без него лифт не поедет. Пока Дипак не ушел домой, я могу спуститься и подождать тебя в холле, но на обратном пути мы столкнулись бы с легким затруднением. Нетяжелым, весом с меня. Тебе пришлось бы нести меня наверх на руках.

Теперь замолчал Джулиус.

— Это был бы перебор, таких усилий нельзя требовать даже от прекрасного принца...

— Я еще ничего не сказал.

— Я заметила. Я верну тебе деньги за свой билет, ты же не виноват, что так вышло.

— Что за разговоры? Ты не должна ничего мне возвращать.

— Ничего страшного, я видела фильм с Барбарой Стрейзанд, вволю посмеялась, глядя на Бетт Мидлер, главное — не лишать этого удовольствия тебя.

Шопенгауэр погрузился в раздумье.

— Может, мне попытаться поменять билеты на другую дату?

— Ты говорил, что достал их просто чудом. Иди, потом расскажешь.

— Сколько времени продлится эта проблема с лифтом? Нельзя же тебе бесконечно сидеть взаперти!

— Смотри не опоздай. Лучше отложим мои технические проблемы на потом.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Можешь. Расскажи, как ты одет.

— Ты будешь надо мной смеяться: я достал старый смокинг, это как подходящий случай, чтобы его выгулять. Хочешь, загляну к тебе после спектакля?

— Желаю тебе хорошего вечера, Джулиус, — сказала она и повесила трубку.

Вернувшись в свою комнату, Хлоя сняла платье.

Мистер Бронштейн стоял в прихожей, он приоткрыл дверь на площадку и намеренно громко ею хлопнул.

— Я пришел! — крикнул он.

Хлоя давно знала, что отец вернулся. Зайдя, он застал ее у окна.

— Не надоело тебе разглядывать эту улицу?

— Что делать, по телевизору все равно нет ничего интересного, — ответила она.

Профессор подошел к дочери.

— Лучше ничего не говори, папа.

— Завтра я все выясню у Грумлата. Сколько это может продолжаться?

— Я могу провести несколько вечеров дома, это не трагедия.

— Ты права, мне нечего сказать, но думать ты мне не запретишь. Ладно, пойду займусь ужином.

Хлоя обернулась:

— И что же ты думаешь?

Грумлат провел отвратительное утро. Настолько неприятное, что он даже пожалел, что когда-то сделался председателем жилищного товарищества. После отказа миссис Коллинз продать ему помещение, которое он арендовал на втором этаже, он укрепил свою власть, взяв на себя управление зданием. Раньше ему не на что было жаловаться. Он получал внушительное вознаграждение, не слишком утруждаясь. Но в тот день творилось нечто несусветное! Собственники бесцеремонно стучали в его дверь, не удосужившись даже предупредить о своем визите. И все долдонили одно и то же: когда он найдет замену Ривере?

Первой начала мадам Леклер: у ее собачки, видите ли, артроз. Потом заголосил профессор Бронштейн: его дочь теперь заперта в четырех стенах. Уильямсы паниковали, потому что на следующей неделе у них был намечен вечерний прием: как поднять наверх их драгоценных гостей? Наконец, явилась миссис Зелдофф с требованием как можно скорее найти решение проблемы, — лучше бы оставила его в покое и пошла в храм поставить свечку!

Общаться с профсоюзом лифтеров оказалось труднее, чем со службой соцобеспечения. Он уже трижды оставлял послание у них на автоответчике. Кто в наши дни пользуется автоответчиком? Контора профсоюза располагалась в таком районе, куда Грумлат не сунулся бы даже под страхом смерти. Не хватало ему заблудиться у них в Бруклине! Во избежание жалоб он решил отправить им днем заказное письмо, правда, можно... Окрыленный удачной идеей, он выскочил из офиса и вызвал лифт. Почти сразу же перед ним предстал Дипак.

— Добрый день, сэр, — сказал он, отодвигая решетку.

— Мы здоровались сегодня утром, — напомнил ему Грумлат.

— Вы не будете спускаться?

— Нет, у меня к вам вопрос. Не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы заменить мистера Риверу?

— Увы, нет. Здесь необходим специфический опыт.

— Какой тогда прок от вашего профсоюза?

— Профсоюз защищает наши интересы.

— Разве кто-нибудь из ваших коллег, ушедших на пенсию, не был бы рад ненадолго вернуться к работе?

— Возможно. Надо будет разузнать.

— Я уже несколько часов безуспешно пытаюсь это сделать.

— Понимаю, — молвил со вздохом Дипак. — Вы хотите, чтобы этим занялся я.

— С вашей стороны это было бы весьма любезно. К тому же это в ваших интересах.

— Я сделаю все возможное, — пообещал Дипак.

— Действуйте, и поскорее, мне платят не за то, чтобы я разбирался с подобной ерундой.

Грумлат вернулся к себе в офис, а мрачный Дипак спустился в холл. Не дожидаясь распоряжения бухгалтера, он сам попытался решить насущный вопрос, и друзья в профсоюзе подтвердили его опасения. В городе ускоренно строилось жилье и образовался дефицит даже портье и привратников, не говоря уж о специалистах, умевших управлять старинными лифтами: искать их все равно что пытаться найти жемчужину в раковине обычной мидии. Грумлату не перезванивали из профсоюза, потому что Дипак попросил друзей о небольшой услуге, хотя понимал, что его уловка в лучшем случае позволит отсрочить неизбежное. Проехать еще 862 километра по вертикали и войти наконец в книгу рекордов — не так уж много он хотел от жизни, притом что до сих пор довольствовался тем, что она ему давала, и не требовал надбавок.

Для порядка он выждал час, затем отправился к бухгалтеру и заверил его, что в профсоюзе полностью осознают серьезность их положения и постараются помочь: они уже ищут подходящего человека. Пока же он, Дипак, согласен трудиться и по вечерам, дабы облегчить всем жизнь.

— Тогда сами договаривайтесь с Риверой, чтобы ваши сверхурочные оплачивались из его зарплаты. Надеюсь, вы понимаете почему: расходы на это здание и без того излишне высоки.

— Вам не придется мне доплачивать, — успокоил Дипак Грумлата перед уходом.

Санджай узнал ее издали — по длинному красному пледу, которым она укрывала себя от пояса до самой земли. Этот плед заменял ей половину одежды.

Опустившись рядом с ней на скамейку, он стал слушать трубача, игравшего «Сент-Луис блюз» Хенди.

— Не мне же начинать разговор при каждой нашей встрече! — не выдержала Хлоя.

— Вот вы его и начали, — рассмеялся Санджай.

— Вы чем-то озабочены.

— С чего вы взяли?

— Я психотерапевт.

— И по совместительству актриса?

— В Нью-Йорке иметь единственную профессию — непозволительная роскошь.

— Ваши прекрасны, и та и другая, хотя высокий спрос на психотерапевтов, по-моему, тревожный знак. По мере роста городов человеку все труднее найти внимательного слушателя.

— Вы здесь случайно? — спросила Хлоя.

— Нет, специально. Я надеялся увидеть вас.

Она отвернулась и уставилась на трубача.

— Не врите, вы здесь ради него.

— Я раздумывал, как бы поступил на моем месте отец. Мне нужна была примета, знак, — проговорил он, любуясь огромным китайским вязом.

— По-вашему, среди ветвей деревьев обитают души?

— Либо там, либо в потустороннем мире.

— О чем вы спросили бы вашего отца?

— Сложно ответить...

— Сложность в том, что мы не умеем формулировать наши проблемы.

— Вы психотерапевт, вам не до шуток!

— Выходит, вы верите в приметы? — весело спросила Хлоя.

— Давайте лучше о вас: что вы здесь делаете?

— Я люблю наблюдать жизнь вокруг. В свое время — не очень давно — я даже гуляла вечерами по супермаркетам. Подождите смеяться! Там встречаешь самых разных людей: студентов, работников ночной смены, стариков, спасающихся от одиночества.

— Вы не похожи ни на студентку, ни на престарелую...

— Что за встреча была у вас на Двадцать восьмой улице? Вы обещали, что, если мы увидимся опять...

— Обещал, это правда... Встречался с банкирами. Я создал компанию, она выросла, и теперь я должен помочь ей расти дальше.

— Короче говоря, вы — бизнесмен.

— Предприниматель. Вам действительно интересны мои дела или вы спрашиваете из вежливости?

— Из вежливости. Ваша компания расположена в Нью-Йорке?

— В Мумбаи. Я придумал нечто вроде индийского Фейсбука, только гораздо круче, — с гордостью пояснил Санджай. — А вы? Роль получили?

— Да.

— Роль большая?

— Огромная! Я играю сразу десятерых.

— Могу себе представить, сколько времени вам приходится гримироваться!

— Не можете. Я играю без грима. Я — актриса, невидимая зрителям.

— Как это?

— Я озвучиваю книги. Голос без изображения, противоположность немому кино, но я нахожу в этом такую же поэтичность. А вы?

— Никогда еще не слушал книгу!

Небо посерело, по листьям китайского вяза у них над головой застучали капли дождя. Трубочник убрал свой инструмент в футляр и ушел. Посетители парка заспешили к выходам. Санджай поднял глаза:

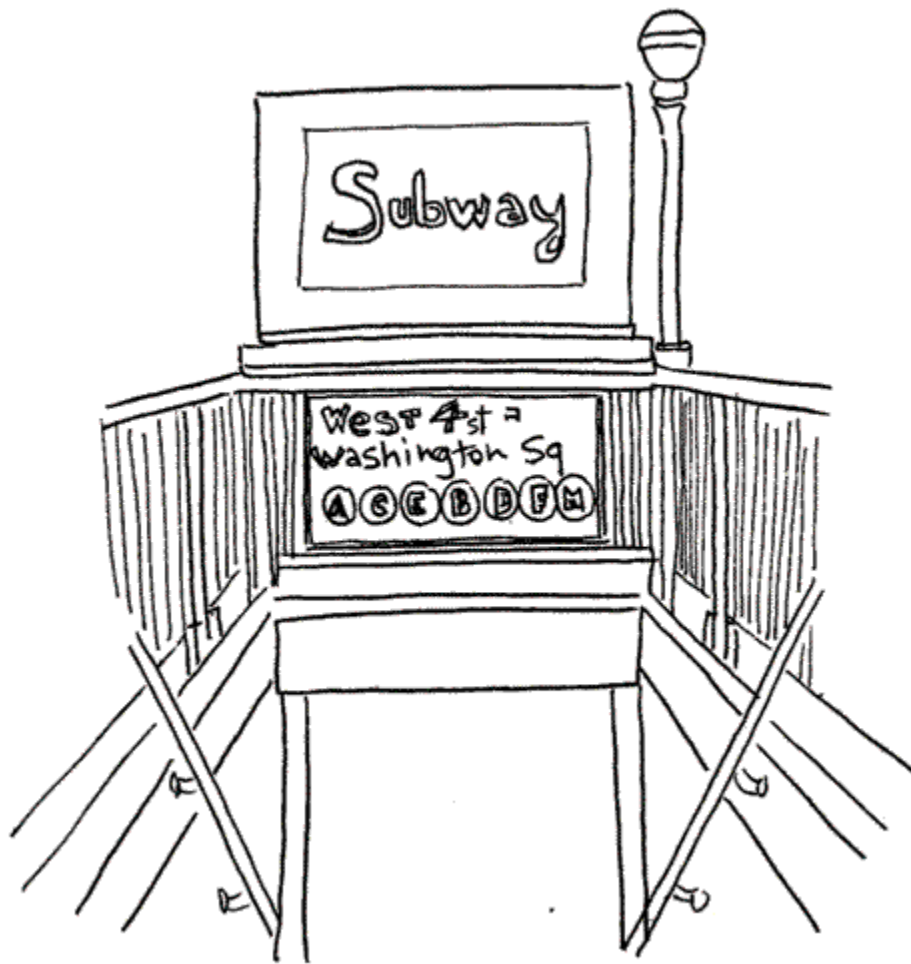
— Думаете, это знак?

— Вы задали ему свой вопрос?

— Нет.

— Тогда это просто весенний дождь.

Он предложил ее проводить, но Хлоя отказалась, заявив, что не нуждается в помощи, и дерзко добавив, что высохнет раньше, чем он. Пока ошеломленный Санджай соображал, что на это ответить, она уже была у горады. Помахав ему на прощание, она пропала в толчее на Пятой авеню.

Грумлат рылся в своем архиве — искал старый счет. Два года назад он советовал кооперативу автоматизировать лифт. Производитель предлагал монтажный комплект по сходной цене. Расходы на лифтеров были слишком велики, отказ от их услуг был бы разумным управленческим решением, и Грумлат не сомневался, что его поддержат. Но не тут-то было: старинный лифт был важным элементом образа жизни и жильцы не собирались от него отказываться. Бронштейн выступил против увольнения Дипака и Риверы, многие годы преданно служивших жильцам. Было предложено поднять этот вопрос снова, когда они оба уйдут на покой. Миссис Уильямс забеспокоилась о том, как это скажется на престиже дома. Леклеры встревожились, не пропадет ли присущее ему обаяние. Миссис Коллинз разгневалась, сильно всех удивив, она заявила, что ничего не желает слушать, и ушла, хлопнув дверью. Моррисон поставил вопрос ребром: кто в отсутствие лифтеров станет нажимать на кнопки? Поскольку никто не счел нужным ему ответить, он проголосовал против. Зелдоффы сосчитали голоса и примкнули к большинству. Таким образом, предложение было отвергнуто.

Но бухгалтер скрыл, что уже приобрел монтажный комплект для автоматизации лифта. Его попытки отменить заказ ни к чему не привели, пришлось прятать понесенные расходы среди текущих трат. Расписывался за доставленный комплект Дипак. Грумлат обманул его, сказав, что это доставшиеся по дешевке запасные части на случай поломки лифта, и распорядился отнести коробки в подвал.

Несчастье с Риверой стало для бухгалтера неожиданной удачей. Он ждал, пока собственникам надоест взбираться по лестнице, и не сомневался, что не пройдет и нескольких дней, как они взбунтуются. Тогда он одержит победу и его будут осыпать комплиментами за предусмотрительность.

Педантичный Грумлат решил убедиться, что за истекшее время монтажный комплект никуда не делся. Он спустился по служебной лестнице в подвал и украдкой пробрался в чулан, где лифтеры хранили свой инвентарь.

Там на металлических полках лежало много всякой всячины. У дальней стены, под трубами отопления, он нашел то, что искал, — две объемистые коробки. Грумлат проверил содержимое. Монтажный комплект, судя по всему, был в полном порядке. Облегченно переведя дух, он закрыл коробки, поспешно задвинул их ногой на прежнее место и, стараясь остаться незамеченным, покинул подвал.

В дождливые дни уличная грязь пачкает мраморный пол холла. Под конец дня Дипак отправился в подвал за ведром и шваброй. Забирая их из чулана, он обратил внимание на две картонные коробки: их явно открывали.

С тяжелым сердцем он принялся за уборку.

Усердный служитель храма, он, верный своему долгу, терпеливо дожидался, пока все разойдутся по домам.

В 20:30 Дипак надел плащ. Мокрые тротуары у него под ногами блестели в сгущающихся сумерках. По пути он остановился, чтобы купить коробку шоколадных конфет, и поехал в больницу «Бет». С презрительной гримасой он нажал на кнопку лифта, прошагал по коридору, справился у проходившей мимо медсестры, куда ему идти, и постучал в дверь палаты Риверы.

— Тебе не очень больно? — осведомился он, глядя на ногу в гипсе, подвешенную на шкиве для растяжки.

— Главное — не смеяться, — отозвался Ривера.

Дипак положил коробку с конфетами на тумбочку, между двумя пузырьками обезболивающего и старым журналом.

— Попал ты из-за меня в переплет! — виновато вздохнул Ривера.

— Все под контролем, — заверил его Дипак. — Сам видишь, как поздно я пришел.

— Врачи сказали, что я проваляюсь здесь месяца два.

— Чудо, что ты вообще не убился на этой проклятой лестнице. Два месяца — пустяк по сравнению с вечностью.

Ривера опять вздохнул:

— Когда они узнают, меня точно уволят.

— Они так заняты поиском замены, что обстоятельства твоего несчастного случая их совершенно не волнуют, — успокоил его Дипак.

— Если страховщики начнут выяснять, что да как, то обязательно докопаются до правды.

— Сказано тебе: лежи и не дергайся! Я придумал убедительную версию, они ее слопали и не поперхнулись.

— Все равно мне не нравится твой вид.

— Для человека, закованного в гипс, у тебя неплохое чувство юмора!

Оба замолчали. Ривера стеснялся задать не дававший ему покоя вопрос.

— Она места себе не находит. Ты же об этом хотел спросить? — не выдержал Дипак. — Но, думаю, в конце концов успокоится.

Ривера сморщился и оставил попытки сесть.

— погоди, дай поправлю тебе подушки.

— Моя жена тоже, наверное, места себе не находит.

— Я и ее навещу, — пообещал Дипак.

— Можно подумать, у тебя без меня мало забот! К тому же она все равно вряд ли тебя узнает.

— Если так, она и твоего отсутствия не заметит.

— Знаешь, я иногда думаю: что, если, найдя мне замену, они уже не возьмут меня обратно?

— Хватит себя изводить, дурачина! В чем ты виноват? Твоя жена уже десять лет живет в своем мире, но ты все равно посвящаешь ей все свободное время. Ты всю жизнь работал и продолжаешь вкалывать как каторжный — в твоём-то возрасте! Ну, позволил себе немного расслабиться, повелся на нежность — зачем себя из-за этого казнить?

— Тут такое дело... — пролепетал Ривера. — Боюсь, это больше чем нежность.

— Со стороны миссис Коллинз или с твоей?

— Надеюсь, с обеих сторон.

Дипак запустил руку в карман плаща, достал детектив карманного формата и положил на кровать. Ривера схватил книгу, и его щеки порозовели. Дипаку даже показалось, что его друг улыбается. Он встал и надел плащ.

— Я снова приду завтра, — пообещал он.

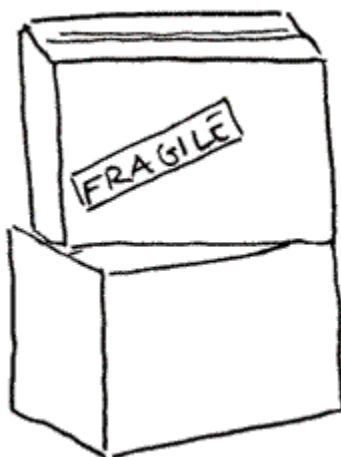
— Ты так и не объяснил, почему у тебя такая кислая физиономия.

— Бухгалтер шарил у нас в чулане. Но, повторяю, у меня все под контролем, им не отнять у меня мою мечту. — Он шагнул к койке. — Восстанавливай силы. Я со всем справлюсь.

Потрепав коллегу по руке и взяв из коробки конфету, он покинул палату.

Дипак решил все рассказать жене. Если бы он затянул с признанием, она обрушилась бы на него с упреками. Правда, поделиться с женщиной своей тревогой, не всполошив ее, — тонкое искусство. Благополучие Лали значило для него больше, чем лифт и мечты о рекорде. Под конец ужина, спросив ее, как прошел день, он ограничился безобидным с виду вопросом: остались ли еще в Мумбаи лифты с ручным управлением?

Но для Лали этот вопрос был далеко не безобидным.

День моего возвращения в Нью-Йорк

Я отказалась от предложения отвезти меня на «скорой» — терпеть не могу кататься на автомобиле! В детстве стоило мне сесть в машину отца, ехавшего за покупками или развлечься в Нью-Йорке в выходной, как прогулка превращалась в кошмар, особенно для родителей. Не знаю, в чем дело — в запахе кожи, плавном покачивании на рессорах или в привычке смотреть в зеркало заднего вида на то, что происходит сзади, — но я всегда путешествовала с внушительным количеством бумажных пакетов на коленях: мама совала мне их стопками, и отцу приходилось часто останавливаться и выкидывать их по мере наполнения. С пяти лет меня стали сажать в машину только на пустой желудок, а когда я жаловалась, что хочу пить, родители делали вид, будто не слышат моего нытья.

До моего тринадцатилетия им даже в голову не приходило отправиться со мной куда-нибудь дальше полусотни километров. Так что у их развода было хотя бы одно преимущество: у матери остался дом в Коннектикуте, потому что именно она его купила, а мы с папой поселились в Нью-Йорке. С поездками на машине было покончено! Теперь мою почти райскую свободу обеспечивали автобус и метро. Впрочем, я отказалась ехать домой на «скорой» не потому, что не переносила поездки в автомобиле: я приехала сюда на поезде «до» и хотела точно так же вернуться «после».

На вокзале, как потом в поезде, я пожалела о своем упрямстве. Там не было ни больничного персонала, ни незнакомых людей, приходивших

меня поприветствовать, — одни только пассажиры, оборачивавшиеся и глазевшие на мое кресло и на мои ноги, которым недоставало сорока сантиметров длины и ступней. Слишком много внимания к такой ерунде! Что такое сорок сантиметров? Меньше двадцати пяти процентов моего роста! Взять, например, людей, потерявших почти все волосы, а не какие-то двадцать пять процентов: кто-нибудь раздувает из этого проблему? Велика важность — четверть человека! Три четверти-то на месте!

Будильник был заведен на 5:15 утра. Как обычно, Дипак открыл глаза за несколько минут до звонка и не позволил будильнику подать голос — не хотел тревожить сон жены. Как ему не доставало повседневной размеренности! Теперь все было не так, как раньше, вот и Лали не оказалось с ним рядом.

— Какая ты ранняя пташка! — сказал он, обнаружив ее на кухне.

— Я всю ночь не смыкала глаз.

— Надо тебе сходить к врачу: бессонница — не шутка, — сказал он, поднося к губам чашку с чаем.

— Нам нужен не врач, а лифтер.

— Слушай меня внимательно, Лали. Мы пережили худшее и сумели построить спокойную жизнь. Я был бы счастлив предложить тебе что-нибудь получше, больше комфорта, но меня оправдывает то, что я старался изо всех сил. Если придется уйти на покой раньше времени, мы и это переживем, просто придется быть экономнее.

— Ты тоже слушай внимательно. Никакой другой жизни, кроме той, что у нас есть, я бы не хотела. Мне совершенно не нужно, чтобы она поменялась, тем более чтобы изменился ты сам. Поэтому мы найдем выход, даже если заменять Риверу придется мне.

— Не говори ерунду!

— Кто лучше меня знает твой чертов «Махараджа-экспресс»? Тридцать девять лет ты только о нем и говоришь, как будто это твой ребенок. Я могла бы подпеть его реле, загудеть голосом его противовеса, свистнуть лучше твоего свистка, лязгнуть, как твоя решетка, когда ты забываешь ее вовремя смазать. Вряд ли мне потребовалось бы много времени, чтобы научиться жать на ручку лифта.

— Это, знаешь ли, не так просто, — возразил Дипак с обиженным видом.

Отодвинув табурет, он поцеловал Лали в лоб и снял с вешалки свой плащ.

— Это куда сложнее, чем ты можешь вообразить, — бросил он, выходя.

Спускаясь по лестнице, он вытер глаза: его растрогало то, что ради него она готова не спать много ночей подряд.

Лали оделась элегантнее, чем обычно, оглядела себя в зеркале и вышла на улицу вскоре после Дипака.

Она спустилась в подземку и поехала на станцию «Юнион-сквер». На площади расположились фермеры из долины Гудзона, разложив свой разноцветный товар, проходы между рядами запрудила толпа посетителей, так что через нее было не протолкнуться. Но Лали не собиралась делать покупки, цены в этой части города были ей не по карману.

Китайские груши роняли на тротуары Пятой авеню белые лепестки. Лали необходимо было пройтись, чтобы привести в порядок мысли, успеть найти правильный тон и подходящие слова.

Остановившись перед домом № 12, она набрала в легкие воздуху, чтобы чувствовать себя сильнее и весомее, и с высоко поднятой головой вошла в здание.

Дипак захлопнул дверцу такси, в которое усадил миссис Уильямс, и поспешил обратно в холл.

— Что ты здесь делаешь? Только не говори, что у тебя в голове по-прежнему бродят эти странные мысли...

— Не тебе ставить мне в вину странные мысли. Мне просто захотелось прокатиться в твоём расчудесном лифте, пока не поздно. Не вздумай мне мешать!

Дипак был бы рад ей помешать, но знал, что с его женой мало кто сравнится упрямством.

— Один разок, не больше! — согласился он.

Когда Дипак задвинул решетку, Лали изобразила голосом ее скрип; когда кабина начала подъем, она стала вторить урчанию мотора.

— Если ты пришла посмеяться, не стоило утруждаться...

— Ты никогда не посмел бы так говорить со своими пассажирами. Вези меня на девятый и помалкивай, будь так добр. Мне хочется, чтобы ты обращался со мной, как с остальными.

— Хорошо, на девятый и вниз. И все! — строго проговорил он.

Но на девятом этаже Лали попросила его открыть решетку и вышла из лифта.

— Что это такое, в конце концов?! — возмутился Дипак.

— Я хочу, чтобы все было по-настоящему — обслуживание по высшему разряду. Возвращайся на первый этаж, я тебе позвоню, и ты приедешь за мной, выражая почтительность, как будто я владелица квартиры в этом невероятно прекрасном доме.

Дипак недоумевал, что за муха ее укусила. Он закрыл решетку, кабина поехала вниз.

Проведя в холле несколько минут, он удивился, что не слышит звонка, забеспокоился и поднялся на девятый этаж. Его тревога усилилась многократно, когда он не обнаружил жены на лестничной площадке.

Хлоя усадила Лали на диван.

— Я заварю чай. Сейчас, я мигом!

Находиться в такой шикарной квартире, тем более позволить, чтобы вокруг нее суетились, было для Лали так необычно, что она не стала спорить. Оставшись ненадолго одна, она залюбовалась видом из окна.

— Это мой наблюдательный пункт, — объяснила хозяйка, вернувшись с подносом на коленях. — Заняв позицию у окна под определенным углом, можно увидеть триумфальную арку в Вашингтон-сквер-парке. Вам-то нужно всего лишь немного наклониться...

— Как же чудесно так жить!

— Прикованной к креслу?

— Я не это хотела сказать...

— У вас срочное дело? Мистеру Ривере стало хуже?

— Нет, речь о другом человеке.

— О Дипаке?

— Нет, о вашем бухгалтере со второго этажа.

И Лали рассказала о монтажном комплекте, установка которого похоронит карьеру ее мужа. Она сама не знала, зачем сюда пришла. Ей всегда удавалось устранять проблемы, но сейчас она впервые в жизни ощущала беспомощность. Ей требовался союзник в битве, кто-то, кто поставил бы на место Грумлата, пока она не придумает выход. Услышав о плане бухгалтера, Хлоя всерьез рассердилась.

— Не знаю пока, каким образом мы расстроим его планы, но мы обязательно это сделаем, положитесь на меня. Попытки выгнать Грумлата в шею ничего не дадут, он найдет способ вернуться. Нет, здесь нужна дискредитация. Это наверняка не первая пакость на его счету. Я проберусь к нему и пороюсь в его бумагах.

— Не представляю, как вы сумеете остаться незамеченной...

— У вашего мужа есть дубликаты всех ключей.

— Дипака нельзя в это вовлекать. Он до того порядочный, что...

Хлоя в задумчивости курсировала между диваном и окном.

— Я тоже такая: расхаживаю, чтобы лучше думалось, — заметила Лали, а потом спохватилась и пробормотала, что очень ей сочувствует.

— Ничего страшного. Я попробую выиграть несколько дней. Поговорю с отцом, он хороший советчик.

— Что бы он ни посоветовал, не впутывайте в это Дипака. Если он узнает, что я что-то замышляю у него за спиной, он никогда мне этого не простит.

— Проводить вас на служебную лестницу?

— Нет уж, одного падения с нее вполне достаточно!

Хлоя проводила гостью до двери.

Лифт приехал на девятый этаж, и Дипак доставил жену вниз, обращаясь с ней в высшей степени почтительно — так, как она не

ожидала: не промолвил ни слова, даже не покосился в ее сторону, когда она вошла в кабину, потом, по-прежнему молча, провел ее по холлу, отворил перед ней дверь и сопровождал на тротуар. Там он попрощался с ней, церемонно приподняв фуражку, и вернулся за свою конторку. Стоило ему сесть, как в кармане завибрировал телефон.

— Вот и еще восемьдесят восемь метров, — пробормотал он, поднимаясь на девятый этаж.

Санджай и Сэм шагали по Таймс-сквер.

— В кои-то веки ты не пытаешься задремать во время встречи! Я тебя прямо заслушался! Чрезвычайно убедительно! Еще чуть-чуть — и я побежал бы вкладывать свои деньги в твой проект! — захлебывался от восторга Сэм.

— Чуть-чуть не считается, — отозвался Санджай.

— Наберемся терпения, нам предстоит уломать еще два десятка инвесторов.

— Пойми, Сэм, в этой гонке для меня важна каждая секунда. Проиграю — всего лишусь.

Сэм взял Санджая за локоть:

— погоди! У меня идея. Знаешь, что заставляет инвесторов тормозить? Им страшно инвестировать в Индию. Что нам мешает открыть филиал в Америке?

— Катастрофическая нехватка времени — вот что!

— Здесь — храм капитализма, регистрация фирмы — дело считанных дней, я могу взять это на себя.

— Во сколько это обошлось бы?

— Пришлось бы потратиться на юристов — сущий пустяк по сравнению с ожидаемой прибылью. Но от тебя потребовалось бы финансовое вложение в доказательство твоей беззаветной веры в успех. Полмиллиона баксов — и дело в шляпе. Полагаю, для тебя это не проблема?

Санджай вспомнил Хлою, и идея создать отделение в Нью-Йорке показалась ему заманчивой. Имелось, правда, одно, но существенное препятствие: его состояние нельзя было превратить в живые деньги.

Ему пришлось бы взять их в долг под залог его доли акций отеля «Мумбаи Пэлс». К своему удивлению, он даже не встревожился при мысли, что дядя примут в штыки его действия.

— Согласен, — сказал он. — Сейчас же позвоню в Мумбаи, пусть сделают расчет. Я распоряжусь об изготовлении макета интерфейса для американского рынка. Через несколько часов мы будем знать, что к чему.

— Опомнись, в Индии сейчас ночь...

До ноздрей Санджай долетел будоражащий запах, и он стал нюхать воздух, словно мышь, почуявшая сыр.

— Ты что, кролик? Или мышь? Что на тебя нашло? — возмутился Сэм.

Но Санджай уже обнаружил уличного торговца.

— Мумбаи никогда не спит! — воскликнул он. — Пойдем, не пожалеешь!

— Что это? — настороженно спросил Сэм, глядя на странный гамбургер, который протянул ему торговец: вместо мяса между двумя ломтями хлеба виднелось нечто непонятное, поджаренное и смазанное сверху еще более непонятной оранжевой массой.

— Если хочешь прожить хотя бы день в Индии, начинай привыкать к нашей кухне.

Сэм неуверенно надкусил сэндвич, скорчил удивленную гримасу, отдавая должное вкусу вада пав, и поспешно слотнул. Не прошло и пяти секунд, как из глаз у него полились слезы, лицо побагровело. Жестами он потребовал бутылку воды и залпом ее осушил.

— Фу, так-то лучше... Ты за это ответишь! — прохрипел он, пытаясь отдышаться.

Хозяин ресторанчика «Клодетт» встретил Бронштейнов с распростертыми объятиями. Он наклонился и поцеловал Хлою, после чего встал позади ее кресла. Бронштейн недоумевал, почему только Клоду она разрешает ее возить.

— Ваш столик готов! — провозгласил Клод. — Рекомендую мой буйабес. Пальчики оближете!

— Тогда две порции буйабеса, — попросил профессор.

Хлоя стала рассказывать, как у нее прошел день. Упомянув о визите Лали, она призналась, что не может придумать, как помешать Грумлату.

— Покупка деталей без нашего ведома — это непростительно! — возмутился отец. — А между тем автоматизированный лифт — залог твоей свободы.

— Меньше всего я ждала таких слов от тебя! — удивилась Хлоя. — Тебе безразлична участь Дипака и Риверы?

— Мне-то безразлична, но так будут рассуждать наши соседи, — стал оправдываться профессор. — Я, конечно, буду возражать, но у нас всего один голос из восьми.

— А вот и нет! За нас будет миссис Коллинз. Между прочим, контора на втором этаже — ее собственность, вот тебе уже три голоса. Остается уговорить владельца еще одной квартиры — и получится ничья.

— Попробуем сагитировать Моррисона. Все будет зависеть от степени его опьянения во время собрания.

— Какое еще собрание? — насторожилась Хлоя.

— Не хотелось лишний раз тебя расстраивать, но... Грумлат созывает внеочередное собрание жильцов. Я получил уведомление, в нем он пишет, что нашел решение проблемы с лифтом. Теперь понятно, о чем речь...

— Когда собрание?

— Завтра в пять.

После ужина Хлоя попросила счет, но Клод, как водится, отказался и сам проводил гостей до двери.

— Почему вы с нами так щедры? — спросила его Хлоя.

— Это не щедрость, а признательность. Отец ничего вам не рассказывал? Когда я открыл ресторан, жители этого шикарного района подняли меня на смех. Мне давали три месяца, не больше, утверждая, что я разорюсь. Сначала мне казалось, что они правы. Шли дни, а заведение пустовало. Знали бы вы, как долго к нам почти никто

не ходил! Но мистер Бронштейн был верен мне, всегда меня хвалил, призывал держаться. Однажды его посетила блестящая идея...

— Просто я посоветовал вспомнить о законе спроса и предложения, — подхватил профессор. — Я порекомендовал целую неделю отвечать отказом на звонки с просьбой зарезервировать столик и говорить, что все занято до следующего понедельника.

— Так вот, в этот самый следующий понедельник зал заполнился на три четверти, а это для вечера понедельника попросту аншлаг. Разнесся слух, будто в «Клодетт» невозможно забронировать столик. Этого оказалось достаточно, чтобы всем захотелось у меня побывать. Вот уже десять лет каждый день, кроме понедельника, у нас нет отбоя от гостей. Поэтому вы всегда будете моими желанными гостями.

В ту ночь никому не спалось. Наверное, из-за полнолуния.

Хлоя до рассвета репетировала свой текст, время от времени подъезжая к окну и наблюдая за улицей. Вечером звонил Джулиус, интересовался, как у нее дела.

Уильямс посвятил часть ночи сочинению своей колонки. Его жене нужно было до конца недели закончить альбом, и она рисовала у себя в кабинете.

Леклеры восстанавливали силы перед телевизором после любовных утех.

Миссис Коллинз принесла в кухню своего попугая, начала читать ему вслух детективный роман и разрыдалась, когда сыщик, преследовавший грабителя, оступился и сломал ногу.

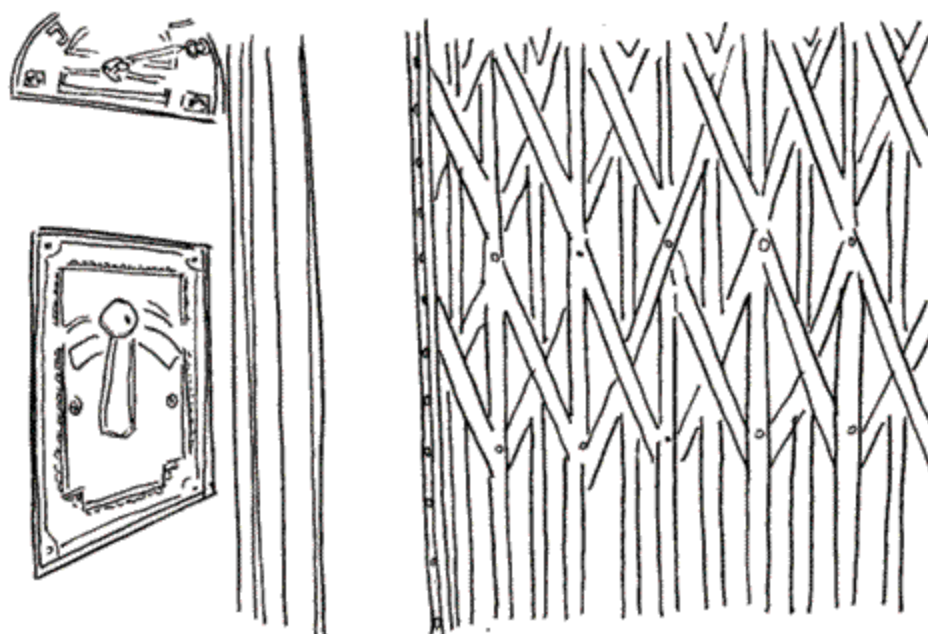
Моррисон опорожнил под оперу Моцарта целую бутылку виски «Макаллан» и в пять утра рухнул на свой персидский ковер.

Зелдоффы поссорились. Муж лежал на диване в гостиной и дулся, уличный шум не давал ему сомкнуть глаз. Жена в спальне читала псалмы, чтобы добиться прощения свыше за произнесенные ею грубые слова.

Ривера почти всю ночь читал детектив. До успокоительных на ночном столике ему было не дотянуться, а вызывать ночную сиделку он опасался, потому что медсестра в его книге отравила пациента.

В доме № 225 по Восточной 118-й улице Санджай, кое-как пристроившись за неким подобием письменного стола, принесенного к нему в голубую спальню тетушкой, общался по скайпу с компьютерщиками в Мумбаи, сохраняя на своем ноутбуке пересылаемые ими цифры.

Одному Дипаку, который спал, прижавшись к жене, полнолуние было нипочем. Он посапывал как сурок. Но к сожалению, недолго.

— Который час? — пробормотал Дипак, протирая глаза.

— Самое время сказать жене, что она замечательная женщина.

Дипак нашарил очки и приподнялся, уставившись на Лали:

— Нельзя было дожидаться звонка будильника?

— Мне надоело ворочаться без сна. Вставай, нам надо поговорить. Я заварю чай.

Дипак испугался, что у жены что-то с головой.

— Всего четыре утра! Не хочу я никакого чая, — запротестовал он. — Я давно знаю, что таких, как ты, больше нет, и всегда буду тебе признателен за то, чтобы ты за меня вышла. Ну вот, я сказал. Можно мне теперь еще немного поспать?

— Даже не надейся! Тебе придется меня выслушать. Я придумала решение наших проблем.

— Опять, что ли, твоя несуразная затея — заделаться ночной лифтершей?

— А вот и нет! Я знаю, кто может заменить Риверу.

Дипак заглянул под кровать, взбил подушки, отодвинул и снова задернул занавески.

— Что ты делаешь? — удивилась Лали.

— Ну как же! Раз ты нашла нам спасителя, ворочаясь в постели, значит, он должен быть где-то рядом, вот я его и ищу.

— Нашел время дурачиться!

— Ты сто раз повторяла, что тебя привлекло мое чувство юмора, хотя я считал, что все дело было в моем неподражаемом искусстве крикетиста...

— Решил похвастаться? Брось! Лучше поищи как следует, потому что ты прав, он совсем рядом!

— Этого-то я больше всего и боялся: у тебя поехала крыша!

— Найти квалифицированного лифтера, члена профсоюза, отвечающего требованиям страховых компаний, — так ты сформулировал задачу?

— Именно так она и звучит, только я тебе ее не формулировал! — вытаращил глаза Дипак.

— Лишнее доказательство того, что я еще умнее, чем ты воображал!

— Наверное, это я выжил из ума: никак не пойму, куда ты клонишь.

— Санджай!

— По-прежнему холодно.

— Наплети своим друзьям в профсоюзе, что твой племянник накопил богатый опыт управления лифтами в Мумбаи. Им ничего не останется, кроме как заключить с ним контракт. Ты столько лет кормил их членскими взносами, пускай от них будет хоть какой-то прок! Проклятому бухгалтеру нечего будет возразить.

— Понимаю теперь, зачем тебя понесло на девятый этаж... Очень великодушно с твоей стороны, я чрезвычайно тебе признателен, вот только в твоём плане есть небольшой изъян.

— Совершенно безупречный план, не подкопаешься! — стояла на своем Лали.

— Беда в том, что у твоего племянника нет необходимой квалификации.

— Он работает в хай-теке! Думаешь, у него не хватит умения, чтобы управлять лифтом? Или это у тебя не хватит умения, чтобы научить его своей премудрости? Между прочим, это твой долг, если бы ты этим озаботился, мы не угодили бы в такую передрыгу.

Упомянув о долге, Лали попала в точку. Дипак обиделся, но ей не было дела до его обид, вернее, именно на его обиду она и делала ставку.

— Предположим, я его натаסקаю, — начал он нравоучительным тоном. — Предположим, мои коллеги в профсоюзе позволят нам провернуть это дельце. Но с чего ты взяла, что он согласится? Если ты уже не уговорила его у меня за спиной...

— Я сумею его уговорить.

— Спорим, что не сумеешь? Давай вернемся к этому разговору после того, как ты попробуешь, — предложил Дипак.

После этих слов он снял очки, погасил свет и зарылся лицом в подушку.

Санджай открыл глаза и схватил телефон. Накануне он так заработался, что сейчас не проснулся даже от утреннего света. Вскочив как ошпаренный, он метнулся в ванную и вскоре выбежал оттуда уже в элегантном костюме. Он даже повязал галстук — пусть Сэм порадуетя!

— Вот на какой ерунде держится доверие в этой стране! И кто здесь, интересно, больной? — пробормотал он, стоя перед зеркалом.

Он вызвал через приложение машину и метнулся к двери.

— Какой ты шикарный! — восхитилась Лали. — Прямо банкир!

— Я так вырядился как раз для встречи с настоящим банкиром.

— Хочешь со мной пообедать?

— Сегодня у меня очень насыщенный день. Лучше в другой раз.

— Мне срочно нужно с тобой поговорить! — взмолилась она.

Санджай посмотрел на свою тетушку. Не уделить ей время было бы очень невежливо.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю. А сейчас мне надо бежать. Встретимся часиков в пять в Вашингтон-сквер-парке, на скамейке, там есть один человек, он всегда играет на трубе.

— Какой еще человек?

— Сама увидишь! — крикнул Санджай уже с лестницы.

Сэм изнывал от нетерпения. Вбежав в его офис, Санджай начал с извинений.

— Это такая индийская традиция — вечно опаздывать?

— В Мумбаи — да. Там такое движение, что успеть вовремя — значит прийти раньше времени, — объяснил Санджай.

— Мы в Нью-Йорке, если ты забыл!

— Зато мы в Индии никогда не спим. Держи, вот цифры, я корпел над ними всю ночь.

— Лучше поторопимся, нас ждет клиент, убеждать надо его, а не меня.

Весь день Санджай доказывал прибыльность своих предложений. За это время солнце, встав над Ист-Ривер, повисело несколько часов над Пятой авеню и стало заходить над Гудзоном.

В 16:45 профессор Бронштейн, который слегка сократил свою лекцию, шел домой через Вашингтон-сквер-парк.

Одновременно туда через противоположные ворота вошла Лали и двинулась в глубь парка, ориентируясь на зов трубы.

В 17:00 Санджай расстался с Сэмом. Он был совершенно без сил, но в первый раз чувствовал оптимизм. Все успехи были еще впереди, но Сэм уже видел себя у штурвала индо-американской империи, которая заставит дядьев Санджая позеленеть от зависти.

В 17:05 Дипак отвез Бронштейна на второй этаж. Все соседи уже собрались в конторе Грумлата и ждали только профессора. Не пришла одна миссис Коллинз, доверившая свой голос Бронштейну и наказавшая ему проголосовать вместо нее против предложения бухгалтера.

В 17:10 Санджай брел по аллеям Вашингтон-сквер-парка. Галстук был выброшен в первую же попавшуюся ему на пути урну.

Лали ждала его на скамейке.

— Вот и я, — пропыхтел он, плюхаясь рядом с ней. — Извини, что опоздал.

Лали не отрывала взгляд от шляпы трубача, лежавшей на земле.

— Мой брат не бросил свой кларнет?

— Нет, он играл до конца жизни.

— Как же он мучил меня своим джазом, когда мы были молодыми! С тех пор я иногда слушаю джаз, это навевает воспоминания...

— Хорошие?

— Глядя в зеркало, я вижу в нем не себя. Я остаюсь девушкой, какой ходила по улицам Мумбаи. Мне так нравилось нарушать запреты,

быть свободной!

— Жизнь была тяжелой?

— Правильнее сказать — трудной. Так всегда бывает, когда ты не такая, как все.

— Тебе никогда не хотелось туда вернуться?

— Дня не было, чтобы я об этом не мечтала. И до сих пор мечтаю. Но раньше возвращение было бы для Дипака слишком рискованным.

— До такой степени? Могли бы приехать в отпуск.

— Ради чего? Чтобы нас встретили запертые двери? Чтобы повидать родственников, отказавшихся общаться со мной и знакомиться с человеком, которого я полюбила? Потерять родителей — жестокое испытание, но так уж устроена жизнь. Но когда они от тебя отрекаются, это больше чем жестокость. Как почитание традиций можно поставить выше любви к своему ребенку? Мою молодость стерегли, как святыню. Обскурантизм не более чем ненависть, религия — предлог для абсурдного поведения.

— Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ничего ты не знаешь! Ты мужчина, да еще из привилегированной касты, ты свободен. Отец прогнал меня, потому что устыдился собственной дочери, и мои братья не посмели ему помешать. Но кое-что общее у нас с тобой есть: у тебя не осталось другой родни, кроме меня, а у меня — кроме тебя.

— Это притом что несколько дней назад мы еще не были знакомы.

— Нет, по-моему, ты знал меня лучше, чем говоришь. Нас свел не случай. Когда тебе понадобилась семейная поддержка, ты обратился ко мне, потому что знал, что только я приду тебе на помощь. Что, не так?

— Возможно, что так оно и было...

— Рада это слышать, потому что теперь настал мой черед попросить тебя о небольшой услуге.

— Проси чего хочешь!

— Ну раз так... Как тебе известно, коллега-сменщик Дипака сломал ногу, и это несчастье имеет для нас серьезные последствия. Их

наниматели хотят воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы автоматизировать лифт.

Как Санджай ни ломал голову, он не мог понять, какое отношение это имеет к нему.

— Думаю, после стольких лет службы Дипак может рассчитывать на приличное выходное пособие, — сказал он.

— Чем богаче люди, тем скареднее; кстати, в скаредности, скорее всего, и заключается причина их богатства. Но для Дипака это вопрос не денег, а гордости, чести и самой жизни. Вот что стоит на кону!

— При чем тут его честь? В случившемся нет его вины.

— Дипак великолепно играл в крикет, на него имела виды национальная сборная. Его ждала профессиональная карьера — магическое средство, чтобы преодолеть социальные барьеры и стать всеобщим любимцем. Но нам пришлось бежать. Дипак был спортсменом высокого полета, а превратился в лифтера, летающего вверх-вниз по лифтовой шахте чужого города. Представляешь, через что ему пришлось пройти? И вот твой дядя, желая получить повод гордиться собой, вбил себе в голову, что обязан совершить подвиг.

— В крикете?

— Скорее в альпинизме: он должен три тысячи раз проехать по вертикали — в этом своем проклятом лифте — расстояние, равное высоте горы Нандадеви. Этой мечте посвящены последние тридцать девять лет его жизни. Но теперь наниматели хотят ее у него отнять, хотя цель совсем близка. Я не могу этого допустить.

— Почему именно три тысячи Нандадеви?

— А почему нет?

Санджай уставился на тетку. Услышанное его сначала позабавило, потом поразило: оказалось, что Лали даже не думает шутить!

— Как мне помочь ему три тысячи раз вскарабкаться на Нандадеви? — продолжала она. — Тем более что у меня даже на домашней стремянке начинает кружиться голова.

— Простейший способ — подменить Риверу на несколько дней. Ты на это намекаешь?

Трубач доиграл мелодию, спрятал в футляр инструмент и собрал монеты, брошенные щедрыми прохожими и не попавшие в шляпу.

— Лали, я не все тебе рассказал. У меня своя компания в Мумбаи. Я отвечаю за сотню с лишним людей. Я прилетел в Нью-Йорк не просто так, а чтобы поправить свои дела.

— Ты такой важный человек, что немного побыть лифтером — это ниже твоего достоинства?

— Я не это имел в виду.

— Именно это ты и имел в виду.

— Я не столько важный человек, сколько очень занятой.

— И твои занятия важнее помощи твоим родственникам.

— Не играй словами, лучше поставь себя на мое место. Как бы я справился со своими делами, если бы ночами катался вверх-вниз на лифте?

— Позволь задать тебе вопрос. Что ты знаешь о своих сотрудниках? Ты знаком с их женами, знаешь, как зовут их детей, их дни рождения, привычки, радости и горести?

— Как это возможно? Говорю же, их больше сотни!

— С высоты своего пьедестала ты мало что можешь разглядеть. А Дипак все знает о жизни обитателей своего дома. Большинство из них считает его простаком, занимающимся мелочами, а он оберегает их изо дня в день, знает их, возможно, даже лучше, чем они знают сами себя, он — их защитник. Дипак — их проводник. А ты кто такой?

— Я не ставлю под сомнение человеческие качества твоего мужа. Жаль, если у тебя создалось такое впечатление, я этого не хотел.

— Удели мне еще минуту, — попросила Лали и запустила руку в свою сумку.

Достав из кошелька монету в двадцать пять центов, она положила ее Санджаю на ладонь и заставила его сжать пальцы в кулак.

— Переверни руку и разожми кулак, — приказала она.

Санджай послушался, и монета упала к его ногам.

— Вот что произойдет с твоим богатством в день твоей смерти.

После этих слов она ушла.

Взволнованный Санджай подобрал монету. Потом он посмотрел на ленту большого китайского вяза у себя над головой, еще сильнее разволновался и побежал вдогонку за теткой.

— Сколько ночей? — спросил он, догнав ее.

— Несколько недель.

— Я не собирался оставаться в Нью-Йорке так надолго.

— Главное — захотеть, тогда все получится. Или такой важный человек, как ты, не принадлежит себе?

— Не сочти это за грубость, но ты мастерски манипулируешь людьми!

— Благодарю за комплимент. С какого дерева ты свалился? Ну так как, да или нет?

— Десять ночей, а потом тебе придется подыскать кого-то еще.

— Я сделаю все возможное.

— Хватило бы простого «спасибо».

— Ты сам будешь меня благодарить! Уверена, этот опыт пойдет тебе на пользу.

— Каким образом, хотелось бы мне знать?

— Разве ты не придумал систему для знакомства людей?

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя погулила.

— Что ты сделала?

— Включила компьютер и стала искать информацию про тебя. Человек, выдающий себя за звезду хай-тека, обязан знать, что такое «гулить». Ты меня пугаешь!

— Гулить!

— А я что говорю? Твоя цель — соединять людей, а здесь тебе предоставляется возможность научиться их узнавать. Обратись к Дипаку, у тебя есть несколько дней, чтобы он тебя научил. Как только мы добьемся для тебя контракта, все войдет в норму и ты сможешь начать работу.

— Какой еще контракт? — испугался Санджай.

Лали чмокнула его в лоб и быстро зашагала прочь, прижимая к себе сумку.

День, когда я вернулась домой

Я добралась до Пенн-Стейшин и решила не ехать дальше в метро. Я так восхищалась нью-йоркским метро, когда приезжала из своего Коннектикута, а теперь оно внушало мне ужас: вагоны вечно набиты битком, я боюсь задохнуться в толпе.

Я должна научиться жить на другой высоте, теперь у меня другой горизонт — торсы снующих вокруг меня людей. Разве можно злиться на них за то, что они меня толкают? Как ни странно, от тех, кто не отрывается от экрана смартфона, исходит меньше опасности: они бредут опустив голову и я попадаю в их поле зрения.

На тротуаре меня ждал Дипак. Верный себе, он открыл дверцу такси, даже его «здравствуйте, мисс Хлоя» прозвучало привычно. Папа отдал мне мой планшет, достал из багажника кресло, разложил и постарался подставить его мне как можно удобнее. Под бесстрастным взглядом Дипака, делавшего вид, будто все совершенно нормально, я переползла в кресло.

«Они счастливы, что вы вернулись домой», — прошептал Дипак. Я не сразу поняла, о ком он, но потом подняла глаза и проследила за его взглядом. Все соседи прильнули к окнам: Уильямсы, Леклеры, Зелдоффы, Грумлат и даже Моррисон.

Миссис Коллинз встречала меня в холле — как всегда, радостная. Она обняла меня и расцеловала. Папа захотел подняться в квартиру раньше меня и включить всюду свет. Дипак повез его наверх, а миссис Коллинз решила побыть со мной. Она молчала, но, когда мы слышали, что кабина едет вниз, прошептала мне на ухо, что я сногшибательная красавица. Это прозвучало как секрет, которому полагалось остаться между нами, и вид у нее был такой искренний, что я ей поверила.

Дипак крепко взялся за рукоятки моего кресла. Я должна была привыкнуть к мысли, что у меня больше нет ног, остались только руки, на них вся надежда. Это очень важно, и через считанные минуты Дипак наглядно мне это показал. Мы подняли миссис Коллинз

на шестой этаж, а на седьмом я увидела, что Дипак плачет. Я взяла его за руку, как иногда делала в детстве, это получилось само собой, — наверное, сыграла роль разница в росте, которая теперь появилась вновь. Я сказала ему, что за этот день и так пролито много слез. Он вытер глаза и дал мне слово, что больше это не повторится. И когда мы приехали на мой этаж, он не стал толкать мое кресло, а остался стоять у своего полированного рычага. «То, что было в холле, произошло в последний раз, — предупредил он меня. — Вам не нужен ни я, ни кто-либо еще. Прошу вас, — он указал рукой на выход, — это лучшее, что я могу сейчас сделать».

Я сама выехала из лифта, Дипак помахал мне, и его уверенный спокойный взгляд дал мне понять, что я полноценная женщина. Никто больше не дотронется до рукояток моего кресла. До «14:50» притрагиваться к моей руке тоже было небезопасно, это разрешалось делать только Джулиусу и моему отцу.

После собрания у Грумлата Дипак развез жильцов по этажам. Он давно научился расшифровывать выражение их лиц. Леклеры, поднимавшиеся на седьмой этаж, смотрели на него сочувственно, лицо миссис Зелдофф выражало раскаяние, молчание Моррисона было не менее выразительным, чем смущение профессора.

Во входную дверь позвонили. Дипак попрощался с Бронштейном и поехал вниз.

Хлоя ждала отца в гостиной.

— Голос Моррисона все изменил, миссис Зелдофф весьма деликатно разъяснила ему, что он сумеет нажать на кнопку, даже будучи мертвецки пьяным.

— Эта лживая святоша загубила голосование?

— Леклеры тоже пошли на поводу у Грумлата. Если бы монтажный комплект еще только предстояло приобрести, то я бы всех их одолел. Но в сложившейся ситуации мне нечего было противопоставить их желанию обрести свободу.

— Свободу? — удивилась Хлоя. — Как им не стыдно!

— Стыд проиграл одышке: никому не хочется подниматься домой пешком.

— Никто даже не упрекнул Грумлата?

— Это было очень нелегко, но я добился выплаты Дипаку и Ривере годового жалованья. Для наших финансов это весьма чувствительно. Грумлат потребовал дополнительных взносов на эти незапланированные расходы. Лично я не знаю, где наскрести денег. Это не значит, что я посылаю тебя за деньгами к матери...

— Одним словом, бухгалтер испортил жизнь не только Дипаку и Ривере, но и нам. Потрясающе!

— Я бился как мог. Придется снова отправиться в лекционный тур. Как ни жаль мне оставлять тебя одну, выбора нет.

Хлоя поинтересовалась у отца, сколько времени осталось до момента, когда произойдут перемены.

— Будем надеяться, что они окажутся не так уж велики, — пробормотал профессор с грустной улыбкой.

— Ну уж нет, теперь каждый раз, входя в лифт, люди будут говорить: «Все не так, как было раньше, при Дипаке и Ривере...»

— Наверное, ты права, — согласился Бронштейн. — Еще несколько дней все будет по-старому, и надо этим пользоваться.

В гостиной стало сумрачно, небо потемнело. В распахнутое окно ворвался шум деревьев на ветру.

— Мне пора обратно в университет. Судя по всему, попаду под проливной дождь, — горестно вздохнул профессор.

Хлоя закрыла окно. На тротуар уже шлепались крупные, как монеты, капли дождя, поставщик бакалеи «Ситарелла» торопливо вез к двери магазина тележку с полными пакетами, мужчина в темном костюме спрятался под зонтом, привратник в униформе скрылся под козырьком своего дома, няня, толкая элегантную коляску, мчалась вперед что было сил. Порывы ветра пригибали ветви платанов, большие листья испуганно трепетали, газету, которой накрыла голову застигнутая дождем женщина, унесло ветром, Пятая авеню сделалась похожа на картину Тёрнера.

— Боюсь, твой старый плащ не спасет тебя в такую грозу. Как бы студенты тебя не засмеяли!

— Студентов всегда смешит мой внешний вид, — сознался профессор, забирая из вазы у входа ключи.

Хлоя почти не заметила его ухода. Она злилась при мысли, что ее отец мокнет под проливным летним дождем, в то время как Грумлат с удобством расположился в своем офисе с кондиционером. Потом ее посетила любопытная мысль, она заторопилась к компьютеру и приступила к поискам.

Санджай, промокший до нитки, ждал перед кованой дверью.

— Ну и вид у тебя! — сказал со вздохом дядя, впуская его. — Ладно, побудь здесь, в холле, только встань на половик, пусть вода стекает на него.

— Я не прячусь от дождя. Лали ничего вам не говорила?

— Говорила, но... Я думал, ты не согласишься.

— Не за что, — проворчал Санджай, пряча улыбку.

— Впрочем, она не оставила тебе выбора.

Что ж, идем.

Дипак отвел племянника в кладовую и отпер шкафчик Риверы. Там обнаружилась только его городская одежда.

— Конечно, так и должно было быть! Ничего, я подыщу тебе другую.

— Вы о чем?

Дипак снял с крючка полотенце и подал Санджаю:

— Вытрись, потом я устрою тебе экскурсию.

— Мне придется вырядиться, как вы?

— Разве в школе ты не носил форму?

— Было дело, но с тех пор я вырос.

— Форма пойдет тебе больше, чем эти мокрые тряпки. Как видишь, здесь хранится всевозможный инвентарь. В дождь, как сегодня, ты найдешь здесь все необходимое, чтобы вытереть пол.

— Час от часу не легче!

— Ты что-то сказал?

— Нет, ничего. Продолжайте.

В холле Дипак объяснил стажеру, что сидеть за конторкой можно только в случае, если в холле никого нет. В присутствии гостя, тем более жильца дома, это категорически запрещено. Перед уходом парадную дверь полагается запереть.

— В былые времена здесь работал привратник, но на него приходилось тратить слишком много денег, вот его и упразднили. Ты быстро научишься различать два разных звонка: на входе и при вызове лифта.

— А если звонок прозвучит, когда я буду наверху?

— Потому тебе и нельзя там задерживаться: поднимешься — и живо вниз. По вечерам наши услуги редко бывают необходимы сразу двум жильцам, поэтому, если не считать курьеров, доставляющих ужин, — они у нас появляются частенько, — вечером обычно спокойно. Все, конечно, усложняется, когда Уильямсы принимают гостей. Леклеры редко выходят из дому, Зелдоффы никогда никого к себе не приглашают, Моррисон всегда возвращается домой ближе к полуночи. Вот за кем нужен плаз да плаз, в этот час он уже не в состоянии вставить ключ в замочную скважину. Главное — не вступать с ним в беседу и не медлить, иначе тебе гарантирован приступ радикулита.

— Что-то не вижу связи...

— Если замешкаешься, он уснет прямо в лифте и тебе придется тащить его прямо в постель. Поверь, телом он так же тяжел, как умом.

Дипак остановился перед лифтом, чтобы объяснить Санджаю три золотых правила своего ремесла. Потом отодвинул решетку и поманил стажера внутрь.

— Вот эта ручка — переключатель. Передвигаешь ее вправо — кабина едет вверх, влево — вниз. У мотора не предусмотрена остановка на этажах. Это твоя задача — мягко останавливать ее строго на уровне лифтовой площадки. Для этого возвращаешь ручку в мертвую точку примерно в метре от линии остановки, потом немного толкаешь ее — учти, только капельку! — ну а в последний момент, в мертвой точке, опять чуть-чуть ее двигаешь — для закругления.

— Что еще за закругление?

— Последние сантиметры движения!

— Все несколько сложнее, чем я предполагал...

Дипак расплылся в довольной улыбке:

— Несколько? Гораздо сложнее! Ну, теперь поглядим, на что ты способен.

Санджай положил было руку на ручку, но Дипак его удержал.

— Желательно сперва задвинуть решетку, — негромко подсказал он.

— Естественно, — отозвался Санджай.

— Ну так закрой.

Но, сколько Санджай ни тянул, сколько ни напрягался, решетка не задвигалась.

— Надо убрать стопор и двигать решетку ласково, чтобы она ползла по направляющим и не изгибалась.

— Подумать только, такое — в двадцать первом веке! — пробурчал Санджай.

— Да, в век неумех, когда никто не знает, на что употребить свои десять пальцев, кроме как елозить ими по экрану!

Последовал выразительный обмен далеко не самыми любезными взглядами; потом Санджай все-таки закрыл решетку и твердо взялся за ручку.

— Не забывай натянуть белые перчатки, тогда тебе не придется всякий раз вытирать разводы от пальцев, на меди всегда остаются следы. Ну, вези меня на девятый этаж!

Кабина издала недовольный звук и помчалась вверх, приведя Санджая в ужас.

— Это переключатель, а не педаль гоночного болида! Ну-ка уменьши скорость на два щелчка, — приказал Дипак.

Эффект был немедленным: дальше подъем происходил с нормальной скоростью. В промежутке между двумя этажами Санджай перевел ручку в мертвую точку, отчего кабина встала как вкопанная; тогда он чуть двинул ее назад, отчего кабина опустилась на десять сантиметров. Пришлось передвинуть ручку на два щелчка в противоположную сторону, вправо, чтобы кабина приехала почти на нужный уровень, где он перевел рычаг в центральную — нейтральную — позицию.

— Пять целых шестьдесят пять сотых метра ниже площадки, не так уж плохо.

— Не преувеличивайте, я промахнулся на каких-то десять сантиметров.

— Значит, недолет равен пяти метрам шестидесяти сантиметрам. Это восьмой этаж, а я просил девятый. Посмотрим, сумеешь ли ты

подняться на один этаж.

— Сначала покажите, как это делается, потом я попробую.

Дипак хищно, мстительно улыбнулся и осуществил маневр без сучка и задоринки.

— Согласен, — уступил Санджай, — это непростая наука, но я здесь, чтобы вам помогать, так что хватит злорадствовать, не то я уйду.

Целый час лифт сновал вверх-вниз, сначала повинаясь руке мастера, потом — ученика. В конце концов Санджай освоился с тонким механизмом. После двух десятков ездов он стал останавливаться если не безупречно, то по крайней мере гораздо лучше, чем вначале. Кабина остановилась у него в какой-то паре сантиметров от седьмого этажа, а потом мягко спустилась на первый.

— На первый раз достаточно, — решил Дипак. — Теперь тебе лучше уйти, потому что скоро появятся жильцы. Возвращайся завтра в это же время, и мы продолжим обучение.

Дипак вывел Санджая на улицу. Дождь перестал. Задержавшись под козырьком, он проводил взглядом племянника, растаявшего в сумерках.

— Можешь меня не благодарить, — буркнул он ему вслед.

Достав из кармана плаща блокнот, он педантично вписал в него очередные 1850 метров, преодоленные в обществе племянника-стажера.

Хлоя приняла решение. Судьба ее отца, как судьба Дипака и Риверы, зависела от дурацкого механизма, вернее, от того, установят ли его в ближайшие дни. То, что сначала было просто мыслью, теперь превратилось в план наступления. Для его осуществления ей требовался союзник, действовать самой ей мешало ее состояние. Отец никогда не согласился бы, обращаться к Дипаку было слишком рискованно: он стал бы первым подозреваемым, тогда как ему требовалось твердое алиби. По этой же причине она не могла прибегать к помощи Лали. Завтра, думала Хлоя, перебирая в уме кандидатов в сообщники, она отправится покупать материал для

изготовления орудия преступления. По сведениям, почерпнутым из интернета, оно вполне могло стать идеальным.

В полдень Хлоя покинула магазин красок и хозтоваров Блауштейна и поехала вниз по Гринвич-авеню. На 3-й улице тоже имелся магазин для любителей мастерить что-нибудь своими руками, и он находился ближе, но ее отец навещался именно туда, когда ему приходила охота самому починить тостер, кофеварку, потекший кран или просто поменять перегоревшую лампочку. Значит, появляться там было бы неосторожно, а Хлоя стремилась избежать малейшего риска.

Через полчаса в университетский кафетерий должен был прийти Джулиус. Ей следовало поторопиться, чтобы оказаться там раньше него.

Он застал ее уже за столиком и удивился. Хлоя тоже: он явился в сопровождении незнакомой молодой особы.

Он представил их друг другу, и Алиса, «ассистентка с кафедры», которую ему якобы поручили «натаскивать», ретировалась, оставив их вдвоем.

— Миленькая!

— Ты о ком? — не понял молодой преподаватель философии.

— А то ты не знаешь!

— Напрасно ты воображаешь невесть что!

— Я бы ничего не воображала, если бы не твой вопрос «ты о ком?».

— Уж не думаешь ли ты, что мне нравится учить ее уму-разуму? У меня и так полно работы!

— Представляю, как это тяжело... Но мы здесь не для того, чтобы спорить и ссориться. Я хочу попросить тебя об одной услуге.

Хлоя объяснила, чего от него ждет. По ее словам, это была суцця чепуха: всего-то подойти к ее дому около полуночи и даже не подниматься наверх, потому что она выбросит ему из окна ключи от входной двери. Десять минут на посещение подвала — и он сможет возвращаться домой, никем не увиденный и не узнанный.

— Ты серьезно?

Не дождавшись ответа, он отодвинул тарелку и ласково взял Хлою за руки.

— После несчастного случая с вашим лифтером мы не провели ни одного вечера вместе. Появилась перспектива обрести свободу передвижения — и ты готова все испортить? Сколько еще времени ты намерена просидеть пленницей в своей квартире? Или это отговорка, чтобы не видаться со мной?

— Мое узилище всего лишь на девятом этаже, а не на вершине башни. Захотел бы — поднялся, только и всего.

— Не проходит вечера, чтобы мне этого не захотелось, но, сама знаешь, скоро экзаменационная сессия...

— Раз так, мое предложение должно тебя устроить: вечера останутся у тебя свободными, трудись сколько влезет. Смотри не упusti шикарную возможность!

— И речи быть не может! — воскликнул Джулиус. — Нарушить закон — значит изменить моим принципам.

— А как быть с вопросами морали?

— Я тебя умоляю! Не прибегай к уловкам, достойным учеников начальной школы! Если уж тебе хочется пофилософствовать, то позволь процитировать Монтескье: «Лучше всего у нас получается то, что мы делаем по доброй воле». Следовательно, из меня вышел бы неважный исполнитель твоего замысла.

— Окажись я твоей студенткой, я была бы самой худшей. И это меня радует.

С этими словами Хлоя отъехала от столика и направилась к дверям.

На выходе из кафетерия Джулиус ее догнал:

— Ничего не выйдет, все сразу увидят, что это саботаж.

— Ничего они не увидят, у меня все продумано до мелочей.

— Все шишки посыплются на твоего лифтера.

— У него будет алиби. Он же совершенно ни при чем!

— В лучшем случае ты выиграешь две-три недели.

— И спокойствие для тебя. Тебе ли жаловаться? — И Хлоя покатила быстрее.

— Уймись! У меня такое впечатление, что я уже на скамье подсудимых. В конце лета меня должны принять в штат факультета, в этом году решается мое будущее. Вот я и вкалываю как одержимый! Вспомни, как было раньше: когда ты пропадала на съемках своего легкомысленного сериала, разве я сетовал на твое отсутствие, разве упрекал тебя за каждую неделю, проведенную на Западном побережье? Нет, я уважал твой труд и стойко мирился с одиночеством.

Она резко остановила кресло и обернулась:

— У моего легкомысленного, как ты говоришь, сериала были миллионы зрителей. Наша жизнь изменилась, но ты проявил постоянство. Пойми, я не могу вечно быть перед тобой в долгу и чувствовать себя виноватой.

Джулиус погладил ее по щеке.

— «Лучше всего у нас получается то, что мы делаем по доброй воле», — повторил он. — Когда я с тобой, я не ощущаю принуждения.

— Оставь свои красивые речи для студенток и забудь все, что я наговорила. Мне меньше всего хочется ссорить тебя с твоими священными принципами.

— А ты забудь свой неосуществимый проект. Постарайся сосредоточиться на светлой стороне происходящего: если лифт переделают, мы сможем выходить из дому, когда нам вздумается.

— Конечно, ты прав, — спокойно ответила она.

— Быть правым — моя профессия, — отозвался Джулиус любезным тоном.

Он пообещал позвонить ей вечером, может, даже поужинать вдвоем, общаясь по видеосвязи. Потом поцеловал — украдкой, потому что вокруг сновали студенты, — и заторопился в аудиторию.

Хлоя поехала вдоль Вашингтон-сквер-парка по 4-й улице. Она была глубоко разочарована, но, вопреки тому что сказала Джулиусу, вовсе не собиралась отказываться от своего плана.

Ривера наблюдал за задремавшим в кресле Дипаком. Он охотно дал бы ему поспать, если бы не смертельная скука.

— Спасибо за книжку, — проговорил он нарочито громко.

Дипак вздрогнул и сел прямо.

— Ты отлично знаешь, что книга не от меня.

— Но принес ее ты.

— Тебе еще не опротивели детективы?

— Нет, это хорошее развлечение.

— В них всегда одно и то же: преступление, пьяница-полицейский, следствие, неудачная любовь и в конце изобличенный преступник.

— Именно это мне и нравится. Главное — суметь распутать дело раньше сыщика.

— Я бы предпочел, чтобы автору хватило смелости написать про то, как убийца уходит безнаказанным и оставляет всех с носом.

— Что за мысли? На тебя совсем непохоже!

— Пройдет еще несколько дней — и вообще все изменится до неузнаваемости, старина.

— Если все так безнадежно, зачем ты теряешь время и натаскиваешь племянника?

— Разве ты не веселился, слушая про его подвиги?

— Признаться, ты здорово меня рассмешил.

— Наверное, спрашивать об этом глупо, но скажи: кто вспомнит через несколько лет о нас, о нашей работе? Ты хоть думаешь иногда о том, сколько профессий исчезло без следа? Кто теперь вспоминает о профессионалах былых времен, об их трудолюбии? Взять хотя бы фонарщиков, славных ребят, веками освещавших города. С вечера до утра они сновали по улицам со своими шестами. Я вот думаю: сколько километров тротуаров освещал один такой фонарщик? К концу своей трудовой жизни он наматывал несчетные тысячи миль! А теперь их ремесло ушло в небытие, погасло, как пламя в фонарях, еще при жизни последних из них. Сколько осталось тех, кто знает, что они вообще существовали? Хотя, если хочешь знать, в Индии до сих пор сохранилось много лифтов вроде нашего. И мой племянник, вернувшись туда и войдя в такой лифт, обязательно вспомнит меня. А пока он будет меня помнить, я буду существовать. Для этого я и стараюсь — чтобы выиграть немного времени, прежде чем кануть в неизвестность.

Ривера, слушая коллегу, становился с каждой секундой все серьезнее:

— Признайся, пока я плотаю детективы, ты, часом, не сочиняешь стишки?

Дипак пожал плечами. Ривера поманил его пальцем.

— Хочешь, чтобы я поправил тебе подушки?

— Отстань ты от моих подушек! Ты вот что, возьми вон из того шкафа мою форму. Отнеси ее отутюжить, потом отдай племяннику, это будет правильным завершением его стажировки. Скажи ему, что эту форму носил Антонио Ривера, отдавший своему ремеслу тридцать лет. Повторяй ему мое имя, пока он не заучит его наизусть.

— Можешь на меня рассчитывать.

— И не забывай приносить мне конфеты.

Дипак подошел к кровати, потрепал Риверу по плечу, забрал из шкафа униформу и ушел.

Хлоя повесила трубку. Ей звонил отец — предупреждал, что вернется поздно. Когда ее мобильный зазвонил снова, она, увидев, что это Джулиус, не стала отвечать и взяла книгу.

В главе, которую она читала, повествовалось о дружеском пикнике на лужайке Томпкинс-сквер.

Она прервала чтение и задумалась. Ей очень не хватало ее квартирки в Ист-Виллидж и много чего еще. Как она любила делать покупки в магазинчике деликатесов на углу Авеню В и 4-й улицы, лакомиться мороженым на 7-й улице, заглядывать в антикварную лавку на 10-й улице, делать маникюр за 15 долларов у китайки, копаться в старых книгах в чудесном букинистическом магазине Mast Book на Авеню А! А винный подвальчик в нескольких шагах оттуда, а Goodnight Sony — ее любимый бар! Она могла бы бывать везде, кроме разве что подвальчика — уж больно узкая там дверь. Ей не доставало не только всех этих мест: перебраться в другой район значило изменить всю жизнь. Когда она последний раз провела вечер в компании друзей? Сколько из них навещали ее в больнице? В первые дни от визитеров не было отбоя — а все телевидение, сообщавшее о случившемся во всех подробностях. В следующие недели, когда

участь виновников стала интересовать публику больше, чем положение пострадавших, поток поредел, а под конец ее уже никто не навещал. Нью-Йорк жадно ловил более свежие новости.

Теперь со всеми этими людьми можно было бы снова связаться, но она этого не делала — наверное, мешала гордость.

Этажом ниже миссис Уильямс светилась от радости: наконец-то она устроит званый ужин! Пора вернуть этому дому былое величие! Что толку проживать по престижному адресу, если квартирой невозможно пользоваться так, как хочется? У Грумлата, несомненно, есть нюх.

— Думаешь, мы должны сделать ему подарок? — обратилась она к мужу.

— Дипаку? — спросил он из гостиной, оторвавшись от журнала.

Она закатила глаза и отправилась на кухню.

— Хочешь куда-нибудь сходить? — спросил муж.

— И потом торопиться назад, пока не наступит комендантский час? Нет уж, спасибо. Ищи потом сиделку, согласную таскаться на восьмой этаж...

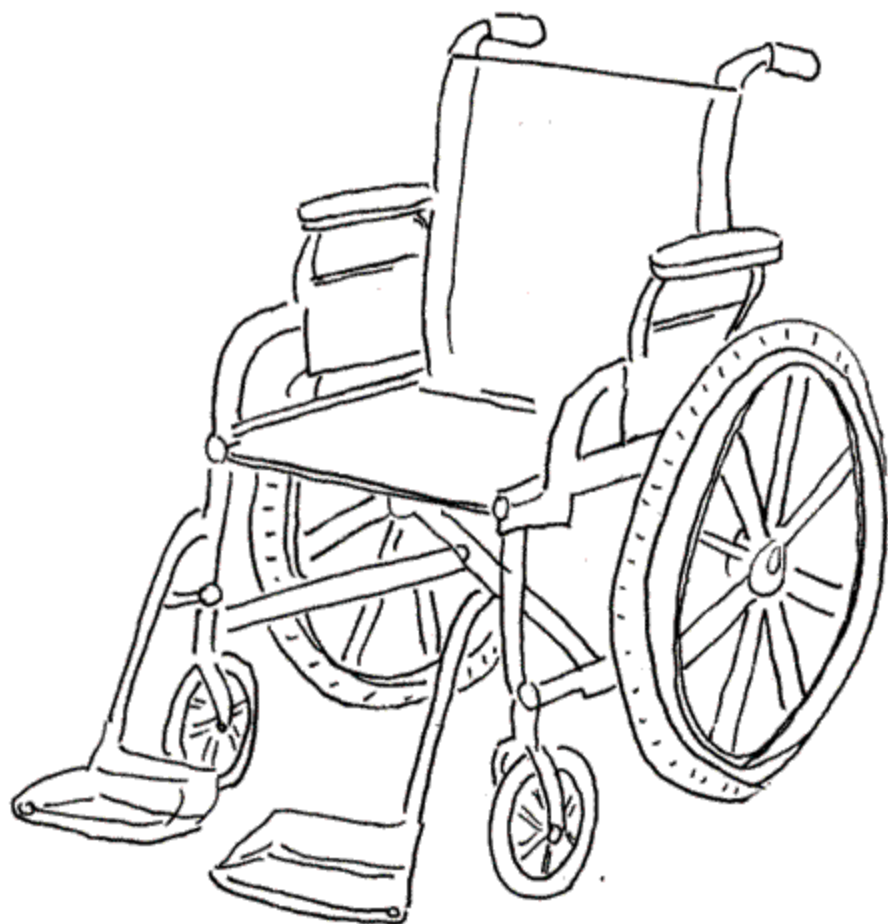
Леклеры оказались отважнее — выбрались в кино.

Миссис Коллинз, поужинав в компании попугая, отнесла клетку в спальню и поставила ее на ночной столик, туда, куда Ривера обычно клал свои очки.

Она продолжила чтение романа, который только что купила, испытывая все больше сомнений в виновности медсестры.

Моррисон поставил в гостиной запись «Турандот» Пуччини, выпил под *Nessun dorma* стаканчик виски «Макаллан» и стал искать в своей коллекции пластинку «Фиделио».

Около десяти часов вечера миссис Зелдофф позвонила Моррисону и попросила сделать музыку потише, после чего снова улеглась и стала смотреть черно-белый фильм по каналу TCM.

Студия звукозаписи располагалась на шестом этаже бывшего промышленного склада на 17-й улице. Хлоя поднялась туда на грузовой платформе, по сравнению с которой лифт у нее дома казался крохотной конурой. Здешний лифтер просто давил на кнопки: предлагать ему ночную работу было бы смешно.

Попасть в кабину звукозаписи было непростым делом: двойные двери открывались в неудобную сторону, а тамбур между ними был слишком тесным. Звукорежиссеру пришлось на руках нести ее к высокому табурету перед микрофоном. Во избежание трудного для нее и обременительного для других маневрирования она не стала покидать рабочее место в обеденный перерыв и довольствовалась едой, поданной ей на подносе. Двоим в студии было тесно, поэтому звукорежиссер деликатно удалился перекусить за стеклянную перегородку, оставив микрофоны включенными, чтобы можно было общаться.

— Пока что все получается удачно, — похвалил он ее работу, впиваясь зубами в сэндвич.

Микрофоны усиливали звуки жевания, превращая их в грозные раскаты.

— Прямо комедийная сценка! — весело сказала она.

Поняв, что ее развеселило, он уменьшил звук.

— Мой двоюродный брат тоже инвалид-колясочник, — сообщил он.

Хлоя всегда недоумевала, что побуждает некоторых потчевать ее такими историями. Можно было подумать, что наличие родственника-инвалида превращало их в ее сообщников. Однажды, когда она ждала Джулиуса после лекции, кто-то из его студентов высказался в том смысле, что ездить в кресле — это круто. «Для меня нет никакой разницы», — обрадовал он ее. «До такой степени нет, что ты считаешь своим долгом мне об этом сказать», — ответила она

студенту. Со временем она разобралась, что люди не имеют в виду ничего дурного, так они маскируют свое смущение, оправдываются за вопиющую несправедливость: сами-то они в порядке в отличие от нее...

— Хорошо, что ты знаешь текст наизусть, — продолжил звукорежиссер, — хотя лучше бы тебе его просто зачитывать. Понимаешь, закрываю глаза, и у меня впечатление, что я в театре. Надо говорить медленнее, как чтецы.

— Вы много читаете?

— Стоит мне открыть книгу, сразу начинаю клевать носом. Зато я часто записываю аудиокниги. Ты не тушуйся, это просто совет. Сейчас заберу поднос, и мы продолжим.

Фея чуткости явно обошла стороной его колыбельку, но он был человеком вполне симпатичным и хотел как лучше.

После обеда Грумлат попросил Дипака заглянуть к нему, когда выдастся минутка. Дипак не строил иллюзий о содержании предстоящей беседы и не стал тянуть с развязкой.

— Сейчас как раз спокойное время, — сказал он и последовал за бухгалтером.

Грумлат предложил ему сесть, но Дипак решил принять пулю стоя.

— Я ничего не смог поделать, — запричитал Грумлат, — вы должны понимать, с какими трудностями сталкиваются наши жильцы после несчастия с вашим коллегой...

Дипак подумал, что, говоря «наши жильцы», бухгалтер намекает на то, что они все втроем в одной лодке. И напрасно.

— Мне все равно, я заканчиваю рабочий день и уйду, а вот они... они смотрят на это совсем по-другому. Поверьте, я сделал все возможное. Подумайте о бедной мисс Бронштейн, сидящей взаперти после того, как вы уходите домой! Так больше продолжаться не может. Ваш профсоюз упорно молчит. Поэтому принято решение о переоборудовании лифта в автоматический.

— Единогласное? — спросил Дипак, забыв о своей обычной сдержанности.

— Хаякава, конечно, не голосовали, они в Калифорнии, миссис Коллинз не почтила нас своим присутствием. Тем не менее решение принято значительным большинством голосов, — развел руками Грумлат.

— Сколько у меня еще времени?

— Вы это бросьте! — повысил голос бухгалтер и продолжал со смешком: — Вы говорите так, словно вам сообщили о смертельной болезни. Наоборот, вы уйдете на заслуженный покой и перед вами откроется совершенно другая жизнь. Я добился для вас высокой компенсации: жалованье за целый год! Это как-то сгладит углы, не правда ли?

— А какой выплаты вы добились для мистера Риверы?

— Он получит полугодовое жалованье. Выйдет почти как у вас, потому что страховая компания возместит ему жалованье за время лечения в больнице.

— Не возместит, если вы его уволите.

Грумлат изобразил задумчивость.

— Вы правы. Ну, шесть месяцев — это тоже неплохо.

— Как и тридцать лет беспорочной службы.

— Это максимум, что мне удалось выбить, видели бы вы их физиономии, когда я поставил вопрос о положенных вам выплатах!

— Вы не ответили на мой вопрос. Когда установят новое оборудование?

— Так случилось, что монтеры свободны в этот четверг. Работы займут два дня. В вашем распоряжении вся неделя, я бы предпочел, чтобы вы присутствовали при монтаже, им могут понадобиться ваши подсказки. Загляните ко мне в пятницу, и я выплачу вам причитающееся. Набирается неплохая сумма, скажу я вам!

Дипак попрощался с бухгалтером и бросился в чулан, горя желанием уничтожить две коробки, ломающие ему жизнь. Но он быстро подавил этот порыв и вскоре занял свое место за конторкой в холле.

Вернувшись из парикмахерского салона, мадам Леклер изменила своему правилу и не спросила у Дипака, что он думает о ее прическе. Лязг решетки и гул мотора — единственные звуки, сопровождавшие в этот раз ее подъем на седьмой этаж.

Миссис Уильямс, отправившаяся за покупками, пожаловалась, что ее приходящую прислугу разбил радикулит и она взяла отгул. Когда она вернулась, Дипак донес покупки до ее кухни. Она уже хотела предупредить его, что на следующей неделе принимает гостей, но в последний момент спохватилась и прикусила язык. После его ухода она с облегчением перевела дух, радуясь, что не совершила досадную оплошность.

Хлоя покинула студию звукозаписи в 4 часа дня и, несмотря на приятную весеннюю погоду, решила взять такси. После шести часов в жаркой кабине она совершенно обессилела.

Увидев ее, Дипак бросился к ней навстречу и решительно встал позади кресла.

— Не вздумайте возражать, у вас ужасный вид.

— Вы выглядите не лучше меня.

— По вечерам я навещаю Риверу, на сон остается очень мало времени, — объяснил он.

С ней бесполезно было хитрить. Уже во второй раз за день Дипак нарушил одно из своих непреложных правил.

— Знаю, вы голосовали против, — сказал он. — Ваш отец пробовал и так и сяк, но что поделать, вы остались в меньшинстве... Можете за меня не беспокоиться, мисс.

— Вы знаете, что сказал Иисусу Лазарь?

— Чего не знаю, того не знаю.

— «Встань и иди!» Перестать беспокоиться за вас было бы примерно таким же чудом.

Дипак, отодвигая решетку, смотрел на нее с недоумением:

— Что-то мне подсказывает, что это были слова Иисуса, обращенные к Лазарю...

Она улыбнулась, борясь с желанием намекнуть ему, что еще не сказала своего последнего слова. Но лучше было промолчать: если бы Дипак заподозрил, что она что-то замышляет, он бы все сделал, чтобы ей помешать.

После утомительной серии встреч Санджай простился с Сэмом, не объяснив, почему он сбегает в разгар очередных переговоров, и поспешно пересек Вашингтон-сквер-парк. Взглянув на заветную скамейку, он ускорил шаг, понимая, что опаздывает. Что за блажь, с какой стати он ввязался в эту историю? Он сказал себе, что лучше рассматривать любую ситуацию с положительной стороны, что поменять деловой костюм, в котором он чувствовал себя неуютно, на униформу лифтера — веселая и добрая шутка. Если у него когда-нибудь будут дети, он расскажет им эту забавную историю, — возможно, она послужит им полезным примером. Была у него и другая задумка: зайти по возвращении в Мумбаи в один из старинных лифтов, которыми гордится их отель-дворец, и продемонстрировать дядюшкам умение управлять этими капризными механизмами, приобретенное благодаря мужу их сестры! Только это будет уже не юмор, а ирония.

На подходе к дому № 12 по Пятой авеню Санджай думал уже о другом — о подлинной причине своего согласия оказать дяде эту услугу. Не кроется ли за этим что-то еще? И как прореагировала бы Хлоя, если бы узнала, что он согласился на это безумие ради того, чтобы быть ближе к ней? Вдруг испугалась бы?

Дипаку принесли отутюженную форму Риверы, и он повесил ее в свой шкафчик. Он сожалел, что не сдержал данное коллеге слово, но тому имелась убедительная причина: жильцам не следовало наталкиваться в лифте на незнакомца в облачении лифтера. Как бы он объяснил его появление? Разумнее всего было бы положить конец этой шутке, но Дипаку хотелось потянуть время, а Лали так радовалась, что спасла их будущее, что ему не хватило бы смелости открыть ей правду. Лучше они, дядя и племянник, сделают это вдвоем, когда вернутся домой в четверг после того, как приступят к работе монтажники.

Санджай ворвался в холл с получасовым опозданием. Дипака подмывало сделать ему выговор, но он счел за благо промолчать. Отведя Санджая в подвал, он стал учить его механике, тыкая пальцем в лифтовый механизм: блок предохранителей, ремень регулятора, натяжение которого необходимо время от времени проверять, смазка направляющих... Так продолжалось до тех пор, пока Санджай не сдался и не напомнил увлекшемуся инструктору, что обслуживание механизма в его обязанности не входит.

— Как насчет общей культуры? — нашелся с ответом Дипак. — Если вдруг перегорит предохранитель, тебе будет приятно самому найти неисправность и ее устранить.

— Насчет того, что будет приятно, я не уверен, — возразил Санджай, — особенно если лифт застрянет между этажами.

— На этот случай у тебя всегда должен быть при себе телефон. Между прочим, мисс Хлоя не дотягивается до кнопок; когда ей нужна наша помощь, она делает один звонок, тебе не нужно на него отвечать, достаточно подняться к ней на девятый этаж.

— Да, девушка с девятого этажа... — задумчиво проговорил Санджай.

— Ты видел ее у нас в холле и даже сажал в такси, помнишь? Вот и она, легка на помине, — улыбнулся Дипак, когда у него в кармане коротко провибрировал телефон.

— Езжайте за ней без меня, я тем временем понаблюдаю за этим вашим замечательным механизмом в действии. Для повышения общей культуры.

— Отличная мысль! — одобрил Дипак, не хотевший брать его с собой.

Он поднялся в холл, вошел в кабину. Как ни странно, телефон завибрировал снова. Он двигается с доступной ему скоростью, нечего его подгонять!

Он удивился еще сильнее, когда, приехав на девятый этаж, не застал перед лифтом Хлою.

Не иначе, она позвонила случайно. Но, прежде чем спуститься вниз, Дипак для очистки совести приник ухом к двери. До его слуха

донесся зов о помощи.

Он сорвал с пояса связку ключей, отпер дверь и вошел.

— Кухня! — услышал он.

Он нашел Хлою на полу, под перевернутым креслом. Взяв девушку на руки, он отнес ее на диван в гостиной.

— Вы не ранены?

— Думаю, нет. Просто потянулась за чашкой на полке, но она была слишком далеко, вот я и схватилась за ручку шкафа. А тормоз кресла не опустила, поэтому оно поехало назад, я попробовала его остановить, но поздно...

— Я вызову врача!

— Это лишнее. Наверное, завтра будут синяки. Поделом мне, в следующий раз воздержусь от акробатических трюков.

— Позвольте мне хотя бы удостовериться, что кресло не сломано, — сказал Дипак со вздохом. — Как же вы меня напугали!

Вскоре он вернулся, толкая перед собой кресло.

— Все в порядке, я даже отрегулировал тормоз, — успокоил он ее. — Хотите, я немного побуду с вами?

— Вы очень добры, но, уверяю вас, со мной все хорошо. В конце концов, кому не случалось зацепиться за ковер?

— Мисс никогда не упускает возможности сострить.

Своим ответом он намеренно вводил ее в заблуждение: он отлично знал ее и понимал, что она не шутит, а защищает свою гордость.

— Будь у меня средства, — продолжила она, — я бы с радостью сама платила вам зарплату, лишь бы вы от нас не уходили.

— Что вы, — сказал Дипак, глядя ее руку, — дело же не в этом, вы сами отлично знаете.

— Как я буду без вас обходиться?

— За последние четыре года я приходил вам на выручку всего два раза.

— Не два, а пять!

— В детстве вы причиняли мне гораздо больше беспокойства.

— Я сильно вас донимала?

— Нет, но ангелом вы не были. Усадить вас в кресло? Мне пора идти.

— Сама справлюсь. Говорят, после падения с лошади надо как можно быстрее снова сесть в седло.

Дипак попрощался и ушел. Не дождавшись звука закрываемой двери, она крикнула из гостиной:

— Не волнуйтесь, я справлюсь!

В этот раз она услышала щелчок замка.

— Что-то вы долго. Я думал, лифт сломался.

— Ты видел, чтобы заискрился блок предохранителей? Нет? Значит, все в порядке. А теперь за дело! Несколько ездов вверх-вниз, чтобы убедиться, что ты усвоил вчерашний урок, — и ты свободен. Сегодня вечером мне надо уйти чуть пораньше.

— В вашем обществе у меня появляется неприятное чувство, будто мне снова десять лет... — пожаловался Санджай.

— А я в твоём обществе чувствую себя столетним дедом!

Первые подъемы и спуски были довольно хаотичными, но потом у Санджая появилась уверенность. Несколько остановок подряд он совершил почти идеально: «недолет» или «перелет» не превышал двух-трех сантиметров. Через час Дипак проводил его к двери и записал в блокнот новые десятки метров. Между шестью и семью часами вечера жильцы стали возвращаться домой, все — с похоронным видом. Но больше всего Дипака рассердили не их лицемерные мины, а то, что мистер Уильямс позволил себе положить руку ему на плечо... Дипак фыркнул и, не прощаясь, задвинул решетку.

Дома Уильямс пожаловался на лифтера жене. Быстрее бы уж автоматизировали лифт, а то теперь в кабине чувствуешь себя словно в аду!

В 19:30 Дипак спустился в подвал и переоделся. Злые языки обвинили бы его в пренебрежении обязанностями и в том, что он покинул пост до истечения дополнительного времени, которое сам

взялся отработать. Но его это не волновало, важнее было сдержать другое обещание. Последний подъем в этот день он совершил уже в повседневной одежде. И совсем скоро спустился вниз.

Успокоившись и отдышавшись, Хлоя пустилась в новую авантюру: чтобы перелезть с инвалидного кресла на откидное сиденье в душе, требовалась изрядная сноровка. Если не считать неприятность в кухне, день складывался удачно. Редактор, заглянувший к ней в студию, похвалил ее и дал прочесть еще одну книгу, посулив подписать новый контракт.

Она собиралась отпраздновать это с отцом, но пока что ей требовался отдых.

Теплая вода, полившаяся ей на плечи, принесла огромное облегчение.

Она надела халат, переехала в гостиную и заняла позицию у окна. Поведение Дипака — тот залез в такси, в которое только что села миссис Коллинз, — нисколько ее не удивило: она догадывалась о том, что происходит, кроме того, увиденное навело ее на интересную мысль.

День, когда я снова ехала в метро

Я тратила уйму денег на такси. Мне годятся только такие, у которых сдвигается дверь и имеется подножка. Водители остальных — а их, увы, большинство — вынуждены выходить из-за руля и класть в багажник мое кресло; по приезде эта манипуляция повторяется в обратном порядке. Большинство таксистов нарочно не замечают моих попыток их остановить, некоторые при виде меня даже прибавляют газу, как будто боятся, что иначе я повисну у них на бампере.

Я спустилась в метро, вспоминая, какую испытывала эйфорию во время первых, давних поездок по Нью-Йорку. Чтобы пользоваться в метро лифтом, надо обладать закаленным обонянием и, безусловно, изрядным терпением: эти лифты удивительно неторопливы, поэтому кажется, что спуску не будет конца. Я дождалась

окончания часа пик и заехала в вагон на станции «Вашингтон-сквер». Пока что все было в порядке. Я поставила кресло на тормоз, чтобы ненароком не врезаться в дверь. Вагон был почти пуст, пассажиры устали в свои телефоны и не обращали на меня никакого внимания. Но на Пенн-Стейшн положение ухудшилось. В вагон хлынула толпа, сидячие места люди брали штурмом, я всем мешала, мое кресло занимало слишком много места, и пассажиры, оставшиеся стоять, сгрудились вокруг меня. Полы пиджаков, майки навывпуск, пряжки ремней, кейсы и сумки образовали стену, которая смыкалась вокруг меня все теснее. Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь. Поезд развил большую скорость, на вираже плотный мужчина ненароком меня толкнул, но вовремя удержался на ногах, ворча себе под нос, зато другой, не такой любезный, чуть было не плюхнулся мне на колени. Мне не хватало воздуха, я была уже в панике, я плакала. Многих большой город страшит, мне ли не понимать, что они чувствуют! Когда в битком набитом вагоне раздается женский крик, эффект наступает немедленно. Так было и тут: началась толкотня, и мне стало стыдно, когда я увидела, как мамаша хватается за руки маленькую дочь в страхе, что ее затопчут. Но тут какой-то мужчина приказал всем успокоиться. Вокруг меня образовалась пустота, вид у меня был, наверное, безумный, я обливалась потом. Я судорожно разевала рот, пытаюсь восстановить дыхание, люди в толпе переглядывались, я видела в их глазах смесь испуга и отвращения. Какая-то женщина протолкалась ко мне, опустилась на колени и велела дышать медленно, сказала, что мне нечего бояться, что все будет хорошо. Взяв меня за руку, она стала массировать мне пальцы. «Знаю, каково тебе, — шептала она, — у меня сестра колясочница, с ней много раз такое бывало, это совершенно нормально...»

Я не видела ничего нормального в том, что выставила себя на посмеище, дошла до того, что помочилась под себя в вагоне метро, напугала девчонку, все еще дрожащую на руках у матери, ощущала на себе все эти взгляды... Мне было тошно от мысли, что все это будет повторяться, даже сочувствие незнакомки не казалось мне нормальным.

Но постепенно сердцебиение улеглось, я отдышалась, меня перестали рассматривать. Я поблагодарила свою защитницу,

заверила ее, что мне полегчало. Но когда поезд наконец остановился, она вышла на перрон вместе со мной. Она не обманула меня насчет своей сестры, я поняла это по ее нежеланию везти мое кресло, она просто проводила меня к начальнику станции. Я отказалась от предложения вызвать подмогу, потому что хотела одного — вернуться домой.

Отец, придя после занятий, спросил, что интересного случилось у меня за день. Я ответила, что прокатилась на метро. Он счел это превосходной новостью и от души меня поздравил.

Грумлат обходился без секретаря — не из жадности, а потому, что никому, кроме себя самого, не доверял. Придя в свою контору с утра пораньше, он стал следить из окна за работой мастеров из лифтовой компании. Ему хотелось лично удостовериться, что Дипак облегчит им задачу. Старый индеец мог обидеться, но бухгалтеру было на это наплевать. Собственники наделили его необходимыми полномочиями, и он собирался сыграть свою роль до конца.

Увидев Дипака, тоже приехавшего раньше обычного, Грумлат угадал его намерения. Он принадлежал к числу людей, которые с радостью купили бы билет в первый ряд, чтобы полюбоваться смертной казнью. Поэтому он спустился вместе с лифтером и монтерами в подвал.

— Сколько вам потребуется времени? — спросил бухгалтер. — Нельзя оставлять дом без лифта на уик-энд.

— Это же надо! — воскликнул Хорхе Сантос, старший из двух мастеров и по возрасту, и по должности.

— Что вас так удивило? — встревожился Грумлат.

— Я часто обновляю лифты старых моделей, но этот в великолепном состоянии, прямо как новенький!

Дипак снял фуражку, словно собирался почтить память механизма, за которым столько лет благоговейно ухаживал. «Конечно, лифт как новенький, дурень ты этакий! — подумал он. — Не зря же о нем заботились, как о собственном ребенке!»

— И не жалко вам? — спросил Хорхе Сантос. — Когда закончим работу, выпишем вам новый сертификат, и тогда назад уже ничего не вернуть.

— Вы меня спрашиваете? — ехидно осведомился Дипак.

— Занимайтесь своим делом, — сухо отрезал Грумлат.

— Сегодня к вечеру, наверно, закончим, — заявил Сантос, что-то прикинув в уме.

— От чего это зависит? — спросил Грумлат.

— От вас. При таком безупречном состоянии механизма нам только и придется, что смонтировать электрическое реле и кнопочный пульт в кабине. Если установить его на место рычага, все получится быстро. Ну а если вы предпочитаете сохранить медную ручку, мы будем ковырять стенку с другой стороны от решетки, а на это уйдет лишний день.

— Зачем ее сохранять? От нее же не будет никакого проку! Или я ошибаюсь?

— Мало ли! Некоторые привязаны к старине, считают ее элегантной.

— Моя жена именно такая, — бросил Дипак.

— Мы против лишних расходов. Так что открутите ручку и отдайте ее Дипаку. Это будет славный сувенир, мы с радостью ему его преподнесем.

Напарник Сантоса, до того молча копавшийся в двух картонных коробках, выпрямился.

— Есть одна небольшая проблема, — сообщил он.

— Какая еще проблема? — нахмурился Грумлат.

— Тут вот какое дело, — произнес второй мастер, у которого на бейдже значилось: «Эрнест Павлович». — Лифт-то у вас сохранился на удивление хорошо, чего не скажешь о деталях. Я их только что проверил. Не хочется вас огорчать, но они никуда не годятся.

— То есть как не годятся? — обмер Грумлат.

— Заржавели, окислились, если так будет понятнее... Одно слово — хлам. Их нельзя устанавливать.

— Что вы несете, они совсем новые! — возмутился Грумлат. — Он лежали тщательно упакованные с того дня, как мы их приобрели.

— Сомнительно. Коробки были плохо закрыты, вот, полюбуйте: ставя их под эти трубы, кто-то порвал упаковку.

Грумлат сделался красным как рак. Видя, что Дипак, наоборот, повеселел, он взял себя в руки.

— Разве нельзя привести их в порядок, почистить?

— Ничего не выйдет, сырость сделала свое дело, — покачал головой монтер, показывая электрические детали, покрытые белым налетом. — Им место на помойке. Придется приобретать новый комплект.

— Так приобретите! Мы оплатим. Одна нога здесь, другая там!

Мастера насмешливо переглянулись.

— Думаете, они всегда есть в наличии? Такая редкость делается на заказ, вытачивается, проверяется в мастерской...

— Сколько на все это уйдет времени? — испуганно спросил бухгалтер.

— Самое меньшее — от двенадцати до шестнадцати недель. Плюс время на доставку из Англии.

— Из Англии?!

— Единственная фирма, делающая такие штуковины, находится под Бирмингемом. Уверяю вас, это очень серьезные люди. Очень жаль, но пока что нам здесь делать нечего. Я постараюсь поскорее прислать вам новую смету.

Не только Грумлат наблюдал из окна за мастерами. Видя, как, проведя в здании полчаса, они садятся в свой фургон, Хлоя поняла, что ее план сработал. Оставалось убедиться, что преступление получилось идеальным, как она спланировала.

— Не стойте тут как истукан! Что, довольны? Похоже, ваши услуги будут нам необходимы дольше, чем предполагалось, — прошипел бухгалтер.

— От двенадцати до шестнадцати недель, а еще время на доставку...

— Догадываюсь, какое удовольствие вам доставляет вся эта ситуация!

— Чему я должен радоваться? С завтрашнего дня у меня не будет работы.

— Официально я вас еще не увольнял.

— Уволили, вчера.

— Не забывайте, Дипак, если вы хотите получить компенсацию, советую со мной не хитрить.

— Согласно моему контракту, я здесь работаю еще полтора года. При увольнении мы получаем компенсацию в размере годовой зарплаты: у Риверы равные со мной права. Либо вы подтверждаете все это письменно, либо начиная с субботы все днем и ночью ходят по лестнице.

— Как вы смеете меня шантажировать после всего того, что я для вас сделал?

— Мистер Грумлат, я десять лет вожу вас в своем лифте и ни разу не проявлял к вам неуважения. Будьте любезны отвечать мне тем же. У вас есть время до завтрашнего дня, чтобы вручить мне документ с подписями собственников. Мое рабочее время заканчивается в семь пятнадцать вечера. Слово «заканчивается» следует понимать однозначно.

Отчеканив это, Дипак стал подниматься по лестнице, оставив бухгалтера негодовать в подвале.

— А что будет ночью? Как нам быть с ночной сменой? И что скажет Бронштейн, когда узнает, что его дочери придется...

Дипак остановился на ступеньке:

— Оставьте Бронштейнов в покое, они сами скажут, что сочтут нужным. А проблему ночной смены я улажу, как только получу от вас письмо.

Дипак дождался, пока бухгалтер запрется у себя. В кои-то веки его утро состояло не столько из спусков, сколько из подъемов.

В десять часов у него завибрировал телефон. Хлоя ждала его у себя на лестничной площадке.

— Славный денек, не правда ли?

— Чудесный, мисс, хотя днем обещали дождь.

— Тем лучше, тротуары будут чище.

— Желаете спуститься или продолжим обсуждать погоду здесь?

Она заехала в лифт, Дипак задвинул решетку. До четвертого этажа он хранил молчание.

— Что вас так обрадовало сегодня утром? — не выдержал он, когда они подъезжали к третьему.

— Я всегда радостная, — заверила она его на втором.

В холле Дипак обогнал Хлою и проводил ее на улицу.

— Поймать вам такси?

— Благодарю, сегодня не надо. Станция метро «Кристофер-стрит» находится в десяти минутах отсюда, студия звукозаписи расположена на линии номер один, пересаживаться не придется. Не беспокойтесь за меня, как сказал бы Лазарь...

Дипак проводил ее взглядом, восхищаясь тем, как энергично она управляет своим креслом, и испытывая смутные подозрения.

Отправка этого письма стала для Грумлата одним из самых унижительных эпизодов в его карьере. Сочиняя электронное послание, он взвешивал каждое слово, особо упирая на то, что никто, даже он сам, не мог предвидеть, что монтажный комплект для автоматизации лифта подвергнется порче. обстоятельно изложив факты, он не упомянул о требованиях Дипака. Когда текст был готов, он перечитал его и дал себе слово найти способ не выполнять обещание, вырванное у него едва ли не силой. Потом он щелкнул мышкой, и письмо ушло к адресатам.

Уже через несколько минут к нему в кабинет ворвалась миссис Уильямс:

— Вы не находите странным, что детали, за которые мы отвалили уйму денег, оказались никуда не годными и что открылось это, как ни странно, только в тот день, когда их собирались монтировать?

Грумлат осторожно пошел пешком.

— По вашему мнению, они были дефектными уже в момент приобретения? — спросил он.

— Хочется надеяться, что, купив их без нашего согласия, вы, по крайней мере, проверили их при получении!

— Не будем играть в кошки-мышки. Если у вас есть ко мне претензии, выскажите их четко.

— Перестаньте надуть щеки! — Она уселась в кресло напротив него. — Что-то в нашем доме участились неприятные случайности: вот моя претензия.

— Если вы обвиняете не тех, кто продал нам это старье, то кого?

— Задайте вопрос Леклерам. Они либо совокупляются, либо смотрят детективные сериалы. Их стоны и звук телевизора, включенного на полную громкость, не дают мне спать. Это невыносимо!

— Какой именно вопрос вы предлагаете им задать?

— О мотиве! Угадать мотив — значит расследовать дело. Кто был заинтересован в том, чтобы все оставалось без изменений? Поразмыслите на досуге... А пока надо срочно решить проблему с лифтом в вечернее и ночное время. Я уже перенесла свой прием на следующую неделю, второй раз переносить просто невозможно!

И она убежала не попрощавшись. Бухгалтер, оставшись один, погрузился в раздумья. Потом он позвонил в лифтовую компанию и попросил срочно соединить его с Хорхе Сантосом.

Разговор свелся к одному-единственному вопросу: что могло послужить причиной такой непоправимой порчи?

Монтер владел тонкостями ремесла. Зная о склонности своих клиентов избегать оплаты счетов, он не полез за словом в карман. Сложить электрические детали под трубой отопления — неудачное решение. Там конденсируется влага, потому-то детали и заржавели.

Намеки миссис Уильямс, по сути дела обвинявшей Дипака в саботаже, не получили подкрепления, тем более что лифтер знать не знал, что лежит в пресловутых коробках. Тем не менее Грумлат припомнил одну подробность: открывая коробки, он не почувствовал ни малейшего запаха сырости.

— Несколько дней хватило бы, чтобы весь комплект пришел в такое состояние? — опасливо спросил он.

— Это вряд ли. Я никогда не видел такого окисления. Не знаю, какая дрянь булькает у вас в трубах, но пить ее я на вашем месте не стал бы. Реле покрыты белым налетом — это то ли соль, то ли известь, — ответил Хорхе Сантос. — Я отправил запрос производителю. Будем надеяться, что у них на складе найдется еще один такой же комплект или другой, который можно приспособить. Всегда надо надеяться на удачу.

Грумлат искренне его поблагодарил.

Вернувшись домой, Дипак предложил Лали поужинать не дома; так как дело было в четверг, это ее не удивило. Зато ее заинтриговало предложение мужа пригласить на ужин племянника и особенно тон, которым оно было сделано, — подозрительно веселый. Последний раз она видела мужа в таком приподнятом настроении, когда Вират Кхоли, капитан индийской сборной по крикету, был назван каналом ESPN лучшим в мире забивающим.

Впрочем, Санджай все не появлялся, да и час был уже поздний, поэтому Лали предпочла остаться вдвоем с мужем дома.

День, когда я снова начала учиться

Когда я работала актрисой, у меня не было наставника и карьера складывалась не настолько успешно, чтобы я попала в привилегированный клуб. Зато, лишившись половины прежней длины ног, я очутилась в нем, не прилагая никаких усилий. Человеческое тело — невероятно совершенный механизм. Он так задуман, что приспосабливается к любым ситуациям, в нем обнаруживаются удивительные скрытые возможности, пробуждающиеся в случае необходимости. Все это мне объяснил Гилберт, опытнейший физиотерапевт, похожий на тибетского монаха, правда гораздо более непоседливый.

От него я узнала, что, если хочу в один прекрасный день надеть протезы, встать в полный рост, снова начать ходить, мне придется развивать ягодичные и бедренные мышцы. Но прежде чем наступит эта стадия, мне предстоит научиться так крутить колеса моего кресла, чтобы по вечерам не выть от боли; для этого необязательно

становиться культуристкой, но нужно беречь грудные мышцы и использовать вместо них дельтовидные. Не ограничиваясь словами, Гилберт заставлял меня трудиться день за днем, сеанс за сеансом. Я считала его невыносимым, ненавидела, высмеивала. Но чем больше я злилась, тем больше он усложнял упражнения, превращаясь в садиста, в палача, не дававшего покоя мышцам моей поясницы, особенно большой ягодичной. Это его я должна благодарить теперь за умение держаться прямо: ноги-то у меня не отросли, я не саламандра, зато я научилась гордо держать голову, мой торс обрел невероятную гибкость, руки обросли мускулами, не утратив женственного изящества. Благодаря Гилберту я уже разъезжаю по городу и согласна с Дипаком: мне никто не нужен, чтобы перемещаться, куда мне вздумается, помехой служит разве что поломка лифта в метро: в этом случае все же приветствуется небольшая помощь.

Побеседовав накануне в магазине с соседкой с восьмого этажа, миссис Зелдофф развернула крестовый поход. Разговор завязался перед прилавком с овощами. Миссис Уильямс покупала первые весенние кабачки, выращенные без применения химикатов. Соседка стала для нее легкой добычей, с готовностью разделившей ее подозрения.

— Мистер Грумлат полагает, что кто-то намеренно испортил монтажный комплект? — заволновалась миссис Зелдофф.

— Есть и еще одна гипотеза: деталям сознательно позволили испортиться, — подхватила миссис Уильямс.

— Еще бы! — с воодушевлением произнесла миссис Зелдофф, подумав немного и схватив те же кабачки, что и соседка. — Обоим нашим лифтерам это на руку. Два года назад намерения мистера Грумлата, должно быть, так их напугали, что они решились на радикальные меры.

— Полагаю, вы не станете спорить, что они могли действовать совершенно свободно, — заметила миссис Уильямс.

— Вы правы. У кого еще есть доступ ко всему этому хламу?

— По мнению нашего дорогого бухгалтера, они как бы случайно сложили детали в сыром месте.

— Мистер Грумлат так вам и сказал? — прокудахтала миссис Зелдофф, на всякий случай перекрестившись.

— Разве вы не читали его письма? Сами вы стали бы держать ценные предметы в сыром месте?

— Боже упаси! — возмутилась мисс Зелдофф, уперев руки в бока. — Ни в коем случае, я не дура!

— Вы единственная, с кем я этим поделилась, — прошептала миссис Уильямс соседке на ухо.

Миссис Зелдофф, гордая оказанным ей доверием, испытала прилив воодушевления.

— Может, честнее было открыть правду соседям, они ведь тоже вправе знать, что случилось, как вы думаете? — осторожно спросила миссис Уильямс.

Для миссис Зелдофф это стало непростой дилеммой. Она сжала пальцами и без того узкий подбородок и возвела глаза к потолку, гадая, какой совет дал бы ей пастор.

— Раз вы так говорите... — проямлила она.

— Не хотелось бы, чтобы меня обвинили в интриганстве, — не унималась миссис Уильямс. — В первую очередь на это способны Бронштейны. — И она добавила, что знает из надежного источника, что профессор отъявленный левак, а для таких людей обслуживающий персонал всегда прав, не так ли?

Легкость, с какой миссис Уильямс удавалось манипулировать соседкой, доставляла ей безмерное удовольствие. После каждой произнесенной гадости она любовалась тем, как дрожат невидимые ниточки над послушной марионеткой. Если так пойдет дальше, то она подвесит миссис Зелдофф под потолком.

— Обязательно купите эту редиску, она просто превосходна! — посоветовала она, наслаждаясь своей властью над соседкой.

— Мы можем взяться за дело вместе, — предложила миссис Зелдофф, опуская ярко-красный пучок в свою корзину.

— Отличная идея! — воскликнула миссис Уильямс. — Я напишу семейству Хаякава. Вам останется самая малость — донести весть до остальных.

Накануне вечером миссис Зелдофф вернулась домой такой же окрыленной, как в это воскресенье, когда после выступления хора, в котором она пела, ее похвалили за тембр голоса.

С утра она проявила невероятную самоотверженность, отважно постучавшись в дверь Моррисона. Был уже двенадцатый час, но он встретил ее в халате. Но это были еще цветочки: сосед вообще ничего не понимал!

— Зачем нашим лифтерам мешать модернизации лифта? Это их рабочий инструмент, к тому же полностью исправный, — произнес Моррисон, потом добавил: — Дипак только что заглядывал, он меня и разбудил. Очень кстати.

— Речь не обо всем лифте, только о кнопках! — терпеливо объяснила ему миссис Зелдофф.

— Что они натворили с кнопками? Мой звонок никто не трогал, я им вчера пользовался.

— Речь о совсем других кнопках... — простонала миссис Зелдофф.

— А что, у нас есть другие кнопки?

— Да, в подвале, насколько я понимаю.

— Не знал, что у нас в подвале кнопки... — пробормотал он. — Для чего, если не секрет?

— Ни для чего, пока что они в коробках, чтобы когда-нибудь можно было пользоваться лифтом без помощи лифтеров.

— Какие глупости вы говорите! Спускаться в подвал, чтобы потом ехать на лифте без Дипака или Риверы? Вы уж простите, но если так, то они правильно поступили, что избавились от этих ваших кнопок, от которых нет ни малейшего проку! Сопласитесь, кабину гораздо удобнее вызывать с лифтовой площадки. Спускаться пешком, чтобы потом подниматься на лифте? Кого посетила такая дурацкая идея?

Миссис Зелдофф, достигшая предела отчаяния, продолжила свой крестовый поход, поднявшись по служебной лестнице на три этажа.

Мадам Леклер, видимо, была чрезвычайно занята и даже не предложила гостю чаю. Вот и верь после этого, что у французов безупречные манеры! Она рассеянно выслушала сообщение и, кажется, не очень-то ему поверила. И заговорила в оскорбительном тоне, не выбирая выражений, что было совсем уж невыносимо:

— Да пошла она куда подальше, эта миссис Уильямс, надо же было выдумать такую ахинею! Дипак на такое не способен, другого такого маньяка порядка, как он, я не знаю. Только и делает, что все вокруг натирает до блеска, я даже боюсь опереться о стенку лифта...

— Может, не он, а Ривера, ночью...

— Знаете, очень любезно с вашей стороны, что вы пришли и все это рассказали, увлекательная гипотеза, но у меня дела.

— Вы расскажете об этом мужу? — взмолилась миссис Зeldoфф.

— Непременно! Уверена, ему тоже это покажется увлекательным, как и мне. Передайте от меня привет вашему супругу! — сказала она, выпроваживая гостью.

Кем она себя возомнила? И что за манера — передать привет и выставить за дверь! Миссис Зeldoфф была не из тех, кто покорно сносит подобное обращение.

— Почему вы не хотите выйти через главную дверь? Днем лифт работает! — удивилась мадам Леклер.

— Мне не повредит размяться, — ответила миссис Зeldoфф тоном оскорбленного достоинства.

На девятый этаж она поднималась не без опасений. Хлоя, собравшаяся выходить, удивилась: кто бы это мог звонить в служебную дверь? Чтобы дотянуться до задвижки, ей пришлось проделать болезненный и небезопасный акробатический этюд: она приподнялась на одной руке, упершись в стену плечом.

«Глупо, безосновательно, смехотворно!» — таков был ответ молодой соседки. Подняться пешком на девятый этаж, чтобы нарваться на такой прием! А ее утверждение о том, что Дипак святой человек, — это безумное преувеличение! Как можно настаивать на его безгрешности после того, что он выкинул? Но ладно бы еще, если бы мисс Бронштейн этим ограничилась...

— То, чем вы занимаетесь, отвратительно. Сплетни всегда оставляют неприятный след. Так что либо вы представляете доказательства, либо прекращаете распускать слухи.

Так как молодая нахалка поставила под сомнение ее порядочность, миссис Зeldoфф позвонила Грумлату и потребовала, чтобы он поторопился с расследованием.

Она закончила свой обход к полудню и вернулась домой с чувством выполненного долга.

Ранним утром Дипак вышел из дому. Он ждал, что его станут восхвалять как спасителя, но где там! Все утро он видел только презрительные гримасы и недовольные взгляды. Мадам Леклер едва с ним поздоровалась. Уильямс ушел, даже с ним не попрощавшись. Зелдофф был насуплен и враждебно сопел. Его супруга, появившаяся немного погодя, сначала закатила глаза, потом гневно фыркнула. Даже Моррисон, которого он спросил о причинах этой всеобщей холодности, когда тому потребовались его услуги в разгар дня (пора было завтракать, в конце концов!), уклончиво ответил: «Поговорим об этом в другой раз».

О чем говорить? Что за муха всех их укусила? Может, это козни Грумлата, бессовестно преувеличившего его справедливые требования? Его ведь уволили, хотя он мог бы доработать до заслуженной пенсии и оставить их всех с носом. Разве возмещение в размере годового жалованья их разорит? Да миссис Зелдофф носит на шее драгоценностей на эту сумму, а то и больше; мадам Леклер тратит в неделю на прическу как раз столько, сколько он зарабатывает; Моррисон пропивает за день дневное жалованье лифтера. Уильямсы, эти любители всевозможных увеселений, просаживают за один вечер, просто чтобы покрасоваться на людях, больше, чем Дипаку платят за месяц. Все они — заносчивые и неблагодарные скуперджи, кроме Бронштейнов, всегда таких уважительных, и миссис Коллинз, но у той теперь проблема с деньгами... Наступил полдень, а Дипак все еще кипел от негодования. Лали права, он настоящий простофиля. Вел бы себя как злобный цербер, беря пример с привратника дома № 16, — и они бы преданно заглядывали ему в глаза. Не сходить ли к бухгалтеру, чтобы объявить, что он хорошенько подумал и решил распрощаться с ними? Пусть заплатят ему то, что причитается, и впредь обходятся без него.

В три часа дня Дипак все еще бесновался у себя за конторкой. Он злобно послал куда подальше парня, выгуливавшего собаку Леклеров: по его недосмотру ретривер вернулся из парка чуть живой и весь в грязи. «Кто будет вытирать пятна с мраморного пола?» — рявкнул он. Парень удалился, пожав плечами.

Потом досталось владельцу винного подвальчика, доставившего ящик вина для Моррисона. Кто, спрашивается, должен ставить

бутылки в буфет заказчика? Курьеру из цветочного магазина тоже досталось за то, что букет для миссис Уильямс оказался слишком пышным и оставил на полу лифта кучу лепестков. Кому их теперь подметать?

Но когда в четыре часа появилась Хлоя, которая чувствовала себя хуже собаки Леклеров, Дипак пришел в себя.

— Что с вами случилось? — спросил он, встречая ее.

— Ничего, — бесстрастно ответила она. — Лифт на нашей станции никак не починят, поэтому мне пришлось ехать до следующей, а она в десяти кварталах отсюда — длинный перегон для пары рук. Словом, я выбилась из сил.

— Почему вы не сели в автобус? — спросил Дипак, подвозя ее к лифту.

— Потому что инвалидная платформа автобуса опускается так медленно, что пассажиры начинают сердиться. И потом, в это время автобусы переполнены, я бы попала в ловушку у двери, рядом с водителем, где меня толкали бы на каждой остановке входящие и выходящие пассажиры. Не говоря о том, что при торможении у меня начинается головокружение и тошнота. Лифты в метро — там, где они есть, — то работают, то нет, но это ничего, чаще всего мне помогают подняться добрые люди. Просто сегодня не мой день. Ну, вот я вам и пожаловалась, хотя у нас есть повод радоваться, ведь вы остаетесь с нами.

— Откуда вы знаете? — осведомился Дипак между пятым и шестым этажами. — Я узнал об этом ближе к десяти утра, когда вы еще были у себя дома, а спустил я вас только в одиннадцать.

Он отодвинул решетку, посторонился, пропуская Хлою, и поехал вниз, не дожидаясь ее ответа.

На втором этаже он задержался и позвонил в дверь Грумлата.

Бухгалтер ждал его за письменным столом. Получив свой контракт, Дипак поспешно спрятал его в карман.

— Не хотите прочесть?

— Я вам доверяю. Сегодня все обходятся со мной крайне холодно, из чего я заключаю, что мои требования приняты в штыки.

— Присядьте-ка, — предложил бухгалтер.

Дипак остался стоять.

— Как хотите. Раз вы мне доверяете, я отвечу вам тем же. Они еще не знают о ваших требованиях. Я всего лишь проинформировал их, что снова принял вас на работу. Не беспокойтесь, я вправе принимать текущие управленческие решения. Уверен, они испытают облегчение, когда узнают, что не должны будут дополнительно раскошелиться. Учитывая все это, я предпочел бы, чтобы наше соглашение осталось между нами. Когда вы еще уйдете! До той поры столько воды утечет... Кстати, почему только полтора года? Давайте округлим хотя бы до двух лет!

— Вы не поймете, — ответил Дипак, уходя.

После работы Дипак навестил в больнице Риверу. В этот раз миссис Коллинз не стала передавать с ним книгу, потому что сама принесла ее днем, когда навещала Риверу. Она единственная в доме общалась с Дипаком как обычно. Поведение остальных жильцов по-прежнему его озадачивало.

Ривера, накануне обративший внимание на приподнятое настроение коллеги, в этот раз испугался: Дипак был мрачнее тучи.

— По-моему, ты нынче не в духе...

— Я не понимаю, что происходит! Никогда еще они не вели себя так мерзко, по крайней мере все сразу! Можно подумать, я чем-то перед ними провинился.

— Тем, что поступился самолюбием и согласился прислуживать им дальше, что ли? Если так, мир перевернулся кверху тормашками!

— Откуда тогда эти кислые мины?

— Хочешь знать мое мнение? Они, должно быть, обрадовались, что мы ушли на покой и их расходы снизились. Теперь они расстроены, вот и все. Ты рассказал им о своем племяннике?

— Еще нет, расскажу в понедельник. Завтра у меня встреча в кафе с профсоюзником.

— В субботу? Ты меня удивляешь!

— За себя лучше просить не в кабинете, а в нейтральной обстановке. Я буду уговаривать его отступить от буквы закона.

— Смотри-ка, ты обо всем подумал!

— Во всяком случае, стараюсь не упустить главное.

— Вечера и ночи без лифта — вот что портит им настроение. Когда они узнают, что ситуацию урегулировали, все придет в норму.

— Даже Моррисон сам не свой, — продолжил Дипак.

— Я привык видеть его в одном состоянии — в обнимку с бутылкой. Не иначе, накануне бедняга превзошел себя, если такое возможно... Лучше благодари Провидение за то, что с нами происходит, на такое я даже не надеялся...

Дипак ушел от коллеги в девять часов. По дороге домой, в вагоне метро, он думал о том, что в этот раз у Провидения, скорее всего, есть имя.

Дома он застал Лали в компании Санджая и заметил, что при его появлении оба сразу умолкли. Сняв пальто, он подошел к столу и сказал Санджаю, садясь:

— Я ждал тебя сегодня.

— Я закончил позже, чем думал, — небрежно обронил Санджай.

— Мог бы предупредить.

— У Санджая была встреча с важными людьми, — заступилась Лали за племянника.

— Я, значит, к таковым не принадлежу? Ты приступаешь в понедельник.

— Ты встречался с людьми из профсоюза? — спросила Лали, ставя на стол еду.

— Встречусь завтра, — ответил Дипак, наполняя тарелку жены.

— Вы работаете семь дней в неделю? — спросил Санджай.

— Почему ты спрашиваешь?

— Как они справляются с лифтом, когда вы уходите в отпуск?

— У нас есть сменщик, — проворчал Дипак. — Но он заступает только в выходные и только в августе. Ривера отдыхает по субботам, я

— по воскресеньям. Летом мы берем по очереди по полмесяца. Получается, что лифт не остается без присмотра ни днем ни ночью.

— В этот раз сменщик недоступен?

— Если бы был доступен, мы бы давно решили проблему. Если ты передумал, так прямо и скажи, не тяни!

— Что-то не так? — вмешалась Лали.

— С чего ты взяла? Нас защищает Провидение: детали, из-за которых я должен был лишиться работы, чудесным образом испортились. Завтра я обману своих старых приятелей, наплету им, что племянник моей жены, приехавший из Мумбаи, опытный лифтер, хотя на самом деле мне до сих пор невдомек, чем он зарабатывает на жизнь... Вот я и гадаю, узнаю ли самого себя в зеркале, когда завтра стану бриться.

Ближе к полуночи Дипак надел пижаму, залез под одеяло и выключил ночник. Тогда Лали включила свой.

— Ты мне расскажешь, что ты затеял? Или ты хочешь, чтобы я всю ночь ломала голову?

— Зачем ты ходила к мисс Хлое? — ответил Дипак вопросом на вопрос.

— Некоторые традиции очень стойки. Для тебя, престарелого индийца, беседа двух женщин — это непременно заговор!

— Престарелый индиец отказался от блестящей карьеры ради женитьбы на престарелой индианке — на тебе! Знаю я тебя: если ты заводишься с полуоборота, значит, у тебя совесть нечиста.

— В чем мы должны себя упрекать? Умираю от желания это узнать.

— У меня в подвале сухо, как в пустыне, сырости нет и быть не может. Думаешь, я держал бы в сыром закутке свою униформу? Непонятно поэтому, каким образом этот их монтажный комплект пришел в такое плачевное состояние.

— Может, это потому, что я заделалась специалисткой по электронным устройствам?

— Ты-то нет. Но разве твой племянник не дока в таких вещах?

— Как же я раньше не догадалась! Все-все сговорились! Твоя жена, племянник, протеже с девятого этажа и прочие вздумали устроить саботаж с единственной целью — спасти твое рабочее место и твой замаячивший на горизонте безумный рекорд... Да, еще я забыла Риверу, приславшего мне голубиной почтой схему подвала с указанием места, где хранятся детали, хотя я даже не знаю, как они выглядят. Я отправилась туда поздней ночью, пока ты спал, нашла коробки и... помочилась на них!

— Не говори глупости, я тебя ни в чем не обвиняю.

— Тем не менее я замышляю козни. Ты бы себя слышал! — разозлилась Лали.

— У тебя всегда на все есть ответ. Но я не могу отделаться от мысли, что в этой истории что-то не так. Если меня в чем-то заподозрят, я знаю, кто охотно этим воспользуется, чтобы все свалить на меня.

Лали и Санджай сели завтракать. Дипак вышел из спальни в широких белых штанах и белой спортивной майке. Санджай еще не видел его таким шикарным.

— Я думала, ты идешь пить кофе с кем-то из профсоюза, — удивилась Лали.

— Мое спортивное прошлое по-прежнему производит на них впечатление. После кофе я немного поиграю в парке.

— Обязательно сходи туда с дядей, у него куча поклонников, — посоветовала Лали племяннику.

— Я бы с радостью за него поболел, — ответил Санджай, читая в телефоне сообщение, — но у меня непредвиденный деловой ланч.

— В субботу? — бросил Дипак.

— Почему у тебя может быть деловая встреча в субботу, а у него нет? — кинулась защищать племянника Лали.

— Если бы я сказал, что обещают дождь, твоя тетя обязательно сказала бы мне, что ты ни при чем.

— Сходишь в другой раз, — продолжала она, не обращая внимания на слова мужа. — Но завтра постарайся не работать, мне хотелось бы провести немного времени с тобой.

Санджай пообещал, что постарается, и пошел готовиться к встрече.

— А ты пойдешь смотреть, как я играю? — с невинным видом обратился к жене Дипак.

— Ни за что не пропущу это удовольствие! Я делаю это каждый уик-энд с тех пор, как мы познакомились... Встретимся в полдень на лужайке.

В полдень Санджай и Сэм встретились в ресторане «Клодетт»: он находился недалеко от работы Сэма, и тот очень обрадовался, увидев

друга.

— Что за срочность? — спросил Санджай, садясь за стол.

— Я получил все документы, необходимые для учреждения компании, подпиши их, в понедельник я их подам. Остается только твой взнос, но ведь с этим не будет проблем?

Санджай отвлекся на только что вошедшую пару.

— Ты меня слушаешь? — окликнул его Сэм. — Прекрати, это неприлично!

— Что неприлично?

— Глазеть на такую девушку.

— На такую, как она?

— В инвалидном кресле!

— Я ее знаю, — небрежно ответил Санджай, поворачиваясь к Сэму. — Что ты говорил?

— Надеюсь, ты шутишь?

— Не бойся, мой банкир еще не перезванивал, но я сам с ним свяжусь сегодня, все будет готово не позже чем через неделю.

— Плевать мне на твоего банкира, я говорил об этой молодой женщине. Ты действительно ее знаешь?

Санджай не ответил. Он наблюдал краешком глаза за хозяином ресторана, встречавшего эту пару так, как на родине Санджая встречали людей из высших каст. Она назвалась актрисой. Может, она звезда? Впрочем, ей уделял внимание только хозяин. В Мумбаи к ней бросились бы все, кланча автографы и торопясь делать селфи. В Нью-Йорке, наверное, заведено по-другому, здесь запрещено глазеть на чужие увечья. В Индии нью-йоркцы ходили бы, подняв глаза к небу или уставившись себе под ноги. Впрочем, он разглядывал не ее кресло, а ее саму. Ну и сопровождавшего ее мужчину...

— Хватит оглядываться на чужой столик! Ты их знаешь?

— Не то чтобы... Хотя нет, одного немного знаю.

— Которого? — спросил профессор.

— Того, на банкетке, — ответила Хлоя, беря меню.

— Где ты с ним познакомилась?

— Однажды в парке перебросились парой слов. Его отец музыкант. Я закажу яйца «Бенедикт», а ты?

— Он довольно симпатичный!

— Или, может, лучше яичницу?

— Чем он занимается? — не унимался Бронштейн.

— Он образцовый современный предприниматель: молод и гениален. Прилетел в Нью-Йорк искать инвесторов.

— Действительно гениальный ход!

— По-моему, блестящий. Так мы заказываем или нет? Умираю с голоду!

— И какой же в этом блеск?

— Прекрати! На что ты намекаешь?

— Ни на что. Мне странно, что ты погрузилась в меню, которое знаешь наизусть. Давно не видел, чтобы ты так краснела.

— Вовсе я не краснею!

— Хочешь удостовериться? Полюбуйся на себя в зеркале на стене позади меня.

— Мне жарко, только и всего.

— Кондиционер не помогает?

— Может, сменим тему?

— Как поживает наш философ? — с невинным видом осведомился Бронштейн.

— Я буду это знать, когда мы наконец обзаведемся ночным лифтером, — ответила Хлоя, задетая за живое.

— На следующей неделе мне предлагают принять участие в конференции, — сказал профессор невпопад. — Конгресс банкиров, высокая оплата.

— Напрасно ты хмуришься, это прекрасная новость! — обрадовалась Хлоя. — В паруса Бронштейнов, отца и дочери, дует попутный ветер. Я подписала контракт на новую запись. Теперь, когда

дополнительные взносы отменены, мы оба скоро сможем вернуть долги.

— А то и отремонтировать трубы в ванной!

— Чокнемся за успехи в области сантехники? — весело предложила Хлоя.

— Лучше за твою карьеру!

— И за хорошо оплачиваемые конференции!

— Как раз назревает одна в Сан-Франциско, мне придется на несколько дней отлучиться, если ты сможешь...

— Обойтись без тебя? Я обхожусь без тебя день за днем, к тому же, если что, всегда можно рассчитывать на Дипака.

— Хочешь, пригласим их пересест к нам? — предложил профессор, разглядывая двух мужчин за столиком напротив.

— Ты не мог бы говорить потише?

Санджай оплатил счет, Сэм подвинул столик, выпуская его. Хлоя наблюдала за ними в зеркале над головой отца. Перед уходом Санджай оглянулся, и их взгляды на мгновение встретились. Хлоя уткнулась в свою тарелку. Ее смущение не ускользнуло от внимания отца.

Сэм торопился на свидание, поэтому у решетки Вашингтон-сквер-парка они с Санджаем расстались. Санджай стал прогуливаться у фонтана. Его любимым времяпрепровождением было наблюдать за людьми и представлять себе, как они живут; возможно, это и натолкнуло его на мысль об интернет-приложении. В юности его потрясала абсурдность жизни в мегаполисах, где множество людей живут бок о бок, никогда не заговаривая друг с другом. Свою роль сыграло и одиночество, от которого он страдал в детстве. Когда он начинал свой бизнес, дядя обвиняли его в том, что он позорит род. Знакомства между мужчинами и женщинами были возможны только с согласия их родителей и семей, встречи — только после официальной помолвки. Санджай принадлежал к поколению, смотревшему на жизнь по-другому. Но нарушить табу, пренебречь традициями, добиться свободы, а тем более научиться ею пользоваться — все это требовало длительной борьбы. Ничего не зная толком о Лали и

Дипаке, он восхищался отвагой, которую они проявили, когда все бросили и устремились в неизвестность.

Ему вспомнилось, как непринужденно и открыто заговорила с ним Хлоя в Вашингтон-сквер-парке; сам он никогда, наверное, не осмелился бы к ней обратиться.

Сигнал сотового телефона прервал его раздумья. Звонили из отеля «Мумбаи Пэлас».

Тареш и Викрам, его дядюшки, уведомляли, что возражают против залога его прав собственности. В уставных документах отеля существовал пункт, позволявший им ему помешать. Его необдуманное поведение сильно их уязвило.

— Если ты потерпишь неудачу, — объяснял Тареш, — треть нашего дворца окажется в руках иностранцев.

— Как ты можешь быть таким эгоистом, как можешь рисковать делом всей жизни, как можешь ставить под угрозу достояние семьи? Ради чего все это? — подхватил Викрам.

— О какой семье вы говорите? — спросил их Санджай и прекратил разговор.

Его дядья жаждали войны. Разъяренный Санджай выбежал из парка с фонтаном и отправился в другой городской парк, где другой родственник, более достойный именоваться его дядей, играл в крикет.

Хлоя приехала в Вашингтон-сквер-парк и села за один из столов, где умелые шахматисты сбивали спесь с дерзких новичков, взимая за победу всего несколько долларов. Но она посвящала субботные дни этому занятию не ради нескольких долларов, а потому, что любила выигрывать. Раньше она была спортсменкой и упорно боролась за победу, а теперь жалела порой, что награды остались в прошлом. В последний раз она вышла на соревнование апрельским утром пять лет тому назад.

Санджай с восхищением наблюдал, с каким изяществом Дипак орудует крикетной битой в окружении мечтавших стать чемпионами парней из северных кварталов города.

— Понимаю, почему ты не устояла перед ним, когда следила за игрой в парке Шиваджи!

— Теперь он гораздо красивее, — ответила Лали. — Для некоторых Дипак — просто лифтер, но на крикетном поле он король.

— Наверное, вам было нелегко уехать?

— Уехать как раз было проще простого. Как-то вечером на Дипака, вышедшего из дому, напали три амбала и сильно его поколотили. Мы знали, кто их подослал, и хорошо поняли, что хотели этим сказать мои родственники. Когда я навестила его в больнице, он стал уговаривать меня положить конец нашим отношениям. Он уверял, что всегда будет меня любить, но у нас нет будущего и он не вправе пятнать репутацию такой семьи, как наша, а тем более портить мне жизнь. Я решила, что причина этой мимолетной слабости — его травмы, и ответила, что больше никому не позволю решать, как мне жить. Я выбрала его, хотела прожить с ним всю жизнь и потом ни разу об этом не пожалела. Семья для меня перестала существовать: я не могла больше иметь ничего общего с людьми, способными на такую жестокость. Два месяца, изо дня в день, я собирала вещи, пряча их в мешке для грязного белья в глубине шкафа, чтобы наши слуги ни о чем не догадались. Под кроватью у меня копились деньги, которые мне удавалось стянуть то из сумки матери, то из кармана случайно брошенных отцовских брюк. Немало денег я стащила и у моих братьев. Дипак пришел за мной поздней ночью. Он подждал меня неподалеку; незадолго до этого он сказал мне, что поймет, если я не приду. Я бесшумно выскользнула за дверь. Ты не можешь себе представить, как я трусила, когда кралась по коридору спящего дома, спускалась по лестнице, затворяла дверь, чтобы никогда больше не вернуться! Мне по-прежнему это снится, и я просыпаюсь вся дрожа. Мы шли пешком, торопились как могли, боясь погони и зная, что должны до восхода солнца добраться до порта. Встречный рикша сжалился над нами и подвез до причала. Дипак, заплатив бешеные деньги, раздобыл два места на грузовом судне. Мы провели в море сорок два дня. Я помогала на кухне, Дипак вкалывал наравне с матросами, ни от какой работы не отказывался, его гоняли до изнеможения. Зато какой круиз мы совершили! Аравийское море,

Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море, Гибралтарский пролив, а потом... Увидев океан, мы поняли: вот она, свобода!

— Почему только тогда, а не в начале плавания?

— Потому что той ночью на Гибралтаре, где у судна была остановка, мы впервые любили друг друга. Но я уже тебе говорила, что эта первая часть нашего бегства была самой простой. Я не желала существовать нелегально, Дипак тоже не мог долго оставаться невидимкой, потому что привык к нормальной жизни. Не скрою, его излишняя честность иногда действовала мне на нервы. Мы сами пришли в иммиграционную службу. В те времена люди, заправлявшие этой нацией иммигрантов, еще помнили историю своих отцов, помнили, кто из них откуда приплыл. Поскольку на родине нам грозила смерть, нам удалось получить статус беженцев: доказательством нашей честности были еще свежие шрамы на теле Дипака. Нам выдали временные документы и, к нашему удивлению, немного денег, чтобы мы не умерли с голоду и смогли начать новую жизнь. Дипак не хотел их брать, — со смехом добавила Лали, — пришлось это сделать мне.

— Что было потом? — спросил Санджай.

Лали не спешила с ответом. Видя, как тяжело на нее подействовали воспоминания, он обнял ее за плечи.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел беречь прошлое.

— Я тебе солгала, — продолжала Лали совсем тихо. — Это неправда, что, покидая наш дом, я ничего не лишилась. Нет, я оставила там частицу себя. Гордость заставляет меня это скрывать, но я страдала тогда и страдаю до сих пор. Я жила в достатке, беззаботно, а здесь была вынуждена соглашаться на любую работу, трудиться по шестнадцать часов в сутки, чтобы мы не голодали. Нам жилось несладко. Столько лет прошло, теперь-то грех жаловаться, но у нас есть ровно столько, чтобы обеспечить себе старость, и то, если она не слишком затянется... Если бы Дипаку пришлось уйти на покой уже теперь, то мы не смогли бы сводить концы с концами. Все, довольно разговоров! Теперь расскажи, как поживают мои родственники в стране, которую я ненавижу после всего того, что пережила, но по которой я отчаянно тоскую.

Санджай принялся рассказывать о величайшей в мире демократии, где процветает нищета, где царит кастовая система, но не все так уж безнадежно. Индия — это не только священные коровы, разгуливающие по трущобам, это еще и Болливуд, и компьютерное поколение, к которому он сам принадлежит, это стремительно развивающаяся страна, где растут современные города, потихоньку отступает бедность, поднимается свободная пресса, складывается средний класс.

Лали перебила его:

— Я не просила тебя читать лекцию по экономике и геополитике, мне хватает мужа, которой каждый уик-энд пытается меня, читая газеты вслух. Лучше расскажи о себе, о своей жизни, увлечениях. У тебя есть невеста?

Прежде чем ответить, Санджай глубоко вздохнул. Медленно повернувшись к тете, он посмотрел ей в глаза.

— Если коротко, тетя Лали, то квартал обветшалых домов, которыми владел твой отец, превратился в роскошный дворец, самый фешенебельный в Мумбаи. Твои братья всегда это от тебя скрывали.

Лали перестала дышать и уставилась на него, разинув от удивления рот.

— Могли бы не приходить, все равно не смотрите игру, только болтаете, как две кумушки! — сказал, подходя к ним, Дипак. — Надеюсь, ваш разговор стоил того, чтобы пропустить мой великолепный бросок!

День, когда я ударила Джулиуса

День начался с занятий с Гилбертом. Мой мучитель приступил к ним с огромной охотой. Утро выдалось особенным: мне предстояло сделать первые шаги на протезах. Все рухнуло, но не потому, что я упала. Какую-то роль сыграла, конечно, моя боль, но главное было в другом.

До «14:50» папа много разъезжал, оставляя квартиру в моем распоряжении. Квартира Джулиуса словно специально приспособлена для того, чтобы убить всякую любовь: желтая штукатурка, вонь от

старого ковра, тусклый свет с потолка превращают ее в самое неромантичное место на свете. Джулиус ничего не смыслит в уюте. И если бы только это: через стенку слышны всевозможные звуки, создающие впечатление, будто рядом бродят привидения. Все это привело к тому, что мы решили в отсутствие отца встречаться у меня.

И вот папа засел дома.

К счастью, днем он преподает.

Джулиус взял меня на руки, уложил на кровать, стал целовать. Потом, нависнув надо мной, расстегнул пуговицы на платье. Он ласкал мне грудь, и впервые после «14:50» я чувствовала его желание. Его губы скользили по моему телу, животу, он попытался раздвинуть мне ноги — и тут я увидела, как застыл его взгляд. Пришлось влепить ему пощечину.

Так мы перестали заниматься любовью.

Хлоя надолго замерла перед своим гардеробом, прежде чем сделать выбор: она надела длинную клетчатую юбку и белую блузку с вырезом.

После полудня Дипак позвонил ей в дверь и сообщил новость: наконец-то ему наняли сменщика, отвечающего требованиям мистера Грумлата. Новый ночной лифтер заступит на пост в 19:15, он одобрен профсоюзом и довольно опытный. Честный Дипак, верный себе, все же вставил словечко «довольно». Так или иначе, у Хлои снова появлялась возможность выбираться из дома в любое время.

Если бы она могла встать, она бы заключила Дипака в объятия. Тот, видимо, угадал ее чувства и густо покраснел! Он поспешил ретироваться, неуклюже отвесив поклон. У обоих было радостно на душе.

Ее отец улетел в Сан-Франциско, и она предложила Джулиусу поужинать вдвоем. Она оставила на его автоответчике адрес ресторана, где будет ждать его в восемь часов.

Не слишком умело сделав макияж, она напоследок взглянула на себя в зеркало, объехала квартиру, потушив свет везде, кроме лампы на столике у двери, потом позвонила и вызвала лифт.

Пока кабина ехала вверх, она развернулась на площадке. Лифтер отодвинул решетку и застыл, не отнимая руку от рычага, пока пассажирка заезжала в кабину задним ходом.

Она видела только его спину. Униформа Риверы была ему велика, эполеты неаккуратно висели, обшлага рукавов почти закрывали пальцы.

— Добрый вечер, мисс, — прозвучало почтительное приветствие.

— Добрый вечер. Какая радость, что теперь...

Она не договорила и уставилась на затылок лифтера.

— Что вы сказали? — спросил тот, когда они спустились до седьмого этажа.

Сердце Хлои колотилось и к пятому этажу готово было выпрыгнуть из груди.

— Я хотела сказать, что воспитанные люди при разговоре оборачиваются и смотрят на собеседника.

Санджай сделал, как ему велели.

— Выходит, вы заговорили со мной первым, чтобы признаться во лжи!

— Я вам не лгал.

— Это была не просто ложь, а издевательство! Предприниматель, индийский Фейсбук... Это вам ничего не напоминает?

— Иметь в Нью-Йорке единственную профессию — непозволительная роскошь... Это вам ничего не напоминает?

— А по уик-эндам вы кто? Звезда Болливуда или чемпион по прыжкам с парашютом?

— От высоты у меня кружится голова, а актер я вообще никакой.

— Вот тут, уверяю вас, вы ошибаетесь!

Кабина замерла, не доехав десяти сантиметров до первого этажа.

— Я еще не до конца овладел мастерством. Сейчас поднимемся до второго и снова опустимся, вы достойны более удобного приземления...

— Час от часу не легче!

— Я стараюсь изо всех сил. Что вам стоит немного потерпеть?

— Вы не поехали на Двадцать восьмую, я видела, как ваше такси развернулось. Вы только и делаете, что врете, вот что я вам скажу!

— Ну вот, на сей раз точно, вы сможете покинуть кабину без малейшего труда. Мне порекомендовали не прикасаться к креслу мисс. Однако я провожу мисс на улицу и поймаю такси.

— Довольно этих «мисс»! — воскликнула Хлоя. — И нечего меня провожать!

Проезжая мимо конторки лифтера, она с удивлением обнаружила за ней Дипака.

— Профессия лифтера не вызывает у вас уважения? — крикнул ей вслед Санджай.

Дипак бросился открывать ей дверь и не спускал с нее глаз до тех пор, пока она не пересекла проезжую часть и не скрылась за дверями «Клодетт».

— Я все-таки что-то сделал не так! — сердито сказал дяде Санджай, подходя к нему в холле.

— Я решил убедиться, что ты справишься. Помни три правила, они совсем простые: будь вежлив, оставайся невидимым, когда к тебе не обращаются, а если обратятся, слушай, что спрашивают, но никогда не отвечай. Разве это так трудно?

— Она не задавала мне вопросов, она просто со мной заговорила!

— Не «она», а «мисс Хлоя». На уровне четвертого этажа вы уже говорили на повышенных тонах. О том, как ты останавливал кабину, лучше вообще умолчу, но это не значит, что я ничего об этом не думаю. Я признателен тебе за то, что ты для меня делаешь, но все же надо стараться, иначе в этом нет смысла. Теперь я побегу к Ривере, а оттуда домой, спать. Вверяю тебе мой дом! Надеюсь, что завтра найду его в безупречном состоянии. Я могу на тебя рассчитывать? Да, не забудь помочь мистеру Моррисону отпереть дверь.

Санджай стиснул зубы, а его дядя пошел вниз переодеваться.

Хлоя вернулась в десять вечера одна. В лифте она не сказала Санджаю ни слова, ограничившись еле слышным «спокойной ночи», прежде чем закрыть за собой дверь.

Там она, не зажигая света, подъехала к окну. По понедельникам на тротуарах не было ни души, по Пятой авеню быстро ехали немногочисленные такси, сворачивавшие на 9-ю улицу. Хлоя долго смотрела в пустоту. Ближе к полуночи она достала из кармана телефон и не глядя нашла номер Джулиуса. Она приняла решение не потому, что он не явился на встречу: наверное, работал допоздна и не слышал, как пришло ее сообщение.

Пока она его ждала, Клод принес ей бокал шампанского, потом еще один, потом еще. Когда она еще не окончательно опьянела, а только чуть захмелела, он сел напротив нее на банкетку и заказал ужин на двоих. Клод пожалел ее, а Хлоя не выносила, когда ее жалеют — ни Джулиус, ни кто-либо еще.

Она не хотела слушать его голос на автоответчике. Опустив руку с телефоном и немного подождав, проговорила в трубку:

— Я столько раз ошибалась, что это даже трогательно. Все было ошибкой: и мои надежды на будущее, и то, что мы сумеем сделать вид, будто по-прежнему вместе. Я неправильно представляла себе, как строить жизнь заново, неверно оценивала наше прошлое, напрасно думала, что я перед тобой в долгу. У меня сложилось ложное впечатление о нас, и особенно о тебе. Но больше я не хочу ошибаться, никогда! Увидимся завтра в парке. Знаю, между тремя и четырьмя часами дня у тебя нет занятий. Я верну тебе то небольшое, что ты оставил здесь, а также твою свободу. Я тоже теперь свободна. Прощай, Шопенгауэр.

На следующий день Хлоя приехала в Вашингтон-сквер-парк в три часа дня. Еще издали она увидела, что на скамейке сидит не Джулиус, а другой человек.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Он не придет, — ответил со вздохом Санджай, захлопывая книгу.

— Не понимаю...

— Вчера вечером я не осмелился сказать вам, что вы ошиблись еще и номером телефона...

— Зачем было с ним оставаться, раз вы прекрасно понимали, что заблуждаетесь на его счет? — спросил Санджай.

— Потому что он оставался со мной, а не я с ним. Потому что я достаточно пострадала физически, чтобы к этому добавить еще одну боль.

— Его фамилия и вправду Шопенгауэр?

— Если со вчерашнего дня не изменилась, то да, — ответила Хлоя.

— Нужна изрядная смелость, чтобы влюбиться в мужчину с такой фамилией. Либо смелость, либо склонность к мазохизму.

— Какая связь между его фамилией и чувствами, которые я к нему испытываю — или не испытываю?

— В статье Шопенгауэра о женщинах больше женоненавистничества, чем в коллективном бессознательном моей страны!

— Я же встречалась не с оригиналом, а всего лишь с копией... Вижу, вы тоже читали Шопенгауэра?

— Вас это удивляет, потому что я из Мумбаи? Я не брошу в вас камень, поскольку сам больше всех удивлюсь, когда Запад перестанет воспринимать Индию только как край священных коров, чатни и карри.

— Я не то хотела сказать...

— Но подразумевали именно это.

— Вы прирожденный морализатор! Кто из нас двоих — патентованный лгун?

— Если бы я вам сообщил, что у меня здесь напротив назначена встреча, вы бы сочли, что чем-то мне обязаны. Но вчера я понял, что этого, как и многого другого, вы просто не выносите.

— Вы отлично знаете, что я ничего подобного не имела в виду. Давайте так: если вы когда-нибудь опять захотите со мной пообщаться, будем считать, что этого разговора не было.

— Хорошо, а потом вы мне скажете, кто из нас двоих первый лгун. Главное, чтобы вы захотели со мной увидеться теперь, когда знаете, что я простой лифтер.

— Как же нам не видеться, раз вы работаете в моем доме...

— И еще: мне не хочется, чтобы вы напрягались. Я буду обращаться к вам «мисс» и только если мисс понадобятся мои услуги. Сожалею, что вы ошиблись номером. Давайте договоримся, что этого звонка никогда не было.

— Никакая не «мисс», а Хлоя! — крикнула она вслед удалявшемуся Санджаю и проводила его взглядом до самого выхода из парка.

Дипак посмотрел на часы, надеясь, что Санджай проявит пунктуальность. Тот его не подвел: вписался в простительные пять минут.

— Я очень старался! — воскликнул запыхавшийся племянник.

— Тебя никто не упрекает. После полуночи, удостоверившись, что все уже дома, Ривера по привычке засыпал за конторкой. Никто не мешает тебе поступать так же, только не забывай заводить будильник, чтобы в шесть тридцать быть свежим и бодрым. Уильямс, случается, выходит за газетой уже в шесть сорок пять. Не бойся, твои ночные смены будут не такими напряженными, как мои дневные.

— Надо еще учитывать, что днем я тоже работаю.

— Днем Ривера постоянно был у жены в хосписе: поверь мне, это далеко не отдых, при ее-то состоянии... Он старше тебя на сорок лет. Полагаю, ты справишься.

— Достаточно было бы простого «спасибо»...

— Пора бы знать, что молчание часто значительнее бесполезных слов. До завтра, передаю рабочее место тебе.

Дипак спустился в подвал. Ривера ошибся, предположив, что поведение жильцов войдет в норму, как только ему найдется замена. Их холодность, тем более необычная, что ее проявляли все без

исключения, не давала Дипаку покоя. Миссис Уильямс, эксперт по злословию, бросила, выходя из лифта: «Добрейшая миссис Зелдофф сочтет это чудом. Кто станет с ней спорить? В один миг найти лифтера, причем сразу после такого неприятного инцидента — прямо как в сказке! Да еще выходца из Индии! Можно подумать, в Америке не осталось квалифицированных работников!»

Инстинкт редко подводил Дипака, и он решил во всем разобраться. Переодевшись, он перешел в комнатуху напротив чулана, где работал видеомэгнитофон, записывавший с 11 вечера до 7 утра все, что попадало в объектив камер наблюдения. Одна была направлена на тротуар под козырьком, вторая — на служебный вход, третья — на коридор в подвале. За двадцать лет со времени установки этого оборудования ни разу не произошло ничего достойного внимания. Кооператив довольствовался шестью старыми видеокассетами, которые Дипак менял местами.

Сев перед монитором, он поставил первую и включил ускоренное воспроизведение. Его интересовал поздний вечер прошлого вторника. Чутье его не подвело, он обнаружил нечто странное: миссис Коллинз в халате, спустившуюся в подвал с пульверизатором в руках. Что в нем за вещество, понять было невозможно, но не только профессиональный детектив мог бы догадаться, для чего использовали эту штуку. Вот и доказательство невиновности Дипака. Немного подумав, он перемотал пленку в начало и оставил кассету в видеомэгнитофоне: новая ночная запись наложится на старую и сотрет следы неожиданного визита миссис Коллинз в подвал. Дипак станет его единственным безмолвным свидетелем.

Немного погодя Дипак поднялся из подвала. Навещать Риверу было уже поздно, и он отправился домой.

Мистер Моррисон вернулся живым и невредимым. Санджай, помня инструкции Дипака, не стал вмешиваться и только пожелал ему доброй ночи.

Близилась полночь, и его клонило в сон. Он закинул ноги на конторку и опустил спинку кресла. Спать так было неудобно, и Санджай стал искать средство от скуки. Найдя блокнот и карандаш, он долго медлил, подбирая слова.

В час ночи он поднялся на девятый этаж, сделал несколько шагов от кабины лифта до двери и сунул под нее сложенный вдвое листок бумаги. В три часа он все же уснул, растянувшись посреди холла и подложив руки под голову.

День, когда я почувствовала аромат роз

Папа вернулся уже днем и ничего не объяснил. Я была в гостиной, у окна. На вопрос, почему я провожу время, прилипнув к окну, я ответила, что от наблюдения за улицей мне становится лучше. Это для него неразрешимая загадка. Настоящая же причина состоит в том, что, когда я пишу, восстанавливать дыхание у меня лучше всего получается у окна. А когда он ко мне подходит, я прячу тетрадку под себя. Почему я не признаюсь ему, что веду дневник? Потому что дневник — тайный сад, вот и все. Но в тот день папа упрекнул меня за то, что я сижу взаперти. «Хочу, чтобы ты проветрилась. Чтобы духу твоего здесь не было не меньше двух часов!»

Я удивленно взглянула на него. Даже когда я была девчонкой, он не разговаривал со мной таким приказным тоном. Почему ему нужно, чтобы я убралась из дома? Я с невинным видом поинтересовалась, не завел ли он любовницу. Настала его очередь изумленно вытаращить глаза: он не понял, в чем тут связь! А я поняла, просто не собиралась ничего ему объяснять.

Раз меня выставили за дверь, я отправилась гулять по аллеям Вашингтон-сквер-парка. Сначала объехала фонтан, потом направилась к скамейке, где раньше слушала трубача, игравшего почти каждый день. Бывало, чтобы привлечь слушателей, он в шутку играл сразу на двух трубах, одновременно приложив их к губам. Вот это виртуоз!

Весна была в самом расцвете, распустилось целое море роз. Каких только сортов тут не было: Флорибунда, Гермiona, Пилигрим, Галуэй, Королева Швеции — я наслаждалась всеми ароматами сразу. И чувствовала, что живу.

Вернувшись домой, я поблагодарила отца и еще раз спросила, не завелась ли у него любовница. Ответа ждать не стала и быстренько удалилась к себе в комнату, к окну.

— Надо сказать, ты превзошел себя! — процедил Сэм.

— Что? Я ведь не опоздал! — запротестовал Санджай, швыряя на стол Сэма свой рюкзак.

— Начать с того, что тебе не мешало бы переодеться. Приперся во вчерашнем, да еще небритый!

— Извини, времени не хватило! — И Санджай так зевнул, что чуть челюсть себе не вывихнул.

— И ладно бы только это...

— Что еще?

— Ты теперь поешь в группе «Виллидж Пипл»? Что значит эта фуражка?

Санджай пощупал свою голову и обнаружил, что действительно забыл снять этот элемент униформы лифтера.

— Все понятно... Бурная ночь, завершившаяся только на рассвете. Надеюсь, оно того стоило.

— Учти, мне почти не удалось поспать.

— С кем? — насмешливо спросил Сэм, наклоняясь над столом.

— Долго объяснять. Это не то, что ты думаешь.

— Думаю я примерно то же, что рогатый муж, застающий у себя в шкафу незнакомого мужчину.

— Что у вас за мания всех на свете подозревать во вранье?

— Это доказывает, что мысли у меня правильные. Как ее зовут?

— «Отис».

— Это женское имя?

— Это фирма — производитель лифтов.

— Вы все в Мумбаи такие? Ты провел ночь в лифте?

— Ну да, что-то в этом роде.

— К твоему сведению, на случай поломки там существует кнопка вызова диспетчера.

— Кто тебе сказал, что лифт сломался?

Сэм достал из ящика стола электробритву и протянул ее Санджаю.

— Ступай в туалет, наведи красоту. Через пятнадцать минут у нас встреча. Постарайся придать себе презентабельный вид. И сними наконец эту фуражку!

На совещании Сэм живописал достоинства их проекта, сногшибательную прибыль, которую он способен принести, сказочные возможности индийского рынка... Санджай все это время отчаянно зевал. Получив от него под столом записку, Сэм встревожился, не употребляет ли его друг запрещенные препараты. Спрятав записку в карман, он попытался кое-как завершить свою презентацию.

Проводив клиентов и бегом вернувшись, он застал Санджая прикорнувшим за столом, с закрытыми глазами.

— Перестань кривляться! Что за игры?

— Умоляю, дай хоть чуточку вздремнуть!

— Эта Отис так хороша? Я с трудом разобрал, что ты там накорябал.

— Как тебе то, что я написал?

— Смешно.

— Правда?! — Санджай немедленно проснулся.

— «Единственное, чего нельзя простить, — это неумение прощать». Ты сам это родил?

— По-моему, где-то прочитал. Но это красиво и исполнено глубокого смысла, ты не находишь?

— Нет, не нахожу. Но, так и быть, я тебя прощаю. Только постарайся прийти в себя до завтра.

— Это предназначалось не тебе, дурачок! У тебя больше опыта с женщинами, чем у меня. Я полон сомнений и нуждаюсь в твоём

совете.

— В чем именно ты сомневаешься? — спросил Сэм.

— Она еще не решила, согласна ли, чтобы мы снова поговорили, поэтому я ей написал.

— Надеюсь, ты не провел ночь у нее на пороге? Жалкое было бы зрелище! Что ты натворил, что она так на тебя взъелась?

— Пока не знаю, что ее задело: уверенность, что я ее обманываю, или сама мысль о лифтере...

— Может, здесь сыграла роль твоя нелепая фуражка? О каком обмане речь?

— Я мог бы все ей объяснить, но ее реакция отбила у меня всякое желание.

— Что объяснить? — спросил Сэм, начиная злиться.

— Тебе никогда не хотелось произвести впечатление на женщину, не притворяясь, никого из себя не строя, ничего себе не приписывая, — таким, какой ты есть?

— Нет.

— Можно, я здесь немного посплю? Я тебе не помешаю, правда!

Сэм озабоченно посмотрел на Санджая.

— Оглядись и скажи, есть ли в этом помещении хоть что-нибудь, позволяющее принять его за гостиничный номер. Ну вот! Дело в том, что мой офис — не дом терпимости, а еще, если ты запомнил, у меня есть босс! Рабочий день окончен, так что возвращайся домой — ну, или где там ночуешь...

— Раз так, я подыщу другое место, — пробормотал Санджай и ушел, пошатываясь от усталости, под укоризненным взглядом Сэма.

У него оставался один час до начала новой смены — ровно столько, чтобы успеть вернуться в Испанский Гарлем, принять душ и переодеться. Но встретаться с Лали, а тем более говорить с ней у него не было сил. Он прошел пешком два квартала, доплелся до Вашингтон-сквер-парка и растянулся на первой же скамейке.

Услышав характерный шорох, Санджай открыл глаза и увидел, как кресло Хлои поворачивает за угол аллеи. Он поскреб себе щеку, провел рукой по груди и нащупал листок бумаги. Там было написано: «Юмор — важнейшее качество. Мне очень нравится ваша идея».

Санджай спрятал записку в карман и побежал в сторону Пятой авеню. Увидев в витрине свое отражение, он забеспокоился, прилично ли выглядит. Субъект, спящий на скамейке, весь помятый, мягко говоря, малоаппетитное зрелище. Он не воспользовался парадным входом, а вошел в дом со служебного, чтобы, натянув форму, предстать перед Дипаком.

— Где твоя фуражка? — нахмурился дядя.

— Извините, забыл...

— Хотелось бы знать, где и при каких обстоятельствах... Пока что надень мою. Кажется, принять душ ты тоже забыл.

Ночь принесла покой. Санджай дожидался возвращения домой последнего жильца. Моррисон вошел в холл, сильно раскачиваясь, потом попятился и совершил разворот под козырьком. Санджай бросился ему на выручку, когда он уже собрался переходить на другую сторону улицы.

— Любите Гайдна? — спросил его Моррисон, икнув.

— Я его не знаю.

— Это какой-то ужас! Дерьмовое исполнение, если вам интересно мое мнение! Где это видано, чтобы контрабасист корчил гримасу при каждом движении смычка? Выпьем? Я знаю здесь рядом прелестный бар...

— Ваш лучше лечь спать, если, конечно, не возражаете.

— Молодой человек, это недоразумение, я никогда не ложусь. И вообще, я вас не знаю, кто вы такой? — спросил он, пока Санджай решительно вел его к лифту.

— Ваш ночной лифтер.

— В этом проклятом здании творится нечто непонятное. Мне объяснили, что поставят кнопки. Заметьте, никто не уточнил, на которую из них мне жать.

Санджай задвинул решетку и налег на рычаг. Кабина поехала вверх, а Моррисон сполз по стенке вниз.

— Три фразы! Я произнес всего три короткие фразы и не пел вам колыбельную, — прорычал от натуги Санджай, пытаюсь поставить его на ноги.

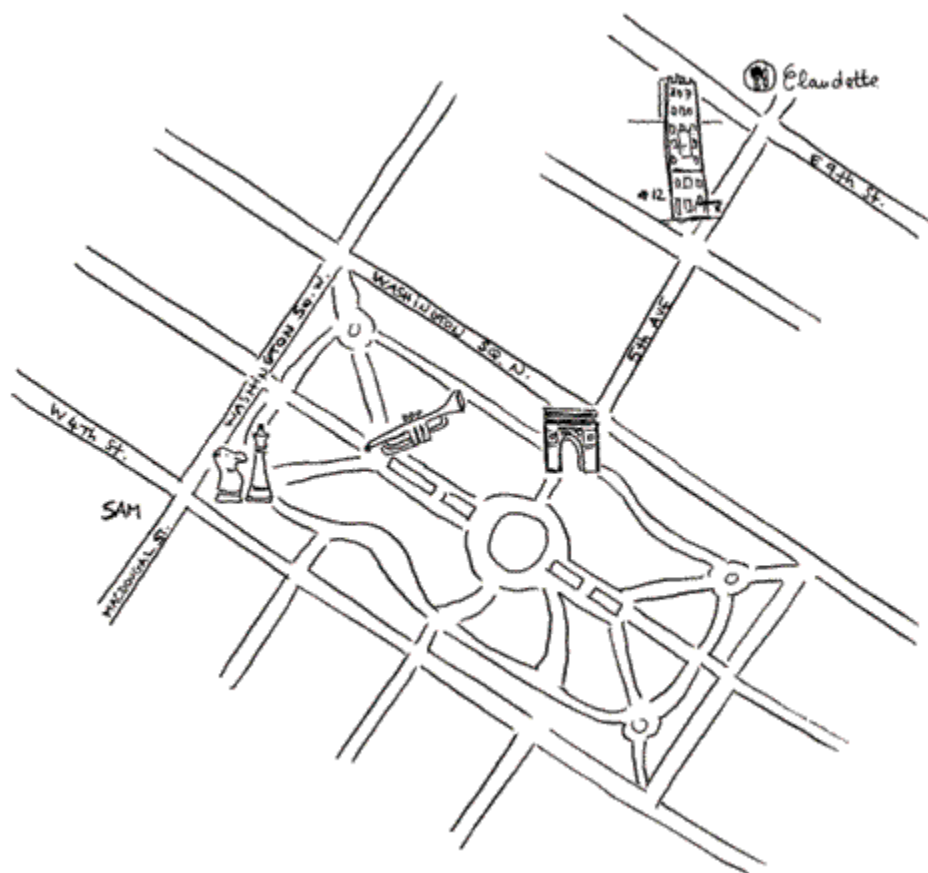
Удерживая Моррисона на площадке в вертикальном положении, он перебрал несколько ключей из связки Дипака, пока не нашелся подходящий. В коридоре он задумался, какая из дверей ведет в спальню. Сам Моррисон даже не пытался ему подсказать. Спальня обнаружилась за третьей по счету дверью. Санджай уложил хозяина на кровать и, услышав, как тот стонет, преисполнился жалости и стащил с него ботинки. Протертые пятки носков и дырки на пальцах выразительнее всего свидетельствовали об одиночестве этого низенького дородного господина. Санджай снял с него пиджак, взбил подушки, укрыл спящего пледом и вышел из спальни.

Проходя мимо ванной, он заколебался, а потом решил, что риск невелик. Слишком заманчиво было встать под спасительный душ. Он схватил с полки жесткую мочалку и стал ожесточенно себя скрести.

Так же невозможно оказалось не поддаться соблазну и не прилечь на диван в гостиной: уж слишком ломило спину после ночи на мраморном полу в холле.

Санджай поставил время в будильнике сотового телефона и положил его под щеку на подушку. Закрывая глаза, он гадал, когда вечером Хлоя выйдет из квартиры. Что толку изображать лифтера, если она заперлась у себя? И какая его мысль так ей приглянулась? Он надеялся, что вскоре сможет сам задать ей этот вопрос.

В 4 часа утра давление в мочевом пузыре погнало Моррисона в ванную. На обратном пути он услышал доносившийся из гостиной храп, увидел спящего на его диване индийца и дал себе слово покончить с пьянством.

Дипак удивился, обнаружив, что его племянник свеж и бодр.

— Ты не покидал ночью свой пост? — подозрительно спросил он.

— Ни на мгновение! — заверил его Санджай.

— В таком случае у тебя не волосы, а та самая самоочищающаяся печка, о которой мечтает Лали. Когда-нибудь я ее ей подарю... Я принес тебе чистую одежду, то есть получил ее от твоей тетушки. — Он протянул ему сверток. — Сегодня вечером я задержусь подольше, это она меня попросила задержаться, чтобы ты немного пришел в себя. Можешь сменить меня в восемь вечера.

Выйдя из здания, Санджай поискал взглядом окна последнего этажа. Ему показалось, что он видит Хлою, и помахал ей рукой.

Она отъехала от окна, держа в руке найденную под дверью записку.

«Не знаю, о какой мысли вы говорили, но меня посетила еще одна. Встретимся в 17:30 в парке. Главное, в этот раз не постесняйтесь меня разбудить. Санджай».

— У вас приятное имя, я такого никогда не слышала, — сказала она, подъезжая к Санджаю, ждавшему ее на скамейке.

— Ваше вызвало бы в Мумбаи фурор, — ответил он, вынимая из пачки вафлю и протягивая ей. — Купил на углу, на вид вкусные.

— Вы не сомневались, что я приду?

— Я не сомневался, что в случае чего съем обе.

— Может, прогуляемся? — предложила Хлоя.

Санджай зашагал рядом с ней. С языка просился вопрос, но он терпел целую минуту. И в конце концов не выдержал:

— Что произошло между вами и Шопенгауэром?

— Вас действительно интересует моя жизнь или вы спрашиваете из вежливости?

— Из вежливости, — сказал Санджай.

— Пойдемте к фонтану, это самое веселое место в парке.

Она была права. Начинающий жонглер пытался ловить мячики, женщина рисовала цветными мелками портреты на асфальте, двое мужчин самозабвенно обнимались в траве, дети ловили струйки воды. Санджай сел на край фонтана, Хлоя остановила перед ним свое кресло и принялась рассматривать свой плед.

— Я не всегда была такой. Теперь меня стало меньше, и это плохо повлияло на нашу с ним историю.

— Ваш юмор, реплики, ваш взгляд, даже ваша улыбка — всего этого ему оказалось мало?

— Я предпочла бы сменить тему.

— А я нет.

— Очень мило с вашей стороны, но, поскольку вы поневоле стали свидетелем этого разрыва, я вам напоминаю, что ушла от него сама.

— Не совсем...

— Как это «не совсем»?

— Это был разрыв со мной. Я не могу на вас за это сердиться, вы ошиблись номером, но сейчас, думая об этом, я, наверное, предпочел бы, чтобы той ошибки не было.

— Хотите, чтобы я от вас ушла? — шутливо спросила Хлоя.

— Согласен, я говорю невразумительно, но все же попытайтесь меня понять. Если бы то сообщение предназначалось мне, это означало бы, что мы вместе.

У Санджая был такой смущенный вид, что она не удержалась и рассмеялась.

— Никогда не слышала ничего более абсурдного! У вас мозги набекрень!

— Необходимо быть немного свихнутым, чтобы окончательно не свихнуться.

— Вы даже не представляете себе, насколько моя жизнь в последние годы подтверждает ваши слова.

— Вы ему больше не звонили?

— Вы о ком?

— Сами знаете.

— При чем тут вы?

— Дипак велел мне вас охранять, я исполняю свои обязанности лифтера, только и всего.

— Зачем вы мне наплели, будто вы бизнесмен?

— Вы живете на верхнем этаже шикарного дома, разве это не достаточная причина?

— Сейчас я здесь, и у меня впечатление, что вы за мной ухаживаете, пусть неуклюже, но...

— Договаривайте!

— Похоже, вы не придаете большого значения видимости. Я знаю, о чем говорю.

— В моей стране о видимости нет речи, люди из разных кругов не общаются. Вы поужинаете с лифтером?

Хлоя отвернулась:

— Смена декораций. Завтра я уйду из студии в пять часов вечера, адрес вы знаете...

— Да, у меня была встреча там неподалеку.

Хлоя уехала, а Санджай еще долго сидел на бортике фонтана. Перед уходом он перезвонил Сэму, который уже несколько раз пытался с ним связаться. Люди из банка «Холтингер и Мокимото», ознакомившись с их досье, пригласили их на встречу. Заполучив таких акционеров, можно было быстро собрать недостающий капитал.

— И не говори, что еще рано праздновать! Я заказал столик в «Мими», это один из лучших ресторанов во всем городе. Там такая французская кухня, что твой пата врап по сравнению с ней — несъедобная отравка, впрочем, так оно и есть.

— Вада пав. Ты ничего в этом не смыслишь. Сегодня вечером я не могу.

— Если дело в твоей Отис, то пригласи ее поужинать вместе с нами.

— Это будет сложновато, она весит не меньше трех сотен кило, и это на пустой желудок.

Сэм тяжело вздохнул и оборвал связь.

В этот вечер, заступив на пост, Санджай сразу завертелся как белка в колесе.

Он не знал, как зовут мужчину, вошедшего в холл с чемоданчиком в руке, но не мог отделаться от чувства, что где-то его уже видел. Санджай вышел из-за конторки и спросил, чем может быть ему полезен.

— На девятый, пожалуйста, — ответил профессор.

— О вас сообщить?

— Нет, пусть будет сюрприз. Хлоя уже дома?

— Я не имею права отвечать — таковы правила, — отрезал Санджай, задвигая решетку лифта.

— Кто установил эти правила? — поинтересовался профессор, когда они миновали четвертый этаж.

Только на пятом Санджай вспомнил, что видел своего пассажира в обществе Хлои в ресторане «Клодетт».

— Не уверен, что она любит сюрпризы. Кстати, многие женщины сюрпризы терпеть не могут. А мое дело — следовать правилам, — проворчал Санджай, дернув за рычаг.

Кабина содрогнулась и зависла между седьмым и восьмым этажами. При иных обстоятельствах профессионализм лифтера, заменявшего Риверу, позабавил бы профессора Бронштейна, но он добирался десять часов с Западного побережья на Восточное, и его чувство юмора, как и его силы, было на исходе.

— С вашей стороны было бы очень любезно снова включить лифт.

— Сначала скажите, кто вы такой.

— Ее отец, — сухо ответил профессор.

Санджай с достоинством взялся за рукоятку.

— Приношу вам свои извинения, я предпочел бы встретиться с вами при более благоприятных обстоятельствах, однако...

— Вы следуете правилам, — перебил его профессор. — Я все понял. А теперь, если не возражаете, я бы с радостью вернулся домой и обнял дочь, которая, уверяю вас, будет счастлива снова меня видеть.

— Я тоже... Нет, я не это хотел сказать... Доброй ночи, мистер Хлоя... опять я говорю не то... — пролепетал он. — Тут такое дело, я не знаю ее фамилию, то есть вашу, Дипак всегда называет ее «мисс Хлоя».

— Бронштейн, профессор Бронштейн.

Санджай спустился вниз, багровый как пион. Стоило ему выйти в холл, как его вызвали на восьмой этаж.

Уильямсы были в вечерних нарядах: он в смокинге, она в длинном платье.

— Роскошно выглядите, — не удержался от комплимента Санджай. Муж и жена разинули рты от удивления.

Немного погодя собрались выходить Леклеры: эти боялись опоздать в кино.

— Что за фильм? — осведомился Санджай.

— «Ла-Ла Ленд», — ответил Леклер.

— Я слышал о нем самые благоприятные отзывы... Главное, что актеры превосходно танцуют, — болтал Санджай, провожая до двери.

Под козырьком Леклеры весело переглянулись, затем сели в такси, которое остановил для них Санджай.

Моррисон решил не ехать в оперу. Он вообще отказался выходить из дому. Весь вечер он расхаживал по своей гостиной, бросая испуганные взгляды исподлобья на свой диван и наливая себе одну рюмку виски за другой.

Еще более необычным был вызов, поступивший в 20:50 от миссис Коллинз. К лифту она вышла с чемоданчиком. Она сама заговорила с лифтером и пожаловалась, что не смогла запереть дверь.

— У меня никогда не получается! Обычно это делает за меня Дипак.

Санджай предложил свою помощь, однако миссис Коллинз ответила, что у нее настолько капризные замки, что завтра она может вовсе их не отпереть.

— Я не буду ночевать дома, — прокудахтала милая старая леди. — Мы играем в бридж у подружки, она живет в Верхнем Вест-Сайде. Вечера, на которых мы позволяем себе выпить лишнего, заканчиваются поздно, и я предпочитаю ночевать у нее.

— Если хотите выиграть, много не пейте, — посоветовал Санджай.

— Спасибо за разумный совет, молодой человек, — сказала она, захлопывая дверцу такси.

К полуночи все жильцы вернулись домой. Везя наверх Леклеров, Санджай поинтересовался, понравился ли им фильм.

— Очаровательная музыкальная комедия, — ответила удивленная мадам Леклер.

Санджай настоятельно порекомендовал им посмотреть «Когда Гарри встретил Седжал» — ремейк, где танцуют гораздо больше, чем в оригинальном фильме.

Воспользовавшись отсутствием миссис Коллинз, Санджай пустил в ход свою связку ключей, чтобы устроиться на ночлег в ее гостиной.

День, когда я отказалась от протезов

Когда я их надеваю, в мою плоть впиваются два лезвия. Чтобы стоять прямо, требуется сверхчеловеческое усилие, шагаю я, как плохо свинченный робот, шатаюсь, как матрос на палубе застигнутого бурей корабля, хватающийся за все подряд, чтобы не упасть за борт.

Когда я стою, я уже не женщина.

Пусть мои протезы спят в шкафу, а я буду сидеть. Надо принять жизнь такой, какая она есть, и перестать притворяться.

Мистер Мокимото два часа подряд слушал Сэма, время от времени что-то записывая. Потом вдруг постучал ручкой по столу, давая понять, что встреча завершена.

— Будьте добры, оставьте нас ненадолго вдвоем, — попросил банкир Сэма.

Чтобы Сэм не беспокоился, Санджай дал ему понять уверенным взглядом, что сумеет продолжить разговор без него. Сэм собрал свои бумаги и вышел в коридор, где стал терпеливо ждать.

— Ваш партнер весьма убедителен, — заговорил Мокимото.

— Но... — подсказал ему Санджай.

— Почему вы думаете, что есть «но»?

— Потому что «но» есть всегда.

— Мне хотелось бы узнать, что на самом деле навело вас на мысль об этом проекте.

— Не уверен, что вам это будет интересно: деловому мир чужд идеализм. Но раз вы спрашиваете... Мой алгоритм работает не так, как другие. Он не выдает сведения, которых вы ожидаете и которые соответствуют вашему способу мышления. Если быть точным, сначала он делает именно это, но только сначала. Потом он понемногу начинает предлагать иные точки зрения, свидетельства, ощущения, приоткрывает окна в жизнь других людей. Моя социальная платформа уделяет больше внимания человеческим, а не виртуальным отношениям. Участнику предлагается поделиться фотографиями мест, где он бывает, назвать произведения, которые ему нравятся. Пользователь может выбирать собственные параметры конфиденциальности, оставаясь хозяином своей частной жизни. В отличие от Фейсбука, здесь нет ни одного алгоритма, который определял бы порядок предоставления пользовательской информации. Еще оригинальнее запрет на рекламу: наши пользователи — не

дойные коровы, нам не нужны их данные. Короче говоря, мы кардинально отличаемся от наших конкурентов, вопреки тому что здесь утверждал Сэм. Наши пользователи устанавливают отношения исходя не только из того общего, что у них есть, но и из различий между ними. Пользователи социальных сетей находятся под колпаком, они разъединяют, противопоставляют нас, поощряют кастовость, выгодную правящим классам, а ведь именно она разъедает Индию. Представьте себе общество, где люди не поливают грязью, а слушают друг друга. Мы хотим, чтобы благодаря нам люди научились лучше узнавать, понимать друг друга, научились взаимному уважению, расширили свои горизонты, хотим потушить пламя ненависти, подпитываемое невежеством.

— Мягко говоря, шокирующий подход!

— Вот и родня моя твердила то же самое. Я подозревал, какой будет ваша реакция. Возможно, усилия Сэма пойдут насмарку, но я не привык лицемерить, — добавил Санджай и поднялся с места.

— Подождите, мы еще не закончили. Моему сыну двадцать три года. Позавчера он высказал мне все, что думает о том, как дурно управляет страной наше правительство. Америка разобщена сильнее, чем когда-либо прежде, неравенство усугубляется, власти ни перед чем не останавливаются. Не буду продолжать, потому что он и меня не пощадил. Я сознаю, что его критика вполне обоснованна. Мои друзья с редким упорством ведут к упадку все: программы образования, здравоохранение, экологию, правосудие, гражданские свободы. На прошлой неделе третий человек в государстве хвастался, что провел налоговую реформу, благодаря которой учительница сможет зарабатывать на полтора доллара в неделю больше. Пол Райан получил полмиллиона долларов от братьев Кохов, могущественных промышленников, заплативших благодаря ему на полтора миллиарда меньше налогов. Я не жалею, потому что, подобно всем магнатам в стране, выигрываю от этой реформы и никогда не имел таких доходов, как в этом году. Поэтому я поставил перед сыном следующую проблему: какой будет его реакция, когда я как банкир лишу его дома, машины, медицинской страховки, увеличу стоимость обучения его детей, установлю потолок его зарплаты, вообще уволю, чтобы заменить более выгодной, чем он, машиной, — короче говоря,

поставлю крест на всех его надеждах на достойную жизнь? Он взбесится и будет меня презирать? Он ответил, что и то и другое уже происходит. Но его бешенство ничего не дает, оно прибавляет ненависти и безнадежности в этом мире, только и всего. Мне наплевать на такие эмоциональные реакции, пусть даже вызванные благородными порывами, они нисколько не мешают нам все сильнее закабалить его поколение. Мы все прибрали к рукам: промышленность, торговлю, сельское хозяйство, банки, даже информацию, мы давно скупили политические партии.

— Зачем вы так унижаете сына?

— Чтобы он перестал воображать, будто его бесплодная мораль превращает его в хорошего человека. Чтобы меньше думал, меньше мучил воду, чтобы берег силы, ел, пил, любил, поменьше возмущался и бунтовал. Чтобы жил!

— Какое все это имеет отношение ко мне?

— Сейчас поймете. У нас столько денег, что мы не знаем, куда их девать. Мы слишком далеко зашли, мои друзья скупают демократии, их властные аппетиты неутолимы. Назовите это угрызениями совести, если хотите, но мне тоже хочется, пока не поздно, внести в систему немного беспорядка. У меня есть на это средства. Так что скажите вашему другу, ждущему за дверью, чтобы прислал мне контракты. Будут вам деньги, если вам годится такой инвестор, как я.

Санджай внимательно посмотрел мистеру Мокимото прямо в глаза и поспешно вышел за дверь.

Пулей пролетев мимо Сэма, он сбегал вниз по лестнице, сел в такси и поехал на 28-ю улицу.

Хлоя ждала на тротуаре. Санджай извинился за опоздание, ухватился за рукоятки ее кресла и покатил его бегом, лавируя между пешеходами.

— Что вы делаете?!

— Соревнуюсь с автобусом. Держу пари, мы добежим до реки раньше, чем доедет он.

— С чего вы взяли, что он едет к реке?

— К черту автобус! А вот мы едем именно туда!

— Можно узнать причину вашего приподнятого настроения? — спросила она, когда Санджай наконец перешел с бега на шаг.

— Я с вами — разве этого недостаточно?

— Я такая растяпа! Забыла в кабине звукозаписи книгу. Надо ее забрать.

— Я съезжу за ней позже.

— Почему вы ради меня так стараетесь?

— Люблю оказывать услуги... иначе не работал бы лифтером.

По пути к Гудзону они очутились под старой надземной железной дорогой, превращенной в прогулочную аллею. Санджай задрал голову, восхищенный грандиозной стальной конструкцией. Потом Хлоя указала ему на лифт: он привез их на 30-ю улицу.

Они прогуливались по зеленой аллее, ведущей от Челси до Митпэкинга. Мимо них проскочили двое бегунов и быстро скрылись вдали.

— Не хочу хвастаться, но несколько лет назад я запросто обогнала бы их.

— Вам никогда не хотелось попробовать протезы?

— Вместо ног? У меня в шкафу лежат две штуки, чудо с железными икрами и керамическими лодыжками. Но у них одно назначение — делать приятнее жизнь тех, кто на меня смотрит, а вовсе не мою.

— Я говорю не об эстетике, а о том, чтобы вы снова встали и пошли.

— Попробуйте денек поковылять на ходулях, тогда и поговорим.

— Необязательно носить их постоянно. Мой отец снимал очки перед сном, хотя ему случалось задремывать прямо в них в разгар дня.

Хлоя рассмеялась.

— Что я такого сказал?

— Вы настолько естественны, что это обезоруживает!

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, хотя не для всех. Для меня — да.

— Больше всего на свете мне хочется вас обезоружить.

— Лучше прекратите!

— Что прекратить?

— Вашу игру в соблазнение. Сначала это нравится, а потом становится больно, как от протезов.

— Это не игра. Слушайте, чего вы боитесь? Что кто-то проявит к вам интерес?

Хлоя повернулась к пешеходному мосту над Десятой авеню.

— Видите ту пару? Глаз с нас не сводят. Вот как их заморозило мое кресло!

— Какая вы придирчивая!

— Спасибо, хоть я не понимаю, в чем это выражается.

— Вы твердо уверены, что к вам приковано внимание людей. Эти, между прочим, наблюдают за мной, гадая, кто я, друг или слуга? Заметьте, я и вправду ваш лифтер.

— Что за ерунда!

— Коляска у вас и вправду что надо, зато у меня смуглая кожа. Что, по-вашему, больше их шокирует?

Хлоя уставилась на Санджая.

— Подойдите-ка! — скомандовала она.

Обняв Санджая за шею, она поцеловала его в губы. Поцелуй был киношный, но все же поцелуй, от которого смуглые щеки Санджая заалели.

— Так-то вот! Пусть знают, что вы не слуга.

— Для вас так много значит чужое мнение? — спросил Санджай.

— Мне глубоко наплевать на чужое мнение! — с жаром сказала она.

— Глубоко?

— Повторить?

— Зачем тогда было меня целовать?

И, не дав Хлое ответить, Санджай вернул ей поцелуй — в этот раз не по-киношному, а по-настоящему.

Сердцебиение у обоих пришло в норму далеко не сразу. Они молча смотрели друг на друга, не скрывая удивления. Потом продолжили прогулку, но уже молча.

На улице, куда они спустились, было так много туристов, что проехать в толпе Хлое было почти невозможно. Санджай заметил магазин мороженого. Сидеть там можно было только на высоких табуретах за высокими столиками, поэтому Санджай уселся по-турецки на пол перед креслом Хлои.

— Впервые в жизни вижу мужчину у моих ног, — с улыбкой проговорила она.

В ответ Санджай приподнял край ее пледа и скорчил недоуменную гримасу. Хлоя не обиделась, а еще больше развеселилась.

— Вы не спрашивали, что со мной произошло.

— Это хорошо или плохо?

— Сначала я думала, что вы боитесь, но потом...

— Что было потом?

— Потом я решила, что вы очень деликатны.

— Что, если я просто эгоист, которому все равно, что с вами произошло?

— Тоже вариант, — кивнула она.

Санджай посмотрел на нее и встал.

— Перед тем как заступить на службу, я должен сделать одно важное дело. Сможете сами вернуться?

— Должна смочь.

— В таком случае, мисс, позвольте откланяться, пока моя карета снова не превратилась в тыкву.

Он чмокнул Хлою в затылок и был таков.

Санджай скоротал ночь в холле, за книгой, которую забрал из студии звукозаписи.

После каждой главы он выходил на улицу, пересекал мостовую и поднимал глаза к окнам девятого этажа, после чего возвращался за конторку и снова садился читать.

В одиннадцать часов утра в холл вошел полицейский. Предъявив значок, он осведомился, не проживает ли по этому адресу миссис Коллинз.

— С ней что-то случилось? — испугался Дипак.

Вместо ответа полицейский попросил проводить его на нужный этаж.

Дипак имел дело с полицией единственный раз в жизни, в тринадцать лет, и до сих пор иногда ему снилось, что его колотят дубинкой. В лифте инспектор обратил внимание на то, что лежащая на рычаге рука у него дрожит.

Миссис Коллинз, открывшей дверь, он тоже предъявил значок.

— Вы не теряете времени, я звонила всего час назад.

— Обычно люди жалуются, что мы не торопимся, — проворчал инспектор Пильгес. — Можно войти?

Миссис Коллинз посторонилась и подмигнула Дипаку, бледному как полотно. В гостиной она изложила полицейскому факты: утром, одеваясь, она хватилась дорогого ожерелья. Она почти не сомневалась, что накануне ожерелье лежало, где ему полагалось: она собиралась надеть его в гости к подруге, но выбрала другое украшение.

— Что за подруга? — спросил инспектор безразличным тоном.

— Филомена Толливер, мы знакомы с незапамятных времен. Раз в три месяца она устраивает у себя дома турнир по бриджу. Там всегда много спиртного, поэтому я предпочитаю ночевать у нее.

Инспектор записал имя и адрес.

— Часто вы ночуете не дома?

— Раз в три месяца.

— Кому, помимо самой вашей подруги и ее гостей, заранее известна дата турнира?

— Ее дворецкому, работникам ресторана, где Филомена заказывает еду — сама она даже яйцо не сварит, — привратнику, может, кому-то еще — откуда я знаю?

— В такси по дороге к ней вы говорили, что не вернетесь ночевать?

— Возраст, конечно, дает о себе знать, но сама с собой я пока что не разговариваю.

— У вас есть привычка отсутствовать днем в одно и то же время?

— Мне случается выходить днем.

— Куда вы ходите?

— Какое это имеет отношение к расследованию? Я гуляю. Разве нельзя?

— Я не хочу вам докучать, мэм, просто пытаюсь составить список лиц, знающих, когда в вашей квартире никого нет.

— Понимаю и постараюсь оказать вам максимальную помощь, — сконфуженно ответила миссис Коллинз.

— Где вы видели ваше ожерелье в последний раз?

— Там, где я его держу с тех пор, как мне подарил его покойный муж, — в шкатулке.

В гардеробной миссис Коллинз царил кавардак: одежда валялась на полу, в углу были набросаны банные полотенца, ящики комода выдвинуты.

— Изрядно порылись! — сказал со вздохом инспектор.

Миссис Коллинз молча склонила голову. Видя ее огорчение, полицейский не мог ей не посочувствовать.

— Ограбление всегда застает врасплох, — сказал он.

— Дело не в этом, — пробормотала миссис Коллинз. — У меня всегда беспорядок. Уж как муж меня за это упрекал! Тут не поймешь, кто больше виновен в хаосе — грабители или я сама.

— Понимаю. В таком случае проверьте, не находится ли ваше ожерелье где-нибудь среди этого беспорядка. Ящики не трогайте, мне

нужно будет снять отпечатки пальцев. Ваши, кстати, тоже — чтобы знать, какие ваши, а какие — нет.

— Конечно! — сказала миссис Коллинз. — Вы мне поможете?

— Увы, не смогу. Я должен осмотреть замки. У вас есть черный ход?

— Дверь в кухне, — ответила миссис Коллинз, указывая на коридор.

Вскоре полицейский вернулся в гардеробную. Беспорядок никуда не делся, хотя теперь выглядел несколько иначе.

— Это единственная украденная у вас драгоценность?

— Не знаю, остальные — подделки, до них мне нет дела.

— Значит, грабитель знал, что искать. Осталось выяснить, как он сюда проник.

— Мне не удалось толком запереть дверь, знатоку ничего не стоило ее открыть.

— Не вижу следов взлома. Мастерская работа — если не иметь ключей.

— Откуда у него ключи? Они всегда при мне. — И миссис Коллинз предъявила полицейскому раскрытую сумочку.

— Вы не заметили ничего необычного? Может быть, в последнее время за вами кто-нибудь следил?

Миссис Коллинз энергично помотала головой.

— Что ж, у меня все. Вам придется явиться в участок и написать заявление. Вы застрахованы?

Миссис Коллинз ответила утвердительно. Инспектор протянул ей визитную карточку и попросил позвонить, если она вспомнит какие-то подозрительные подробности.

Спускаясь с Дипаком вниз, полицейский задал ему вопрос:

— Вы не замечали в последние дни что-либо необычное?

— Зависит от того, что считать обычным, — лаконично ответил Дипак.

— Полагаю, в доме такого уровня скучать не приходится, — продолжил Пильгес. — Тут уже случались ограбления?

— Последние тридцать девять лет — с тех пор, как я здесь работаю, — ни разу.

— Мутная история... — пробормотал полицейский. — Как у вас с камерами наблюдения?

— Три штуки. Наверное, вам понадобятся пленки с записями?

— Понадобятся. Чужие в последнее время заглядывали? Гости, сборщики пожертвований, ремонтники?

— Никого, кроме двоих монтеров по лифтам, но с ними все время находились мы с мистером Грумлатом.

— Кто такой мистер Грумлат?

— Бухгалтер, на втором этаже у него контора. Он также председатель товарищества жильцов.

— К нему ходят клиенты?

— Очень редко, практически никогда.

— Посыльные?

— Мы не пускаем их дальше холла, посылки разносим сами.

— Мы?

— Второй лифтер, Ривера, работает в ночную смену, я — в дневную.

— Во сколько заступает ваш коллега?

— Сейчас он не заступает, лежит в больнице. Неудачное падение с лестницы.

— Неужели? И давно?

— Пару недель назад.

— Кто его заменяет?

Прежде чем ответить, Дипак помялся.

— Это нетрудный вопрос, — поторопил его инспектор.

— Последние две недели его заменяет мой племянник.

— Где этот племянник живет?

— У меня.

— Больше нигде?

— Еще в Мумбаи. В Нью-Йорке он временно. Когда с Риверой произошло несчастье, он любезно предложил свои услуги. Лифтом может управлять только квалифицированный лифтер, поэтому из-за отсутствия моего коллеги у нас возникли трудности...

— Ваш племянник, прибывший из Мумбаи, тут же заменяет вашего коллегу, свалившегося с лестницы? Интересно тут у вас! У него есть разрешение на работу?

— Документы у него в порядке, профсоюз все оформил, к тому же Санджай — честный парень, я за него ручаюсь.

— Очень мило с вашей стороны, но это еще не алиби. Что ж, несите свои записи. Вдруг мне повезет и они окажутся разговорчивее вас? Передайте племяннику, что в ближайшее время я жду его в участке. Мне надо задать ему кое-какие вопросы.

Дипак принес из подвала кассеты.

— У этой миссис Коллинз все в порядке с головой? — спросил Пильгес.

— Среди наших жильцов она — самая очаровательная и здравомыслящая.

— Давно умер ее муж?

— Мистер Коллинз покинул нас двенадцать лет тому назад.

— Когда возвращаются домой жильцы? Мне нужно будет их допросить, и я не намерен ходить сюда раз за разом: на дело века это не тянет.

— Вы сможете увидеть их всех ранним вечером, — ответил Дипак.

Хлоя направлялась в кухню, но на полпути свернула в коридор. Никаких новых записок за ночь под дверью не появилось. Открыв дверь квартиры в десять часов, чтобы ехать в студию, она подняла с половика свою книгу, заложенную листком бумаги.

«Мне нужно попросить вас об одной услуге, — было написано на листке. — Встретимся в 18 часов на углу авеню, у парка».

Сеанс звукозаписи показался ей нескончаемым: в кабине было жарко, звукорежиссер то и дело прерывал ее. То она плохо артикулирует, то пропустила строчку, то слишком торопится, то, наоборот, читает слишком медленно. К 4 часам Хлоя решила, что с нее довольно.

Приехав домой, чтобы переодеться, а потом снова выходя, она заметила, что Дипак ведет себя странно. С этой мыслью она приехала на место встречи, где Санджай ждал ее, привалившись к решетке парка.

— Почему не у меня перед домом? — спросила она.

— Не хочу, чтобы меня видел Дипак.

— Вас или нас?

— Я задумал преподнести тетушке подарок за гостеприимство. Примерно представляю, что могло бы ее порадовать, но хочу узнать ваше мнение.

Поскольку Санджай был не на службе, он предложил Хлое повезти ее кресло.

— Нет, водитель из вас никудышный, — не позволила она. — Куда направимся в этот раз?

— Недалеко, в двух кварталах отсюда.

— Вы с Дипаком родственники?

— Почему вы так думаете?

— Просто так.

— Оба мы, конечно, индийцы, но, учитывая, сколь на свете ин...

— Забудьте, вопрос был дурацкий.

— Он женат на моей тете.

— Выходит, мой вопрос был не совсем дурацким.

Санджай толкнул дверь цветочного магазина на углу Университи-Плейс и 10-й улицы.

— Я вам понадобилась для покупки цветов?

— Не представляю себе, какие могут ей понравиться.

— Лично я предпочитаю старомодные розы вроде этих, — сказала Хлоя, указывая на букет «Абрахам Дерби». — Но для тетушки я бы посоветовала вам не цветы, а кое-что другое.

Она потащила его в чайный салон.

— Набор пирожных! Дипак тоже с удовольствием ими полакомится.

— Странно, можно подумать, что вы знаете их лучше, чем я.

— Что же тут странного? Я знаю Дипака много лет.

— А какое нравится вам? — спросил ее Санджай перед витриной.

Заказав чай «Ассам», они съели по безе и почему-то засмутились.

— Я как-то не привык... — заговорил Санджай.

— Покупать цветы?

— Целовать малознакомую женщину.

— Я сама вас поцеловала, хотя тоже не имею такой привычки, особенно сразу после расставания с...

— Раз так, нам остается только притвориться, будто этого вообще не было.

— И как мы это сделаем?

— Например, начнем вести себя как взрослые.

— Подумать только, человек, устроивший вчера со мной сумасшедший забег, не может сам выбрать букет цветов! Но если вам так хочется...

Санджай привстал, чтобы поцеловать Хлою, но она мягко отвернулась.

— Когда Ривера поправится, вы вернетесь в Мумбаи?

— Если он быстро поправится, то да.

— А если нет, то еще быстрее?

— У меня есть две, от силы три недели.

— В таком случае нам действительно лучше притвориться, что...

— Какое расстояние нас разделяет: целый океан или всего восемь этажей?

— Не бойтесь меня обидеть. Думаете, такая, как я...

— Я никогда не встречал таких женщин, как вы.

— Вы сами сказали, что едва меня знаете.

— Люди сплошь и рядом по неведомым причинам проходят мимо друг друга. Что страшного в том, чтобы урвать немного счастья? Если бы на день выздоровления Риверы был назначен конец света, разве не стоило бы прожить оставшееся время на полную катушку?

Глядя на Санджая, Хлоя неуверенно улыбнулась.

— Попробуйте еще раз, — прошептала она.

— Убедить вас, что мы не должны упускать шанс?

— Нет, поцеловать меня. Только постарайтесь не опрокинуть чайник.

Санджай пересел к Хлое и обнял ее.

— Если в день выписки Риверы из больницы случится конец света, это будет большой несправедливостью по отношению к нему, — сказала Хлоя, когда они покинули чайный салон.

В шесть часов вечера инспектор Пильгес снова наведлся в дом № 12 по Пятой авеню, чтобы допросить жильцов.

Миссис Зелдофф затряслась от страха, узнав, что в доме совершено ограбление. Она ничем не помогла следствию и по неведомой пока что ей самой причине ни словом не обмолвилась о подозрениях, которые недавно вызывали у нее лифтеры. Скорее всего, она смекнула, что, не будь их, грабители побывали бы и в ее квартире.

Моррисон мучился тяжким похмельем. Немного помявшись, он признался, что вроде бы видел цветного мужчину, спавшего в его гостиной. Инспектор сосчитал пустые бутылки у него на столике и пошутил, что если и дальше пить не закусывая, то в кухне непременно появится сам Дональд Трамп в чем мать родила и это окажется в жизни бедняги наиболее травмирующим переживанием.

Леклеры ничего не видели и не слышали. Мадам Леклер сочла необходимым перечислить, чем занималась в последние дни, так что инспектору, ни о чем подобном не просившему, пришлось ее прервать, сказав, что он ее ни в чем не подозревает.

Миссис Уильямс оказалась еще болтливее и рассказала об инциденте, имевшем место во время попытки монтеров модернизировать лифт. Она за считанные минуты нашла решение загадки. По ее словам, монтеры сами испортили детали, а потом, дабы в доме раз и навсегда отказались от идеи модернизировать лифт, устроили ограбление и всех до смерти напугали. Инспектор усомнился, что коллега Дипака, в его возрасте, мог шутки ради прыгнуть со служебной лестницы. От миссис Уильямс пахло лекарствами: этот тяжелый запах напомнил Пильгесу запах камфарной мази, которую его тетя Марта употребляла для лечения вен, отчего он испытал к миссис Уильямс резкую неприязнь.

— Я провела свое расследование, — заявила она. — Чего только не происходит в этом доме! Я выяснила, что новый лифтер — родственник Дипака. Вы не находите это странным?

— Расследование вряд ли отняло у вас много сил. Лифтер сам сообщил мне об этом родстве, прежде чем я его спросил. В прошлом году крестница моей жены работала у нас в участке секретарем, можете назвать это протекцией, я не против, но этого все-таки мало, чтобы обвинить мою жену в ограблении...

— Раз вы отказываетесь делать вашу работу, то не отнимайте у меня время! — взорвалась миссис Уильямс.

«Вот и мне надоело напрасно тратить время», — подумал инспектор и вышел, хлопнув дверью.

Встретив в холле Хлою Бронштейн, Пильгес напросился к ней в гости на разговор.

Он рассказал ей о происшедшем и обратил внимание, что она оказалась единственной, кто проявил к миссис Коллинз сочувствие. Отвечая на вопросы полицейского о лифтерах, Хлоя задала ему встречный вопрос: не сплетничала ли на их счет миссис Уильямс. Та уже год как страдает острой ксенофобией, достаточно ознакомиться с хроникой ее мужа на канале «Фокс», чтобы убедиться, что это та еще парочка!

— У вас тут не дом, а сборище славных людей! — усмехнулся инспектор. — Вы не видели ничего странного из вашего окна? — спросил он, внимательно глядя на Хлою.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто так. Я наблюдательный человек, и что-то мне подсказывает, что у нас с вами это общая черта.

— Наблюдать — не значит судить, инспектор.

— Вы уже имели дело с новым лифтером?

— Это что-то меняет?

— Почему не ответить просто да или нет?

— Это услужливый и великодушный человек.

— Глубокие познания о человеке, с которым вы недавно знакомы.

Хлоя смотрела на него в недоумении. Присутствие этого полицейского придавало ей уверенность. Нечто похожее она испытала, когда Санджай взял ее на руки и усадил в такси. После этого всякий раз, оказываясь в его обществе, она чувствовала то же самое.

Видя, что она молчит, инспектор ушел.

В лифте он спросил Дипака, есть ли у того предположение, как грабитель, обманув его бдительность, сумел проникнуть в здание.

— Для меня это загадка. Прежде чем войти в лифт, мы всегда запираем холл, — ответил Дипак.

После ухода полицейского он стал вспоминать то утро, когда принес племяннику вещи и нашел его чистеньким, словно только что из-под душа.

— Что будет с моей фигурой? — воскликнула Лали, радостно улыбаясь. — Почему ты даришь мне пирожные?

— Это благодарность за твое гостеприимство.

— Это мы должны тебя благодарить! Мне надо бы испечь для тебя фигурный торт!

— Можно задать тебе один личный вопрос? — начал Санджай, садясь за кухонный стол.

— Задавай, там видно будет.

— Как вам хватило храбрости сбежать из Индии?

— Ты неверно формулируешь свой вопрос. Людей гонит страх. А храбрость — это то, что заставляет стремиться вперед, не бояться новой жизни. Не бояться — значит надеяться.

— Но тебе же пришлось от всего отказаться!

— Много от чего, но не от главного. Кроме того, это было не бегство, я уехала вместе с Дипаком. Надеюсь, ты улавливаешь разницу.

— Когда ты поняла, что он — мужчина твоей жизни?

Лицо Лали озарила новая улыбка, на этот раз хитрая.

— Как ее зовут? Я тебя умоляю, меня не обманешь! Раз начались такие вопросы, значит, эта тема тебе небезразлична. — Она ткнула пальцем Санджаю в грудь. — Она живет в Мумбаи? Хотя что это я, конечно нет, иначе ты не стал бы задавать вопросы своей старой тетке.

Санджай промолчал.

— Все так серьезно? Ну что тебе сказать? Такие вещи либо знаешь, чувствуешь, либо нет. Можно придумать любые причины, любые оправдания, можно надеть шоры, чтобы не замечать очевидного, но на самом деле у нас небогатый выбор: воспользоваться представившимся шансом или упустить его. Если бы я не последовала за Дипаком, то всю жизнь бы по нему тосковала.

— Тебя никогда не страшило то, что вы такие разные?

— Я дам тебе хороший совет: если ты окажешься в месте, где все друг на друга похожи, то беги оттуда куда глаза глядят, и побыстрее!.. Видишь, который час? Если не хочешь получить от Дипака взбучку, поторопись.

Санджай покосился на кухонные ходики и поспешил в ванную.

В дом № 12 по Пятой авеню он опоздал всего на полчаса.

При виде дядиного выражения лица Санджай с ходу перешел в наступление:

— Мне было велено явиться в восемь!

— Это было велено вчера. По крайней мере, ты прилично выглядишь. Ты видел тетю?

— Нет, а что?

— Значит, ты не в курсе?

И Дипак рассказал ему о совершенном в доме ограблении.

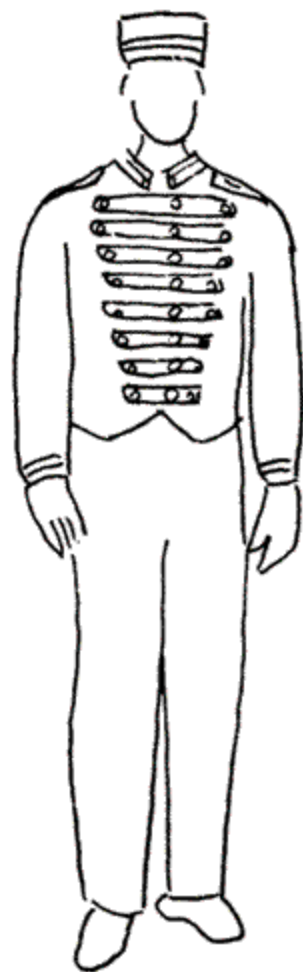
— Невероятно! — простонал Санджай.

— Недопустимо! — поправил его дядя. — К какому бы трюку ты ни прибег тогда, чтобы принять душ, надеюсь, ты не забыл запереть холл, прежде чем подняться наверх. Не желаю слышать другого ответа. Сегодня вечером будь бдительным, как бы грабителя не посетила несуразная мысль вернуться!

Дипак отдал Санджаю визитную карточку полицейского Пильгеса и посоветовал поменьше болтать: чем меньше говоришь, тем меньше сожалеешь о сказанном.

— Он хочет увидеть тебя завтра. Помни мои наставления. А теперь беги переодевайся, мне пора идти!

Санджай повертел визитную карточку, спрятал ее в карман и отправился в подвал.

Перед встречей с Сэмом Санджаю предстояло убить целый час. Он достал из кармана полученную от Дипака визитную карточку и прочел адрес. Полицейский участок располагался на 10-й улице, между Хьюстон-стрит и Бликер-стрит. Десять минут, чтобы туда добраться, четверть часа там, двадцать минут на обратный путь. При удачном раскладе он не только не опоздает на встречу, но даже явится раньше времени.

К дежурному шестого участка он обратился с вопросом, можно ли ему увидеть инспектора Пильгеса.

— Зачем вам инспектор Пильгес? — спросил его человек, несколько раз стукнув кулаком по автомату с горячими напитками.

— Мне он не нужен, это он хотел меня видеть.

Полицейский обернулся и окинул взглядом посетителя.

— А-а, ожерелье вдовушки, дело, которому выпало увенчать мою карьеру! Следуйте за мной, я предложил бы вам кофе, но эта чертова машина опять заартачилась.

Санджай не был уверен, что понял все из того, что сказал полицейский, и еще меньше он понимал, что вызвало у Пильгеса приступ дурного настроения. Он поплелся за ним в соседний кабинет и там сел в предложенное ему кресло.

— Итак, вы заменяете лифтера в доме номер двенадцать по Пятой авеню.

Послушно следуя советам Дипака, Санджай молча кивнул в знак согласия.

— Камеры наблюдения в здании засняли любопытные картины. На них видно, как вы покидаете рабочее место в двадцать минут первого ночи и возвращаетесь обратно только в шесть десять утра. Примерно

то же самое происходит на следующий день: между полуночью и шестью утра вы отсутствуете. Где вы находились все это время?

— Спал.

— Я догадался. Где именно?

— В подвале, в чулане.

— А вот это странно, потому что камеры ни разу не зафиксировали вас в коридоре подвала. Следующей ночью вы не покидаете пост, но ведете себя необычно: каждый час на несколько минут выходите из здания. Я по натуре любопытен, поэтому не преминул заглянуть в ресторанчик напротив и обнаружил там камеру. Что же она показывает? Что вы переходили улицу и наблюдали за окнами дома с противоположного тротуара. Голубей на балконах считали, что ли?

— У вас есть доказательство, что ограбление произошло ночью?

— По словам миссис Коллинз, днем она отлучилась на пару часов, но грабители редко орудуют в разгар дня. Ваш дядя заверил нас, что запирает холл, прежде чем войти в лифт. Вы этого, судя по всему, не делаете.

— Неправда, я тоже так поступаю после возвращения последнего жильца.

— Камеры этого не подтверждают, что говорит не в вашу пользу.

— Какая пугающая терминология! Вы меня подозреваете?

— В доме сорок лет не было краж, это не мои выдумки, это утверждает ваш дядя. Но стоило там появиться вам, как произошла кража со взломом, пропало ожерелье. Впрочем, взлом — слишком сильно сказано, грабитель — настоящий Гудини, замки не пострадали. Сквозь стену он просочился, что ли? Или, может, располагает дубликатом ключей, как вы? Один из жильцов видел глубокой ночью в своей гостиной какого-то человека. Должен оговориться, что ввиду не вполне надежного состояния этого жильца судья потребовал бы провести анализы, прежде чем принять его показания на веру. Сомнительно, чтобы в его алкоголе обнаружили значительный процент крови... Но и вы хороши: соврали, что спали в подвале. Я так и не знаю, где вы пропадали. Если, учитывая перечисленное, я вас не задержу, то...

— Вы упрячете меня в камеру? — испугался Санджай. — При отсутствии против меня каких-либо улик?

— Улики пока что отсутствуют, чего не скажешь о ряде серьезных предположений. Поэтому в ожидании адвоката, который вас вызволит, вам придется познакомиться с гостеприимством нашего участка.

— У меня физиономия прожженного преступника? — с вызовом спросил Санджай.

— Милый мой, если бы такие физиономии существовали в реальности, мое ремесло значительно упростилось бы. Признаться, кое-что вызывает у меня сомнения... Чтобы навлечь на себя такую кучу подозрений, надо быть непроходимым болваном, а вы скорее хитрец...

Пильгес приказал Санджаю следовать за ним. Подозреваемому предстояло сообщить все свои данные и дать себя сфотографировать.

— Я думал, что виновного обычно выдает мотив.

— Ожерелье такой стоимости — чем не мотив?

— Что я, по-вашему, сделал бы с ожерельем?

— Скупщик краденого предложил бы вам половину цены. Поверьте, если бы я располагал такой суммой, то придумал бы, на что ее употребить. Сколько нужно трудиться лифтеру, чтобы заработать четверть миллиона долларов?

— Не знаю, как лифтеру, а мне не так уж долго.

Полицейский злобно зыркнул на Санджая и передал его двум сотрудникам в форме. У него сняли отпечатки пальцев, потом сфотографировали в профиль и анфас.

Санджай заикнулся было о своем праве на телефонный звонок, но полисмен молча запер решетку камеры.

Утренняя суматоха улеглась, и Дипак уже готов был перевести дух, когда завибрировал его телефон. Он вздохнул и поехал на девятый этаж.

— Вы не едете вниз? — спросил он ждавшую его Хлою.

— Не могли бы вы, уходя сегодня вечером, оставить этот конверт у вас на конторке, на виду?

Поблагодарив Дипака, она закрыла дверь. Он не стал задавать вопросов. Следующий час он не отрывал глаз от имени своего племянника на врученном ему Хлоей конверте.

В шесть часов вечера на углу Бликер-стрит и 10-й улицы остановилось такси. Из него вылез Сэм в сопровождении юриста фирмы.

— Повторяю в последний раз... — прошипел он, направляясь к полицейскому участку.

— То, чего вы от меня требуете, полностью незаконно!

— Будет незаконно, если вы не справитесь с вашей ролью.

— Поймите, я не адвокат!

— Но изучали право и теперь его практикуете. Или я не прав?

— Это не значит, что...

— Сейчас значение имеет только одно: чтобы мой друг был немедленно — немедленно, слышите? — вызволен из камеры, для чего вы выдадите себя за адвоката, спросите, в чем его обвиняют, напомните, что у них нет никаких улик против него и, следовательно, никаких оснований лишать его свободы. При необходимости вы припугнете их жалобой судье. В результате он окажется в наших жарких объятиях.

— А если у них есть доказательства его вины?

— Какие могут быть доказательства? Если бы Санджай нашел на улице сто долларов, то непременно отнес бы их в бюро находок. Это вообще дело с душком: схватили первого попавшегося цветного и довольны!

Юрист компании, не слушая Сэма, бормотал себе под нос текст, который собирался произнести.

— Если у нас получится, вам со мной не расплатиться!

— Что вы говорите? А кто вас познакомил с девушкой с пятого этажа — Марисой... Матильдой... Маликой...

— Меланией! Вы всего лишь...

— Для того чтобы вы оказались рядом с ней, я устроил ужин для восьмерых коллег. Если я бы не потратил целый вечер на расхваливание ваших достоинств как юриста, ваши шансы свелись бы к нулю. Теперь вам придется доказать, что я не ошибался, иначе я буду вынужден открыть ей глаза и признаться, что ошибался. Я жду! Каждые полчаса ваши ставки все больше понижаются.

Через тридцать семь минут юрист вывалился из участка весь в мыле, зато вместе с Санджаем.

— Ну что? — зататорил Сэм. — Молчи, я все знаю, полицейский произвол, стыд и срам! Почему ты не позвонил мне раньше?

— Потому что мне только утром разрешили сделать звонок. Инспектор хотел взять меня измором, ждал, что я расколуюсь и во всем сознаюсь.

— В чем признаешься? С ума сойти! Не сомневайся, у меня есть человек, который подаст на них жалобу. На сегодня у нас отменились все встречи, представляешь, какой урон?

— На вашем месте я бы помалкивал, — вставил юрист компании.

— Никто вас не спрашивает! — взорвался Сэм. — Побыли адвокатом в участке, а теперь отдыхайте. Когда мне понадобится узнать ваше мнение, я дам вам знать.

— Дело ваше, но учтите, вашего друга подозревают в совершении кражи в доме, где он работает.

Сэм вытаращил глаза:

— Какой еще дом? Какая работа?

— Лифтером! — бросил юрист.

Сэм, близкий к апоплексическому удару, уставился на друга.

— Нам надо поговорить, — промямлил Санджай.

Со вчерашнего дня он ничего не ел. Утоляя голод пиццей в ближайшем ресторанчике, он все рассказал Сэму.

— Коротать ночи в лифте... Нельзя было придумать более комфортный способ ухода за женщиной в инвалидном кресле?

— Я не нарочно, так сложились обстоятельства.

— Какие такие обстоятельства?

— Как ты догадываешься, я не воровал ожерелье. А ведь мог, потому что ночевал у миссис Коллинз на диване в ту ночь, когда она отсутствовала.

— Не понял, повтори!

— Так или иначе, к ней залезли не в ту ночь и не в предыдущую, иначе я услышал бы.

— Ты и другие квартиры посетил?

— Квартиру Моррисона. Но он меня не заметил, потому что был мертвецки пьян. Мне ли этого не знать, я ведь сам его укладывал!

— Сейчас зазвонит будильник, и я проснусь. Если я расскажу тебе, какой кошмар мне приснился, ты умрешь со смеху.

— Завтра это дело закроют, тогда мы с тобой и посмеемся.

— Да, пока не до веселья... Сперва уточним кое-какие детали. Ограбление совершено в доме, где ты... мне трудно это произнести... Ты оставил в ограбленной квартире свои отпечатки пальцев, и у тебя нет алиби. Скажи мне, что у тебя есть дубликаты ключей, — и я уже этой ночью переправлю тебя через канадскую границу. Ты знаешь, как в этой стране работает правосудие? Что за идиотская улыбка? Здесь нет ничего смешного!

— Просто я ни в чем не виноват, Сэм.

— Виноват, не виноват... В довершение всего ты иностранец. Сколько стоит это ожерелье?

— Примерно столько, сколько я, по твоему мнению, должен был бы инвестировать в проект.

— Это должно остаться между нами. Я найму для тебя адвоката, настоящего, он запросто докажет, что у тебя, при твоём состоянии, не было никаких причин для кражи.

— Значит, лифтер-индиец может оказаться вором, но если выясняется, что он человек с деньгами, то он становится белым как снег? Если ты меня отмажешь таким способом, я буду упрекать тебя всю жизнь.

— Отвяжись от меня со своими принципами, Санджай! Я тоже рискую: если мой босс пронюхает, в чем тебя обвиняют, я вылечу в два счета. Не мешай мне действовать, свои претензии побереги на потом.

— Я хочу спать. Завтра голова будет свежее. Спасибо за все.

Где только не ночевал Санджай в Нью-Йорке: на страшно неудобном раскладном диване, на мраморном полу холла, в гостиных у алкоголика и у отправившейся в гости вдовы, потом на лавке камеры площадью девять квадратных метров. С него довольно, пора переночевать в «Плазе»!

Дипак не находил себе места: было уже девять вечера, а Санджай все не появлялся. Он позвонил Лали, но та тоже ничего не знала о племяннике. Дипак ломал голову, как выйти из создавшегося затруднения. В конце концов он спустился в чулан за табличкой, которую не вешал на ручку лифта ни разу за все годы работы.

Только после этого он поехал домой.

Ванна, ужин в постель, фильм в прекрасном качестве на огромном экране и долгий сладкий сон на широченной кровати с тремя подушками... Ночь в роскошном отеле должна была прочистить ему мозги, а разговор с мэтром Вулвордом, нанятым Сэмом адвокатом, — успокоить. Так как речь шла о простой краже без применения насилия, полиция вряд ли озаботится снятием отпечатков пальцев на месте преступления, а без улик и мотива судья, скорее всего, не станет выносить обвинительный приговор. Полностью исключить осложнения нельзя, однако адвокат заверил клиента, что у того нет серьезных причин для беспокойства.

Тем не менее Санджая мучило чувство вины. Накануне вечером он не явился на работу, не проявил элементарную вежливость — не предупредил Дипака, что не придет, да еще прибег к услугам юриста, с которым ни за что не смог бы расплатиться, если бы действительно был только лифтером. Прямо с утра ему следовало бежать к Дипаку с извинениями. Перед этим он попил чаю, быстро принял душ, оделся и, прежде чем заплатить за номер, усомнился, что теперь Дипак примет его под своей крышей. По пути на Пятую авеню, в дом № 12, Санджай терзался угрызениями совести. То, что начиналось как игра, день ото дня все больше превращалось в мистификацию. Он дал себе слово покончить с ложью и поговорить с Хлоей.

При появлении в холле племянника Дипак снял очки.

— Ты предупредил тетю? — спросил он нарочито сдержанно.

— О чем?

— Что ты жив. Она глаз не сомкнула, всю ночь обзванивала все городские больницы.

— Мне ужасно жаль, я отвык предупреждать родных, что вечером не вернусь.

— Ты еще дерзишь?! Можно узнать, почему ты не позвонил? Какое унижение! Из-за тебя мне пришлось солгать.

— Я не мог, потому что ночевал... в полицейском участке.

Дипак оглядел Санджая с головы до ног.

— Что, появились четырехзвездочные тюрьмы?

— Я переоделся у Сэма.

— Не знаю, кто такой Сэм, — сказал Дипак со вздохом. — Что ты наговорил полицейскому, почему он посадил тебя в тюрьму?

— Я ничего ему не наговорил, а вот некто, советовавший мне взвешивать каждое слово, сказал ему, что в доме никогда не было ограблений, пока здесь не стал работать я.

— Я сказал не так...

— Полицейский понял тебя именно так.

Дипак прищурился.

— Странная история! Не с крыши же спустился этот грабитель! Каким образом он умудрился войти и выйти так, что ни ты, ни я ничего не видели и не слышали?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Санджай. — Ну вот, со вчерашним мы разобрались...

— Так ты просишь прощения? — Дипак опустил руку в карман. — Меня вызывают. Жди здесь, я быстро.

Вскоре Дипак спустился вместе с Хлоей. Он открыл дверь дома и с удивлением заметил, что она задержалась около его племянника, как будто ждала, что он что-нибудь скажет.

— Шикарный костюм! — бросила она наконец и выехала в дверь.

На тротуаре она не позволила Дипаку остановить для нее такси, сообщила, что хочет проветриться и доберется до студии на метро.

На обратном пути Дипак столкнулся с Санджаем.

— Ты что?

— В какую сторону она поехала?

— Хочешь, чтобы я повторил тебе мои три правила?

— Направо или налево? — От волнения Санджай схватил дядю за плечи.

— Точно не направо, — ответил тот, стряхивая его руки.

Санджай помчался к 9-й улице, на бегу чуть не врезавшись в фонарный столб, сделал крутой поворот и кинулся на Шестую авеню.

— Подождите! — взмолился он, задыхаясь.

Хлоя, уже поворачивавшая на переход, обернулась. Санджай настиг ее и замер перед ее креслом.

— Мне стыдно за мое поведение только что в холле, но при Дипаке я не...

— С меня довольно вчерашнего ожидания, — перебила его Хлоя. — Из-за вас я опоздаю в студию, пустите!

— Сначала объясните, чем я вызвал ваш гнев.

— Разве у меня разгневанный вид?

— Честно? Да.

— Я ни о чем не просила, ничего не предлагала, но вы... Это была игра, пари? Удастся ли вам соблазнить девушку в инвалидном кресле? У вас было право передумать, но элементарная вежливость требовала по крайней мере мне ответить.

— Со вчерашнего дня каких только упреков я не слышу, но сейчас ничего не понимаю!

— Скажете, что не прочли записку, которую я вам оставила на конторке?

— Когда мы мне ее оставили?

— Вчера вечером, чтобы вы пришли и прочли. Я отдала ее Дипаку, а он человек надежный. Так что не рассказывайте мне сказки.

— Вряд ли я смог бы ее прочесть, потому что был в тюрьме.

— Час от часу не легче! С каждой встречей вы предносите мне все больше сюрпризов! Вы сбили женщину?

— Как смешно! Полагаю, вы слыхали о пропаже ожерелья? Я — подозреваемый номер один.

— Скажите мне, что вы не виновны!

— Это, пожалуй, слишком. Но я и вправду не виноват. Что было в вашей записке?

— Вам пока рано об этом знать. А теперь пропустите, я могу опоздать.

Санджай остановил такси, уже привычным движением поднял Хлою и посадил в машину, убрал в багажник кресло и плюхнулся рядом с ней на сиденье.

— Угол Двадцать восьмой улицы и Седьмой авеню! — скомандовал он водителю.

Через десять минут они были на месте. Санджай проводил Хлою к дверям здания, где находилась студия.

— Так о чем говорилось в вашем письме? — не отставал Санджай.

— Что я согласна, — ответила она, толкая дверь.

— Согласна на что?

— Не на что, а с чем. С вашей теорией о конце света и счастье напоследок. Даю вам сутки на искупление вины. Приходите за мной завтра в половине шестого.

— Почему не сегодня?

— Сегодня я занята.

Начало любовных историй странно и парадоксально. Оба испытывают страх, боятся признаться в том, что думают только друг о друге. Они готовы отдать себя целиком, но при этом берегут силы, экономят счастье, не желая его расходовать. Новорожденная любовь безрассудна и ранима.

Санджай, хоть и изрядно опоздал, пришел на встречу в безмятежном настроении. Сэм уже привык к его своеобразной пунктуальности по-мумбайски. Увидев друга у стойки информации, Санджай приготовился к худшему: этим утром ему, видимо, придется выслушать кучу упреков и долго оправдываться. Тем не менее Сэм не стал его ругать и вообще, судя по всему, был в превосходном настроении. Он не произнес ни слова, пока не вошел в лифт, где вежливо попросил Санджая нажать на кнопку.

— Мастер, сразу видно! — воскликнул он.

— Очень смешно! — огрызнулся Санджай.

В конце рабочего дня Санджай заторопился на Пятую авеню. После церемонии смены караула Дипак поехал навестить Ривера.

В больнице он сначала не решался рассказать об истории с ожерельем, но, поскольку он не умел врать, а Ривера то и дело спрашивал, чем он так озабочен, он сдался и рассказал все как есть.

— Я даже не знал, что у нее есть такое дорогое ожерелье, — задумчиво проговорил Ривера. — Уверен, не будь оно подарком мужа, она давно бы его продала. Ведь она не купается в золоте.

— Мне ничего об этом не известно. Я в их жизнь не лезу, — отозвался Дипак с отсутствующим видом.

— О чем ты думаешь?

— Каким образом неведомо кто сумел войти в дом и остаться незамеченным? Мы всегда на месте.

— Не всегда, — возразил со вздохом Ривера.

— Очень тебя прошу, не задавай мне этот вопрос! Нет, мой племянник совершенно ни при чем.

— Я не собирался об этом спрашивать.

— Главное, не задавай этот вопрос себе.

— Тогда кто? И как?

— Кто у нас любитель детективов? Вот ты и ищи преступника!

— Будем рассуждать по порядку, — начал Ривера с видом опытного старого сыщика. — Мотив на поверхности — деньги. Теперь поразмыслим о том, как действовал грабитель...

Сидя в кровати, Ривера погрузился в раздумья, а Дипак, развалившись на стуле, — в глубокий сон. Прошел час. Дипак вздрогнул и проснулся от вопля Риверы:

— Удар нанесен изнутри!

— Ты о чем?

— Пошевели мозгами! Если бы копы увидели кого-нибудь на пленке, они бы уже предъявили нам фотографию для опознания.

Выходит, вор не входил и не выходил, и понятно почему: он находился в доме! Раз ты ручаешься за племянника, то это...

— Ну кто?

— Никто. Забудь мою болтовню. Не надо было мне налегать сегодня на успокоительные.

— Не пори чушь, при мне ты не принял ни одной таблетки!

— Все равно я устал, ты тоже.

Дипак понял намек, взял плащ и ушел еще более озадаченный, чем раньше.

Его настроение ничуть не улучшилось, когда он пришел домой и увидел Лали в ужасном состоянии. Жена сидела за пустым кухонным столом. Ни приборов, ни ужина — ей было не до того.

— Мой племянник угодил в тюрьму! — простонала она, едва сдерживая слезы.

— Милая, его просто задержали, а потом отпустили, — сказал Дипак, опускаясь перед ней на колени.

Крепко обнимая Лали, он успокаивал так нежно, как только мог.

— Они сделали это, чтобы его напугать, — продолжал Дипак. — Наверное, надеялись добиться признания, но Санджай ничего им не сказал, потому что ни в чем не виноват.

— Разумеется, не виноват! Эта страна была землей обетованной для таких иммигрантов, как мы. Мы вкалывали до изнеможения, из чувства долга и из благодарности — и погляди, как с нами поступают! Иностранцы для них — преступники. Если это и есть сегодняшняя Америка, лучше мне вернуться в Индию.

— погоди, Лали, успокойся, скоро все выяснится.

— Если такого порядочного парня, как мой племянник, хватает полиция, то что будет с нами?

— Вспомни, еще несколько дней назад ты его даже не знала.

— В его жилах течет моя кровь, поэтому если я говорю тебе, что он честный человек, значит, так и есть, не сомневайся!

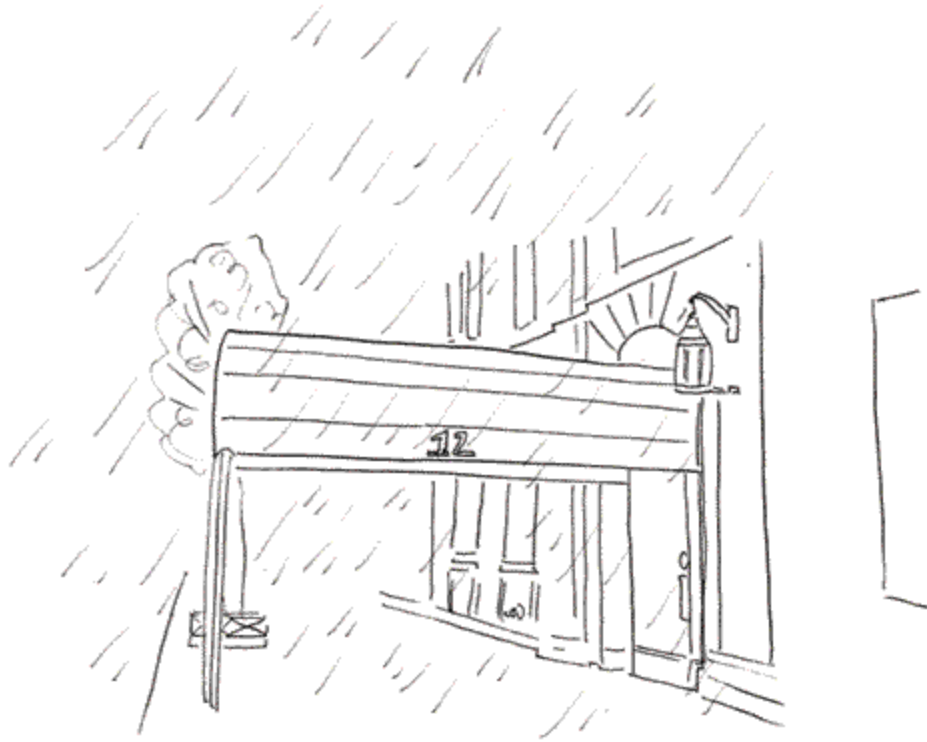
— Может, вспомнишь о том, как с нами обошлась твоя семейка?

Лали отпихнула табурет и выбежала из кухни.

— Сейчас не время выяснять, кто прав, а кто ошибается! — крикнула она и захлопнула дверь спальни.

Дипак пожал плечами, открыл дверцу холодильника и достал остатки вчерашней еды — тушеную бамию, которую съел холодной в полном одиночестве.

В эту ночь пришла его очередь не смыкать глаз. Его одолевали мрачные мысли. Что, если Лали права? Чтобы доложить о закрытии дела, полиции необязательно ловить истинного преступника, достаточно кого-то им назначить. На эту роль прекрасно подходил Санджай.

Над городом грохотала гроза, нарушившая привычный утренний распорядок. Холл здания напоминал Ноев ковчег: из-за потопа здесь застряли все — или почти все — жильцы.

Дипак, чей зонт вывернулся при первых же порывах ветра, успел вымокнуть до нитки, тем не менее доблестно махал рукой, пытаясь поймать такси. Вода текла по его затылку, заливалась под плащ, насквозь промочила рубашку, прилипшую к спине. Униформа утратила свое величие. Когда проезжавший мимо грузовичок окатил грязной водой его брюки, к грому небесному добавился и другой, не менее мощный раскат. Гнев Дипака нарастал с каждой минутой. Даже остановившаяся рядом полицейская машина не привела его в чувство.

— Ностальгия по муссонам? — со смехом спросил его инспектор, опуская стекло. — Я привез вам кассеты с записями. — Он отдал ему пакет. — Аккуратнее, как бы они не вымокли. Впрочем, мы не нашли на них ничего интересного.

Дипак уставился на него:

— У меня есть новости, имеющие отношение к вашему расследованию.

Инспектор выключил зажигание, оставил машину во втором ряду и пошел следом за Дипаком в холл, где миссис Зелдофф, миссис Коллинз, мадам Леклер, Уильямсы и профессор Бронштейн ждали, когда уймется стихия. Одни следили через застекленную дверь за черными тучами, другие набирали сообщения на телефоне. Все нервничали и проявляли нетерпение.

Встав за свою конторку, Дипак покашлял, привлекая к себе внимание.

— Это я украл ожерелье, — заявил он.

— Что вы несете? — всполошился профессор. — Никогда не поверю, что это сделали вы, Дипак. Бессмыслица какая-то!

— Не вмешивайтесь! — прикрикнула на него миссис Уильямс. — Пусть говорит.

Дипак выложил все, что наболело, внятно объяснив причины, якобы толкнувшие его на этот поступок: разочарование, уныние, охватившее его из-за намерения жильцов заменить его пошлым механизмом, унижение, которое он испытал, когда его обвинили в порче деталей. С ним обошлись как с пустым местом, несмотря на его преданность; обитатели этого дома, ради которых он был готов всем пожертвовать, продемонстрировали, что им на него плевать. А раз так, то почему не прихватить то, что плохо лежит? Кража ожерелья не разорила бы миссис Коллинз: у нее есть страховка. Но какой страховкой он обеспечит старость своей супруги? Зарплатой за год?

— Наверное, мне следовало бы раскаяться в содеянном, — продолжал он, — и добиться таким образом смягчения наказания, но я не испытываю угрызений совести. Более того, мне приятно отплатить вам той же монетой. Монета — это как раз то, к чему сводится ваша благодарность.

Дипак снял фуражку, аккуратно сложил плащ на крышке конторки и протянул инспектору руки.

Пильгес достал из кармана наручники, но надевать их на Дипака не стал.

— Это лишнее, наденем перед участком. — И он крепко взял Дипака за руку.

Жильцы наблюдали, как лифтер садится на заднее сиденье полицейского автомобиля. Они были так ошеломлены, что высыпали под козырек, чтобы проводить взглядами машину, удалявшуюся в сторону Вашингтон-сквер-парка.

Вернувшись в холл, миссис Уильямс болезненно поморщилась.

— Не говорите мне, что все начнется снова и что днем нам придется подниматься к себе пешком!

У профессора Бронштейна зазвонил телефон.

— Если я опоздаю на студию, меня уволят! Ну и что, что дождь? Если надо, я поеду на метро. Умоляю, папа, попроси Дипака за мной подняться!

Профессор нашел единственный способ помочь дочери — обратиться за поддержкой к соседям.

— Если в этом доме еще сохранились остатки человеколюбия, то мне понадобятся добровольцы, чтобы помочь Хлое.

Первой на призыв откликнулась миссис Коллинз.

— Мало вам того, что сейчас произошло? — воскликнула она. — Живее, все наверх!

Ее властный окрик мобилизовал армию поддержки. К двинувшейся вверх по лестнице процессии примкнули даже Уильямсы.

Вскоре Хлоя услышала оглушительный стук в дверь ее кухни.

Все действовали вразнобой, поэтому спуск происходил в полном беспорядке. Это был форменный хаос. Отец донес дочь до пятого этажа, там его сменил Зелдофф. Кресло тащила мадам Леклер, ей помогала миссис Уильямс, которая вцепилась в колесо, за что получила нагоняй от миссис Коллинз, заявившей, что от нее нет никакого толку. Ее, блаженно улыбаясь, сменила миссис Зелдофф. Моррисон, разбуженный гвалтом, вывалился на площадку в одних трусах и задал вопрос, которого не следовало задавать: что случилось с Дипаком?

Когда они спустились на третий этаж, миссис Уильямс, не в силах отказать себе в удовольствии, заявила, что ее подозрения оправдались и вот наконец Дипак сознался в краже.

Хлоя на подступах ко второму этажу высказала свое возмущение:

— Этого быть не может! Как вы это допустили, неужели вам не стыдно?!

Они наконец спустились вниз, Уильямс усадил Хлою в ее кресло. В холле повисло тяжелое молчание.

— Она права, нам должно быть стыдно, — проговорила миссис Коллинз. — Кто из нас способен хотя бы на секунду поверить, что

Дипак — вор? Он оговорил себя из гордости, потому что мы его оскорбили.

— Или чтобы выгородить племянника! — прошипела миссис Уильямс.

Все посмотрели на нее так, что у нее пропало всякое желание продолжать.

— Что ж, — сказала Хлоя, — раз мы сошлись во мнениях, наш долг — вытащить его из этой крайне неприятной ситуации. Общее собрание в шесть часов на девятом этаже! Пусть кто-нибудь предупредит мистера Грумлата. Если бы не он, до такого бы не дошло. А вы, мистер Моррисон, наденьте, пожалуйста, брюки.

Никто не посмел усомниться в праве Хлои первой сесть в такси.

В полдень на телефон Санджая пришло сообщение, испортившее ему остаток дня: «Сегодня вечером увидеться никак не получится. До завтра. Целую. Хлоя».

Явившись в дом № 12 по Пятой авеню в семь часов вечера, впервые даже раньше назначенного времени, он удивился, что в холле никого нет. Отсутствие дяди его встревожило. Тревога усилилась, когда он увидел, что лифт стоит на первом этаже и входная дверь дома не заперта. Он ринулся вниз, заглянул в чулан, позвал Дипака — все тщетно. Тогда он помчался на девятый этаж.

Дверь ему открыл Бронштейн. Из гостиной доносились голоса.

— Мой дядя у вас? — спросил запыхавшийся Санджай.

— Подождите здесь минутку, пожалуйста, лучше пусть она вам все объяснит, — ответил профессор.

Вскоре в коридоре появилась Хлоя. Она рассказала, что произошло утром, и, не дав Санджаю переварить услышанное, заверила его, что в невиновности Дипака никто не сомневается, как и в причинах, заставивших его сделать такое признание. Теперь соседи разрабатывали план его спасения.

— Он проведет ночь в камере? Вы понимаете, что он этого не переживет? — вскричал Санджай.

Хлоя взяла Санджая за руку.

— Не подумайте, что я хвастаюсь, но мне кажется, я знаю его лучше, чем вы, — по крайней мере дольше. Дипак навлек на себя кару, чтобы выразить свой гнев. Перед самым вашим приходом мы сообщили в полицию, что он не виновен и что мы нашли преступника.

— Кто этот мерзавец? Я ему шею сверну!

— Все несколько сложнее...

— Я должен предупредить тетю. Если муж не вернется вечером домой, она с ума сойдет от волнения.

— Вас опередили. Теперь ваша задача — оказать ей поддержку. Я только что ей звонила, она уже мчится в полицейский участок.

Миссис Зелдофф высунула голову в коридор.

— Хорошо, что вы пришли, я как раз собиралась к себе. Будьте добры, спустите меня на третий этаж.

Санджай испепелил ее взглядом и вышел, ничего не ответив.

Хлоя догнала его на площадке:

— Все ведь будет хорошо?

— Они его не заслуживают!

— Сегодня они это поняли. Когда все уладится, я охотно поужинаю с вами.

Санджай кисло улыбнулся и поспешил вниз.

Лали обосновалась на скамейке в участке. Дежурный полицейский устал повторять, что ей нельзя здесь оставаться, но в ответ слышал одно и то же: «Заприте меня в камере, хочу разделить участь мужа!» В конце концов бедняге пришлось отступить. Пусть ночует в участке, если ей пришла такая блажь, ему-то что?

Санджай подсел к тете и обнял ее.

— Завтра утром его отпустят, обещаю.

— Ты теперь еще и полицейский?

— Я не нашел его внизу, встревожился и поднялся к Хлое. Она мне рассказала, что произошло.

— Ты больше не называешь ее «мисс»?

— У нее собрались жильцы. Они придумали план — не знаю какой, но они уверены, что он сработает.

— Не говори мне больше об этих людях! — прорычала Лали.

— Ты принесла ему вещи? — спросил Санджай, увидев у ног тети чемоданчик.

— Ему и себе. Я захватила все наши накопления, чтобы внести залог. И паспорта взяла.

— Что ты намерена сделать со своим паспортом?

— Смотраться отсюда! Как только его выпустят. Я вернусь в Индию. Я его предупреждала: после тебя они примутся за нас.

— Это не то, что ты думаешь! Дипак сам себя оговорил. Но его признанию не поверят. Позволь, я отвезу тебя домой, это место не предназначено для...

— Договаривай! Ты хотел сказать: для женщины моего возраста?

— Для моей тети.

Лали сжала ладонями щеки племянника и прильнула к нему.

— Я никогда не спала без мужа, понимаешь?

Пришлось Санджаю ночевать на лавке в участке, охраняя ее.

На рассвете дежурный подошел к автомату с напитками, от души пнул его ногой и вынул из раздаточного отверстия большой тяжелый стакан, закрытый крышкой. Повторив свой маневр, он получил второй такой же стакан. Это был кофе для Лали и Санджая.

В семь часов утра в участок явился инспектор Пильгес, остановился перед Санджаем, поприветствовал Лали и скрылся в своем кабинете.

В 9 часов он вышел, отвел обоих в тесное помещение, оставившее у Санджая неприятные воспоминания, и попросил их подождать.

Вскоре дверь открылась, и Дипак заключил Лали в объятия.

— Возвращайтесь домой, мэ, — приказал ей Пильгес.

— Я не сойду с этого места, пока вы не отпустите моего мужа, — отрезала Лали.

— Ваш муж свободен, просто у нас с ним осталось одно небольшое дельце.

— Сделай, как тебя просят, — попросил жену Дипак. — Санджай, проводи тетю домой. Я скоро приеду.

Одной рукой Санджай взял чемоданчик, другой подхватил под локоть Лали: она не сопротивлялась.

Полицейская машина остановилась перед домом № 12 по Пятой авеню.

— Вы уверены, что все на месте? — спросил инспектор, прежде чем выйти.

— Сейчас субботнее утро, в это время обычно все дома.

— Тогда соберите жильцов. Не хватало мне самому этим заниматься!

Но Дипак не торопился выполнять его приказание. Сначала он спустился в подвал, причесался и внезапно обнаружил свой выплаженный плащ на плечиках в шкафчике.

Он надел униформу и отправился звонить во все двери.

Холл снова превратился в импровизированный конференц-зал. Пришли все, даже Моррисон, поразивший всех своим появлением в столь необычный для него час.

— Можно узнать, зачем мы понадобились полиции субботним утром? — возмутился Леклер.

— Вы бы предпочли, чтобы я пригласил вас в участок?

В ответ послышался дружный недовольный ропот.

— Бывали у меня дела, когда после многих месяцев расследования подозреваемый так и не появлялся, — начал Пильгес, — а тут их целых девять! Если верить признаниям, которые я выслушивал сегодня с утра, ожерелье похитили все здесь присутствующие — или почти все. Не дом, а ювелирный магазин! Первой взяла на себя вину миссис Зелдофф. На мой вопрос, как она действовала, она заявила, что имеет доступ в квартиру миссис Коллинз, и объяснила, что прибегает для этого к способу, который я вынужден назвать отъявленным вандализмом. Затем мне позвонил мистер Моррисон, рассказавший, что слегка перебрал, ошибся этажом и спутал ожерелье со своим галстуком. Звонила и мадам Леклер, изъявившая желание сесть в тюрьму на том условии, что ей позволят сохранить в тайне причины, толкнувшие ее на противозаконное деяние. Где ваше воображение, мадам? Вот мистер Бронштейн сказал, что действовал из корыстных побуждений: по его утверждению, жильцы девятого этажа в конце месяца испытывают серьезные финансовые трудности. Но пальма первенства принадлежит миссис Уильямс, которую якобы толкнула на кражу зависть: ей муж никогда не дарил таких дорогих украшений. Поскольку я уверен, что вернуть это проклятое ожерелье никто из вас не сможет, то мне хочется понять, с чего вы взяли, что я полный идиот?

Все разом стали смотреть друг на друга, так что невозможно было поймать чей-то отдельный взгляд.

— Дипак не виновен! — провозгласил Бронштейн. — Но, раз он признался, у нас не было другого выхода, кроме как помешать следствию. Верите вы нам или нет, не имеет никакого значения: у вас есть наши признания и они не позволяют вам предъявить ему обвинение.

— Я мог бы всех вас привлечь к ответственности за то, что вы препятствуете полицейскому расследованию, даете заведомо ложные показания, вступили в преступный сговор и — почему бы и нет? — прячете краденое.

— Это я всех подговорил, мне и нести ответственность, — ответил профессор.

— Неправда! — вмешалась Хлоя. — Это была моя идея, и я готова отвечать за последствия.

— Я счел вашу идею безответственной и глупой, о чем и заявил! — прошипел Уильямс. — Признаюсь в своей минутной слабости. Моя жена и так постоянно на все жалуется, а теперь представьте себе, что я выслушиваю от нее каждый вечер сейчас, когда мы остались без лифта!

— Это дело рук его племянника, и вы не убедите меня в обратном! — выпалила миссис Уильямс, пытаясь сохранить достоинство.

— Вы — жалкая, злобная, вечно недовольная особа, к тому же манипуляторша! — ко всеобщему изумлению, неожиданно выпалила миссис Зелдофф.

— Я запрещаю вам говорить в таком тоне о моей жене!

— Мне не требуется ваше разрешение, чтобы произнести вслух то, что у всех на уме, — заявила миссис Зелдофф, которую теперь было не остановить. — Вы сладкая парочка: расистка и хроникер, изливающий желчь на пропагандистском канале, наживающемся на разжигании ненависти. Две ядовитые змеи!

На этом сюрпризы не закончились: у этой публики еще кое-что осталось в запасе.

— Кражу совершил не племянник Дипака! — сообщил Грумлат, и все разом умолкли, глубоко потрясенные.

— Что вам об этом известно? — обратился к нему полицейский.

— Не считаете же вы, что я позволил бы кооперативу нанять сотрудника, не наведя о нем справок? За кого вы меня принимаете? Я тоже провел расследование, особенно после того, как меня обвинили в халатности из-за этого проклятого монтажного комплекта!

— Что за комплект?

— Сейчас это не важно, тем более что уже заказан новый. Важно другое: то, что я выяснил. Молодой человек, на которого миссис Уильямс возводит напраслину, не имел ни малейших причин похищать какое-то ожерелье!

— Какое-то?! — возмутилась миссис Уильямс. — Вещица стоимостью в полмиллиона долларов, по-вашему, сушая безделица?!

— Штука в том, что племянник Дипака тянет на полсотни этих самых миллионов, он богаче нас всех, вместе взятых. Я знаю, что говорю, поскольку занимаюсь вашими налоговыми декларациями. Зачем такому состоятельному человеку понадобилось ломать всю эту комедию, я понятия не имею, но раз всех вас это устраивало...

Уильямсы, Леклеры, миссис Коллинз, Моррисон, Зелдоффы, инспектор Пильгес обомлели, Хлоя была потрясена. Все уставились на конторку и обнаружили, что Дипака след простыл.

Полицейский ушел, сказав на прощание обитателям дома № 12, что он с ними еще не закончил. Уильямс осведомился, не нужно ли доставить Хлою на девятый этаж, профессор обернулся с виноватым видом — и обнаружил, что его дочь тоже исчезла.

— Вот и славно! — воскликнул Моррисон. — Я не выспался, пойду в кровать. Разбудите меня только в том случае, если с неба полетится виски.

Телефон Санджая завибрировал, на экране появилось сообщение:

Где вы?

Сплю.

Только не сейчас! Мне надо
с вами поговорить.

Почему вы пишете, а не звоните?

Нам надо увидеться! Жду вас
в нашем чайном салоне.

Мы договаривались поужинать!

Могу приехать к вам
в Испанский Гарлем.

После возвращения Дипака
я там больше не живу.

А где вы живете?

В «Плазе».

Что вы делаете в «Плазе»?

Восполняю острый дефицит сна.

В каком номере?

722.

Миссис Коллинз тихо постучала в дверь палаты Риверы, вошла и села к нему на кровать. Ривера положил книгу на тумбочку и погладил свою подругу по щеке.

— Почему у тебя такой взволнованный вид? Врачи сказали тебе, что мои дни сочтены?

— Врачи ничего мне не скажут, потому что я не твоя жена.

Ривера грустно посмотрел на миссис Коллинз.

— Это ты, да?

— Да, в этот раз преступница — не медсестра.

— Но почему?

— Потому что это я во всем виновата. В несчастье с тобой, в том, что твоя жена оставалась одна, когда мы с тобой любили друг друга, и в том, что ты больше не можешь оплатить уход за ней. Я чувствую себя кругом виноватой!

— Виноватой в том, что подарила мне нежность, которой так недоставало, и вернула вкус к жизни? Мне семьдесят один год, ты думаешь, в таком возрасте человек не отдает себе отчет в своих поступках? Моя жена забыла о моем существовании. Когда я ее навещаю, она принимает меня то за маляра, то за водопроводчика, иногда, когда у нее хорошее настроение, — за своего врача. Если бы

не ты, я бы всего этого не вынес. Настало время открыть тебе страшную тайну. Я любил тебя с того самого дня, как вошел в ваш дом. Знала бы ты, сколько раз я спускался вечером в холл, страдая, что не я твой муж, которого я отвез на шестой этаж! Когда ты овдовела, я долго ждал, прежде чем осмелиться...

— Дело было двадцать первого марта, — подхватила она. — Ты сказал мне: «Миссис Коллинз, вы очаровательны». Я только что отметила свое шестидесятипятилетие, так что, как видишь, я все помню. Знал бы ты, как мне хотелось, чтобы это ты возвращался по вечерам с работы со словами: «Добрый вечер, дорогая!» Жизнь часто опаздывает, но главное, что она потом все наверстывает, верно? Я такая трусиха, я остолбенела, когда задержали этого молодого человека, остолбенела и ничего не предприняла. Но после признания Дипака, этого смелого и нелепого поступка, я твердо решила все рассказать полиции. Но потом мои соседи взялись себя оговаривать, вот я и подумала, что мой безумный поступок станет для нас спасением. Инспектор еще не сказал своего последнего слова, а я и так причинила много зла. Я пришла попрощаться. Пора мне идти сдаваться.

— Знаешь, что мне рассказал вчера вечером Дипак? Что было бы оригинально, если бы детектив не закончился арестом виновного. Я ему ответил, что это глупость, но сейчас думаю, что он прав, это было бы вовсе не глупо.

Санджай ждал Хлою на ступеньках «Плазы».

— Вы распрощались с Испанским Гарлемом?

— Не совсем. Как только Дипака выпустили, я отвез Лали домой. Потом он позвонил и сказал, что едет домой, и я решил оставить их вдвоем.

Хлоя подняла глаза на роскошный фасад «Плазы».

— Почему вы выдумали, будто вы лифтер?

— Чтобы по ночам быть рядом с вами, не досаждая вам. Вот вы, например, убеждены, что люди замечают только ваше кресло, у меня тоже есть свои причины для страхов.

— Каких страхов?

— Я не притворялся, это вы мне не верили.

— Вы боялись, что я стану вас осуждать?

— Я боялся, что такая, как вы, не сможет полюбить такого, как я.

— А вы, собственно, какой?

— Я иностранец, живущий на другом краю света, человек, всегда опаздывающий на встречи, особенно на свидания, и никогда ничего подобного не чувствовавший до знакомства с вами.

— Чего вы не чувствовали?

— Как вы попадете в свою квартиру? Хотите, провожу? Можно еще хоть разок прикинуться лифтером?

— Мне совершенно не хочется возвращаться домой.

День, когда я спала во дворце

Санджай обнял меня и стал целовать. Он лег рядом со мной и раздел. Я впервые почувствовала его желание. Его губы скользили по моему телу, по груди, по животу, его сила и нежность были чудесны, он умеет обращаться с женщиной. Он целовал мне бедра, а потом мы любили друг друга.

Мы пробыли в его номере до утра. Я позвонила отцу и наплела, что жду возвращения Дипака у знакомого. Он не задавал вопросов, и это даже лучше: не могу его обманывать.

Мы позавтракали в постели; ванна в номере была так велика, что мы поместились в ней вдвоем.

Мне было не во что переодеться, и Санджай решил исправить положение. Даже странно, что человек, придающий так мало значения своему облику, обладает таким тонким вкусом. Мы гуляли по Мэдисон-авеню, он выбрал мне платье, длинную юбку, блузку, даже комплект нижнего белья, я была в восторге и не мешала ему.

Я часто хохотала над эпизодами в кино, когда молодые любовники переживают свои первые волнения, свою грубую ошибку — «очень грубую», как утверждает Джулия Робертс. Каток в Центральном парке был не для меня, поэтому мы поплыли на гребной лодке по

Большому пруду. Санджая было не остановить: он решил, что непременно должен покормить лебедей. Увидит лебедя — и гребет к нему. Напряженные ноги, набухшие бицепсы, уверенные мерные гребки — я не могла глаз от него оторвать! Наша лодка скользила по воде так стремительно, словно он состязался с другими гребцами. Потом, растянувшись на травке, мы съели то, что осталось от нашего обеда, — сэндвичи без хлеба, который он скормил лебедям. Мы обнимались под моим пледом, но жара стала невыносимой, и мы устроились загорать под весенним солнышком.

Мы пили чай в «Блу Бокс Кафе» у «Тиффани». Это дивной красоты голубой салон, и мне хотелось бы сидеть в нем в маленьком черном платье с изящными бретельками, а потом мчаться в кабриолете, мурлыча банальные слова и представляя себя Одри Хепберн, хотя ни за что на свете не променяла бы моего Санджая на Джорджа Пенпарда.

Санджая ужасно захотелось полюбоваться Нью-Йорком с высоты Эмпайр-стейт-билдинга. Мы не пожелали удовольствоваться почтовой открыткой, к тому же нас пропустили в лифт без очереди. И в моем положении есть кое-какие преимущества!

Мы отправились в Саут-Стрит-Сипорт и уже в сумерках сели в водное такси. С Гудзона деловые кварталы Манхэттена выглядят как выставка шедевров современной архитектуры. Под Бруклинским мостом Санджай чуть не свернул себе шею, а когда мы подъехали к Статуе свободы, он пришел в восторг, как дитя. Когда он пообещал показать мне чудеса Мумбаи, я опустила глаза и промолчала: не хотелось думать, что будет завтра.

Ужинали мы в «Мими», французском ресторане в Сохо с умопомрачительной кухней. Я сказала, что приглашаю его, он сначала отказывался, объясняя, что это противоречит его принципам, но потом согласился: побоялся, что я сочту его старомодным.

В полночь, когда мы вернулись в «Плазу», Санджай предупредил меня, что на следующий день вернется к своим обязанностям. Нельзя мне бесконечно оставаться пленницей в своем родном городе! Отец уезжал на конференцию в Техас, поэтому я предложила Санджая подняться ко мне после того, как все жильцы вернутся домой.

Мы прижались друг к другу, и, засыпая, я поняла, чего мне раньше не доставало даже больше, наверное, чем ног, — нежности!

В понедельник утром все, казалось, вошло в привычную колею. В 6:15 Дипак отворил служебную дверь дома № 12 по Пятой авеню. Переодевшись в униформу, он пригладил волосы, надел фуражку и напоследок оглядел себя в зеркале на дверце шкафчика. Потом поднялся в холл и принялся драить кабину лифта. Сначала тряпочкой с воском — лакированное дерево, потом другой тряпочкой — медную рукоятку.

Час пик прошел в молчании — впервые за 39 лет. В лифте слышалось только гудение мотора, шуршание противовеса и негромкий лязг решетки (сколько ни смазывай, все равно скрежещет!).

Понедельник начался под знаком решимости: первым ее продемонстрировал Дипак.

Без чего-то десять он позвонил в дверь конторы Грумлата и подал заявление об уходе.

— Я буду работать до тех пор, пока не привезут и не установят новый комплект оборудования, — произнес он без малейшего волнения.

Бухгалтер пробежал глазами бумагу, которую ему вручил Дипак.

— Как же ваш рекорд? — спросил Грумлат.

— Вы о нем знали?

— Как и все остальные.

— Смысл моей жизни — жена, все остальное всего лишь гордыня, — ответил Дипак, уходя. — Об одном прошу: если у них возникнет желание устроить мне торжественные проводы, отговорите их, я не хочу.

При виде Хлои, появившейся в здании в десять с небольшим в красивом платье, в котором он ее еще не видел, Дипак сказал ей

комплимент и предупредил, что максимум через полтора месяца покинет свой пост. На этот раз он взял ее за руку.

— Мы сохраним о вас самые прекрасные воспоминания, мисс, вы много для меня значили. Никогда не забуду то, что вы для меня сделали.

Увидев, что у нее на глаза наворачиваются слезы, Дипак не стал продолжать.

Санджай поведал о своем решении Сэму, который выслушал его не перебивая.

— Ты закончил? — спросил он наконец.

— По-моему, я тебе все объяснил.

— С тех пор как ты скормил мне несъедобный гамбургер, меня мучает один вопрос. Ты употребляешь наркотики?

— Не смешно.

— Еще уморительнее то, что ты вознамерился отправить меня в Индию управлять твоей компанией, а сам — возглавить американский филиал.

— Очень разумная идея. Здесь придется все развивать, тогда как там...

— Иными словами, я заделаюсь твоим боссом?

— Иными словами, да!

— Заманчиво. Я же бегло говорю на хинди, поэтому мне не составит ни малейшего труда управлять сотней с лишним сотрудников. Так и вижу себя на производственном совещании!

— В Мумбаи все двуязычные.

— Надо еще понимать ваш английский! А девушка, которую ты встретил, конечно же не имеет ни малейшего отношения к твоему решению, да?

— Как раз имеет, и немалое. А еще Лали.

— Твоя тетка-то здесь при чем?

— Это долгая история. Ну как, ты согласен?

— Мое первое указание в качестве начальника: отвяжись от меня и катись!.. Хотя нет. — Он что-то нацарапал на клочке бумаги. — Поезжай-ка в этот офис, он сдается, и стоимость аренды вполне разумная. А мне надо подумать. Прежде чем уехать, подпиши контракты с Мокимото. Получишь их у Джеральда.

— Джеральд?

— Мой будущий помощник, его кабинет в конце коридора, ты не заблудишься.

Стоя у окна, Сэм наблюдал, как Санджай садится в такси. Он отправил его в ИКЕА в Парамусе, дальнем пригороде Нью-Йорка, чтобы успеть кое-что предпринять, пока друг не сообразит, что с ним сыграли шутку.

В одиннадцать часов Сэм вошел в холл дома № 12 по Пятой авеню и попросил отвезти его на девятый этаж.

— Вас ждут? — насторожился Дипак.

— Я друг Санджая, — признался Сэм.

Возвращаясь из Парамуса, Санджай отправил Сэму полное гнева сообщение. Если Сэм не в состоянии сообщить ему правильный адрес в пригороде Нью-Йорка, в Мумбаи его ждут серьезные проблемы! Несмотря на напряженное движение, он умудрился не опоздать на встречу с Вулвордом, своим адвокатом.

В семь вечера Санджай приехал сменить дядю. Тот сообщил ему о своем решении.

— Ты больше не обязан здесь работать и сможешь сам определить дату увольнения. Я, правда, предпочел бы, чтобы жильцы были предупреждены заблаговременно, хотя бы за двое суток. Я всегда буду благодарен тебе за то, что ты для нас сделал. Вернее, в первую очередь для меня. Не знаю, смогу ли когда-нибудь сполна с тобой за это расплатиться.

— Я знаю, как вы можете это сделать. Я знаком с человеком, который мог бы научить меня неподражаемому крикетному броску.

Во взгляде Дипака появилась нескрываемая гордость.

— Ты серьезно?

— Знаю, это непростая задача, но тот, кто не пытается, остается с пустыми руками.

— Приходи в воскресенье в полтретьего на лужайку, только захвати нормальную форму, иначе урока не будет. Понятно?

— Лали знает, что вы увольняетесь?

— Она раньше меня знала, что я приму такое решение.

— Как же тогда покорение вершины Нандадеви?

— Теперь я думаю, что отказаться от мечты, которую вынашивал столько лет, — это тоже весомый поступок. Не говори этого Лали, я поклялся ей, что никогда не повзрослею окончательно.

Дипак похлопал Санджая по плечу, потом расчувствовался, обнял его и расцеловал.

Попрощавшись с племянником, он отправился к другу в больницу.

— Ты сделал то, что следовало сделать, — важно проговорил Ривера.

— Ты говоришь так потому, что я не оставил тебе выбора. Надо было сначала с тобой посоветоваться, хотя это ничего не изменило бы.

— Учитывая твоё упрямство, так бы и произошло. Как видишь, у меня отлегло от сердца. Вчера вечером я тоже решил уйти на пенсию: теперь, когда с уходом за моей женой все определилось, я могу себе это позволить.

— Если тебе так хочется, зачем себя этого лишать? — беспечно бросил Дипак, беря со столика журнал.

Его легкомысленный тон так уязвил Риверу, что он потянулся и отобрал у гостя журнал:

— Ты не хочешь спросить, откуда у меня появились деньги?

Дипак посмотрел на часы и лукаво проговорил:

— Так и думал, что пять минут ты продержишься, но больше — никак. Будем считать, что виноваты лекарства.

— Я должен поделиться с тобой своей тайной, только пусть она останется между нами. Обещаешь?

— Кажется, в этом и есть смысл любой тайны?

— Я не просто так говорил тебе, что это дело рук кого-то из дома...

— Это и есть твоя сногсшибательная тайна? — со вздохом перебил Риверу Дипак.

— Дай мне договорить! Ожерелье никто не крал, это мошенничество, обман страховой компании. Она пошла на этот риск ради меня, и теперь я намерен посвятить себя ей одной.

— Спасибо за откровенность, только я давно сам это понял.

— Так я и поверил! — отмахнулся Ривера. — Как же ты любишь важничать!

— Есть индийская поговорка: «Укрavший яйцо украдет и курицу». Хочешь, поделюсь другим секретом, только это уже настоящая тайна? Монтажный комплект для лифта испортила твоя возлюбленная, Хлоя была ее сообщницей, а я постарался уничтожить улики.

Ривера потерял дар речи, а страшно довольный Дипак подобрал с пола журнал и поднялся со стула:

— Пожалуй, я почитаю это в метро. С тебя хватит детективов. Я поехал к жене.

Санджай ждал полуночи, чтобы запереть входную дверь. Несколько минут назад он оттащил наверх Моррисона, а так как тот попытался завести в лифте разговор, Санджаю пришлось орать ему в самое ухо, чтобы не позволить неожиданно отключиться.

Потом он поднялся на девятый этаж и трижды позвонил в дверь Хлои, но так и не дождался ответа. Полный досады, он решил, что пришел слишком поздно и она уснула. Опечаленный тем, что она не оставила ему сообщения, он спустился ночевать в холл.

Утром, после прихода Дипака, Санджай поспешил на первую за день встречу. Выбежав на тротуар, он сразу посмотрел на окна девятого этажа, надеясь разглядеть силуэт женщины, по которой за ночь успел соскучиться.

Адвокат Вулворд ждал его в кафе недалеко от своего офиса. У него для клиента были новости, как он считал, прекрасные.

— Ваши дядья не стали тянуть с ответом на мое обращение. Они так боятся, что вы займете законное место в правлении «Мумбаи Пэлас», что предлагают вам сделку: за пять процентов вашей доли они готовы профинансировать ваши американские проекты.

— Скажите им, что я отказываюсь, — твердо ответил Санджай.

— Не хотите подумать?

— Зачем? Они хотели войны — я объявляю им сразу две. Впредь пусть сидят и трясутся, поскольку я запустил в Индии процедуру возврата наследства. Через несколько месяцев моя тетя получит то, что ей причитается, после чего я создам акционерное общество с равными долями, в него войдут и эти два старых жулика.

Санджай поблагодарил Вулворда и заторопился на вторую встречу — в Испанский Гарлем.

Третья его встреча была с агентом по торговле недвижимостью в Сохо. Санджай высказал желание арендовать лофт с видом на Гудзон.

Его ждала и четвертая встреча — в доме № 12 на Пятой авеню.

— Ты явился раньше времени, даже странно! — приветствовал племянника Дипак.

— Вам не угодишь! Пока что я не буду вас сменять, а поднимусь на девятый этаж.

— Ее нет дома, — предупредил Дипак.

— Не страшно, я подожду.

Дипак кашлянул и выдвинул ящик конторки.

— Мисс Хлоя попросила передать тебе это, — сказал он, протягивая Санджаю письмо.

— Лучше поздно, чем никогда! Но письмо немного запоздало, я уже знаю, о чем оно.

— Сомневаюсь, — возразил со вздохом Дипак, — она отдала его мне только этим утром.

Санджай схватил конверт и метнулся на улицу, под козырек.

Санджай, из нас двоих эгоистка — я. Я никогда не задавала тебе вопросов о прошлом, о том, зачем ты приехал в Нью-Йорк. Я ничего не знала ни о твоём детстве, ни о том, какой путь ты прошёл. Сегодня утром у меня был Сэм. Не упрекай его, он повёл себя как друг. Принятое тобой решение, безумный проект, который ты предложил, ему безусловно выгоден, но то, как он мне о нём рассказал, доказывает, что он человек бескорыстный.

Мы никогда не говорили о том, что со мной произошло, и меня это утешало. Я не хотела никому об этом рассказывать, даже психотерапевту, обучавшему меня своей профессии. Для меня важнее всего было восстановиться. Но неожиданное счастье, которое пришло ко мне в день нашей встречи в парке, требует, чтобы я была с тобой откровенна. Да, ты мне понравился в тот самый миг, когда сел на соседнюю скамейку, — разве иначе я заговорила бы с тобой? Я была права, в тот момент, когда двое находят друг друга, всегда звучит музыка. Итак, вот история того дня, когда остановились мои часы.

На старте нас были тысячи. За несколько недель до этого я должна была улететь во Флоренцию, но жизнь распорядилась иначе. Утро начиналось прекрасно, небо было ослепительно-синим, меня подгонял легкий ветерок. Одни бежали за свои команды, другие — чтобы порадовать родных, кто-то вроде меня — чтобы доказать себе, что я могу преодолеть саму себя, а не только соперников. Таков дух марафона.

14:47. Авеню Содружества, поворот направо, на Герфорд-авеню, потом налево.

14:48. Вот и Бойлстон-стрит, финишная прямая. Ветерок колышет флаги всех стран мира, зрители подбадривают нас из-за ограждения, кричат: «Браво!», «Еще сто метров!», «Еще пятьдесят!», «Ты можешь!», «Осталось немного!», «Мы с тобой!»...

14:49. Я поднажала, собрав последние силы, я была как развинченная кукла, но нельзя же было рухнуть, когда до цели так близко! Я свернула к ограждению, чтобы отдышаться, не думая о тех, кто у меня за спиной. И вдруг...

14:50. Взрыв бомбы подбросил меня над мостовой.

Тротуар, куда меня отшвырнуло взрывной волной, был затянут едким дымом. Несколько секунд я не верила, что вся эта кровь, в которой я плаваю, — моя. Потом ко мне бросился мужчина, стягивая с себя на бегу ремень. Я не понимала, чего ему от меня надо. Он что-то говорил, но я не могла разобрать его слов, оглушенная пронзительным свистом. Приподняв голову, я увидела, что он затягивает у меня выше колен жгуты; при этом он приказывал кому-то сжимать изо всех сил мои раздробленные конечности. Кровь хлестала, выталкиваемая наружу ударами моего сердца. Я повернула голову и увидела разбросанные тела с оторванными конечностями, в тлеющей одежде, услышала вопли, стоны, подумала, что умираю и никогда уже не побываю во Флоренции. Потом страдания других пересилили мои собственные — не потому, что я была такой уж смелой, а потому, что, видя весь этот ужас вокруг, я не верила тому, что все это правда, и цеплялась за жизнь. Меня положили на носилки, люди разбежались в разные стороны, одна женщина сказала, что у меня синие губы и это значит, что я потеряла много крови, все вокруг заволокло мутной пеленой, потом что-то мерзко засосало внутри — и все померкло.

Странное дело, самое яркое воспоминание — родители у моей койки, когда я очнулась в больнице, и слезы на глазах у отца.

Санджай, точно так же как я не хотела тогда отказываться от этого забега, теперь я не хочу, чтобы ты из-за меня отказался от того, что создал.

Не нужно много времени для того, чтобы по достоинству оценить такого мужчину, как ты. Однажды ты прямо спросил меня, какое расстояние нас разделяет — целый океан или всего восемь этажей. На самом деле оно гораздо больше: ровно сорок сантиметров.

Мне пора побывать во Флоренции. Когда ты будешь читать это письмо, я уже буду лететь в Италию. Я дала себе слово очень многое сделать! Это твоя заслуга или твоя вина, потому что в номере «Плазы», где мы любили друг друга, ты вернул мне свободу и подарил крылья.

Столько людей по неведомым причинам проходят мимо друг друга, ты сам сказал мне об этом. Но мы поступили по-другому и пережили

мгновения счастья — помнишь, ты тоже о них говорил? Они навсегда останутся со мной, как и частица тебя.

Прости, что пишу тебе, вместо того чтобы сказать, но я не создана для расставаний.

Когда-нибудь я буду гулять по улицам Мумбаи и дышать одним с тобой воздухом. Я знаю, это сделает меня счастливой. Быть может, мы даже встретимся в парке.

С нежностью, бесконечно твоя

Хлоя

— Сегодня утром она собрала чемодан и уехала. Взяла с меня слово, что я не стану звонить тебе, — объяснил Дипак, выйдя под козырек к Санджаю.

Тот сложил письмо и спрятал в карман.

— Ну и дурак же я был!

— Три правила! Я просил тебя соблюдать три маленьких правила — неужели это так трудно?

— Трудно! — огрызнулся Санджай.

— Подожди здесь, я сейчас.

Дипак вышел на улицу в обычном костюме.

— Идем, Лали ждет нас к ужину. Мисс Хлое наши услуги больше не нужны, а остальные могут подняться по лестнице.

Санджай хотел остановить такси, но Дипак, верный своим привычкам, заявил, что они поедут на метро.

Лали накрыла стол на троих и приготовила любимое блюдо мужа.

Ужин начался в молчании, но под испытующим взглядом тетки Санджай выложил все без утайки.

— С ней должен был поговорить ты сам, а не Сэм! — упрекнула его Лали, когда он договорил. — Ты должен был ее убедить, что больше всего на свете хочешь быть с ней.

— Что это изменило бы?

— Все, дурень! Ты что, ничего не усвоил из моих рассказов?

— Можно мне узнать, что ты ему рассказывала? — с невинным видом спросил Дипак.

Лали притворилась, что не слышит, и снова взялась за племянника.

— Почему всегда уступки делаем только мы, почему только нам, женщинам, приходится все бросать и переезжать на чужбину? — возмущенно запричитала она.

— Не вмешивайся не в свое дело, Лали, — посоветовал ей Дипак.

— Разве судьба моего племянника — не мое дело? Когда мы были в его возрасте, ты не возражал бы, чтобы нам подставил плечо кто-нибудь из родственников.

— Флоренция большая? — вдруг спросил Санджай.

— Конечно нет! — успокоил его Дипак.

— У тебя есть минута! — рявкнула Лали, отбирая у него тарелку.

Дипак вытер губы, сердито бросил на стол салфетку и впервые за всю 39-летнюю карьеру нарушил самое священное из своих трех правил:

— Мисс Хлоя у матери в Коннектикуте. Чтоб ты знал, я уговаривал твою тетю жить без меня, а потом спохватился и предложил уехать со мной и вместе строить новую жизнь. Но кому нужны советы старого лифтера? Раз всем наплевать, я иду спать!

На улице Меррит-Парквей светало.

Когда машина выезжала в Гринвич, горящие фары пронзали розоватую бледность нарождающегося утра.

За серебристыми соснами показался светлый деревянный домик.

Миссис Бронштейн открыла дверь и уставилась на мужчину на крыльце. Тот попросил прощения за столь ранний визит. Она достала из кармана халата пачку сигарет, спросила Санджая, не найдется ли у него огонька, потом нащупала в кармане свою зажигалку.

Затянувшись, она снова с интересом посмотрела на него.

— Для нас это уже не утро, мы всю ночь проболтали в гостиной. Ступайте к ней, а я задержусь здесь: дочь запрещает мне курить в доме.

В камине догорали угли. Санджай спросил у Хлои, не хочет ли она, чтобы он подбросил дров, она ответила, что хочет, чтобы он сел с ней рядом.

Их беседа проходила без свидетелей, хотя миссис Бронштейн, заглянувшая к ним немного погодя, посоветовала дочери отправиться на неделю-другую в Мумбаи, вместо того чтобы мерзнуть тут на диване.

Кто откажется от недели-другой счастья?

Будучи начитанной женщиной, она, прежде чем идти спать, припомнила индийскую поговорку: «В любви нищие и цари равны».

Эпилог

Лали и Дипак больше не живут в Испанском Гарлеме. Лали заседает в правлении отеля «Мумбаи Пэлас». Дипак руководит тамошней бригадой лифтеров и следит за состоянием трех лифтов с ручным управлением. Спустя полгода после возвращения он поставил свой заветный рекорд и теперь мечтает о Канченджанге, горе высотой 8586 метров.

Ривера поселился на более скромной высоте — на шестом этаже дома № 12 по Пятой авеню. Желая, чтобы их связь была признана официально, миссис Коллинз поведала о ней миссис Зелдофф.

Когда соседи сталкиваются с ним в лифте, они почтительно ждут, пока он нажмет на кнопку.

Что касается Хлои и Санджая...

Мумбаи, 24 мая 2020 г.

Твой отец держал меня за руку, когда я производила тебя на свет.

Я проснулась на больничной кровати, где моя жизнь перевернулась во второй раз.

Жизнь преподносит нам все, что может, и радости, и горести, о чем тебе каждое утро напоминает твой дедушка Дипак.

А я узнала то, о чем раньше не подозревала. Когда с нами происходит то, что мы считаем худшим в жизни, это значит, что жизнь скоро преподнесет нам неожиданное чудо — саму себя. Жизнь. Свидетельство тому — ты.

Этот дневник я сберегу для тебя.

Твоя мама.

Р. С. В понедельник, 15 апреля, в 14:50... Почему — мне никогда не понять. Но «Да здравствует Бостон!».

Спасибо

Полине, Луи, Жоржу и Клеа.

Реймону, Даниэль и Лоррен.

Сюзанне Леа.

Эмманюэль Ардуэн.

Сесиль Буайе-Ренж, Антуану Каро.

Каролин Бабюль, Элизабет Вильнев, Летиции Бовиллен, Сильви Бардо, Лидии Леруа, Жоэлю Ренода, Сесиль Шифле, всей команде издательства Robert Laffont.

Полин Норман, Мари-Эв Прово, Жану Бушару.

Леонару Антони, Себастьяну Кано, Даниэль Мелконян, Марку Кесслеру, Ксавьеру Жарти, Жюльену Сальте де Сабле д'Эстьеру, Кароль Дельмон.

Лоре Мэмлок, Сиси Рамзи, Керри Гленкорсу.

Брижит Фориссье, Саре Альтенло.

Тому Хогмету.

И ресторану «Мими», куда приходят многие ньюйоркцы.

Примечания

1

Оксикодон — обезболивающее с легким наркотическим действием.

Content

[Марк Леви](#)

[Не такая, как все](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[Эпилог](#)

[Спасибо](#)

[Примечания](#)

МАРК ЛЕВИ

Не такая, как все

роман

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

